

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/77666>

Дикая Гора

Направленность: Слэш

Автор: [Chi_Lina-chan](https://ficbook.net/authors/10769) (<https://ficbook.net/authors/10769>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: Коин/Мая

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Драма, Психология, Повседневность

Предупреждения: **Насилие**, **Изнасилование**, **Нецензурная лексика**, **Underage**

Размер: Макси, 177 страниц

Кол-во частей: 31

Статус: закончен

Описание:

Мая, юный сын вождя племени, в отсутствие своего отца встает перед выбором – смерть или несмыаемый позор. Он, семнадцатилетний мальчишка, не в состоянии защитить племя от надвигающейся опасности, но Коин, сын вождя враждебного клана, вдруг предлагает свою помощь. Какова же будет его цена за спасение?

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

История не шаблонная, соблюденных канонов слеша читатель тут не найдет. Герои живые и идут своими путями к собственному счастью. Да, кое-где история жестока, но конец будет приличный и приятный.

История написана под впечатлением манги под названием Wild Rock.

Замечательный арт героев от AyaneNinja:

<http://s004.radikal.ru/i205/1204/5e/c793acd40c41.png>

Спасибо тебе большое за соучастие и поддержку!)

Герои в представлении Лючио Риманец:

<http://s020.radikal.ru/i705/1310/62/9d5991c9b720.jpg>

Спасибо!

ТОС

ТОС	2
Глава 1.	3
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	16
Глава 5.*	20
Глава 6.	28
Глава 7.	33
Глава 8.	42
Глава 9.	46
Глава 10.*	53
Глава 11.*	61
Глава 12.	70
Глава 13.	75
Глава 14.	80
Глава 15.	86
Глава 16.	92
Глава 17.	97
Глава 18.	102
Глава 19.	107
Глава 20.	115
Глава 21.	124
Глава 22.	129
Глава 23.	134
Глава 24.	142
Глава 25.	148
Глава 26.	151
Глава 27.	156
Глава 28.	164
Глава 29.	172
Примечание к части	180
Глава 30.	181
Эпилог.	190
Примечание к части	195

Глава 1.

1.

Сначала Мая услышал тихий хруст веток где-то в кустарнике позади. Но он не двинулся с места: это могла быть всего лишь какая-нибудь птица, вившая из опавших прутиков гнездо, но юноша все же напряг слух и весь обратился во внимание.

Потом до него донеслось еле слышное фыркание лошади, и Мая тут же вскочил на ноги, поудобнее перехватывая копьё и разворачиваясь к подлеску и таинственным теням высокого и густого кустарника. Сомневаться в том, что на земли его племени пожаловали незваные гости, больше не приходилось.

— Кто тут? — преувеличенно строго, храбрясь и хмуря брови, спросил Мая. Сердце в груди юноши билось учащенно, разнося по венам разгоряченную, щедро сдобренную ядом волнения кровь. Некстати подметил, что ткань подметки на левой ноге размоталась, и он наступает пяткой на край. Это может стать помехой в бою, если до него дойдет.

Снова хрустнула ветка, потом еще раз — словно тот, кто прятался в кустах, решил больше не скрываться. Враг приближался. Мая невольно сделал короткий шаг назад. В том, что это враг, Мая был абсолютно уверен — большая часть мужского населения его племени вчерашним утром ушла в гон, а если бы это был кто-то из деревни, то на зов стража отозвался бы сразу.

Поднимать панику раньше времени юноша не хотел, да и если крикнуть отсюда — никто не услышит, а бежать от того, кого еще даже не видел — позор. К тому же тот, кто приближался, был один.

Через мгновение ветки передних кустов зашевелились, и из тени, озаренный рыжим солнцем заката, показался человек. Высокий и широкоплечий, с рельефными мышцами на груди и суровым, мужественным лицом. Черные, как вороново крыло, волосы были собраны в высокий хвост и перевязаны кожаной лентой, на могучей шее покоилось ожерелье из деревянных пластинок с вырезанными и почерневшими от древности символами, вперемешку с острыми белоснежными клыками убитого воином животного.

Мая чуть опустил копьё.

— Что ты тут делаешь? — настороженно спросил он. Коин молча ступил на поляну.

«Он пришел один? Или привел своих диких дружков? Неужели, они собираются напасть?..» — недоумевал Мая, все больше хмуря светлые брови. Они знали друг друга с детства, но это вовсе не делало их друзьями и не придавало «доверительности» их отношениям.

— Сторожишь деревню в одиночестве? — пренебрежительно поинтересовался чужак. За его спиной, в кустах, Мая увидел круп лошади. Если Коин оставил своего жеребца

мирно пощипывать листья в сторонке, значит, явно пришел сюда один и атаковать пока не собирается.

— Чего тебе надо? – Мая поставил копье на землю тупым концом, оперся на него. Всем своим видом он старался показать недружелюбие и настороженность, и уверенность в себе в то же время, хотя последняя предательски покинула его несколько мгновений назад и никак не желала возвращаться. Несмотря на то, что Коинин пришел один, Мае с ним ни за что не справиться.

Коинин лениво оглядывался по сторонам, его взгляд скользнул по тропинке, ведущей к деревне, по кострищу и скромным пожиткам стражника: свертку с едой, меховой шкуре и кожаному мешку с мелочевкой.

— Что, все ушли в гон, а тебя оставили одного сторожить дом? – высказал предположение воин, — Ты прямо как бесполезный, но любимый пес – от тебя мало толку в охоте, но если ты увидишь опасность, то хотя бы сможешь залаять.

— Если ты пришел пооскорблять меня, то лучше возвращайся и займись каким-нибудь полезным делом.

Мая развернулся к чужаку спиной, показывая, что разговор окончен, и снова присел у костра, вынул из тряпичной повязки на голени нож и принялся затачивать его камнем.

Он не знал, что понадобилось тут Коину, сыну вождя племени Глубоких Озер, но его появление Маю совсем не обрадовало. Их племена с очень давних пор были не в ладах, так как делили земли Долины Ветров (племя Растущих Семян возделывало южные земли, а племя Глубоких Озер охотилось в северной части долины и осваивало дальние равнины и леса).

Как представители и сыновья вождей двух недружественных, но пока и не враждующих племен, Мая и Коинин с детства чувствовали напряжение, когда встречались друг с другом. Давление на них оказывали и внутри племен и семей – отцы, матери, старосты и старожилы нелестно отзывались о старом враге, так как в прошлом, десятки лет назад, племена воевали. К тому же, в их отношениях, помимо старых обид, было место и личной неприязни: высокий и крепкий Коинин всю свою сознательную жизнь задирали и дразнили худенького и большеглазого Маю. Коинин был настоящим воином, прирожденным охотником и старшим сыном в семье, а Мая был единственным сыном, и, будучи выращенным матерью и двумя старшими сестрами, рос любознательным, но спокойным и миролюбивым юношей. Он появился на свет, когда Коину уже было несколько зим.

Кто-то по-доброму шутил, что Мая должен был родиться третьей сестрой, но Духи вовремя спохватились и изменили пол ребенка в утробе матери, однако женственные черты в характере и в телосложении мальчика все же угадывались. Над ним подшучивали, но любили – за честность, за сердечность, за заботу о других.

Племя Растущих Семян, к которому принадлежал Мая, было слабее племени Глубоких Озер, так как их хозяйство основывалось больше на земледелии и собирательстве, а жители северной стороны промышляли охотой и рыболовством. Естественно, племя

Глубоких Озер было более воинственным и агрессивным, но пока земель хватало на всех, причин для открытой вражды между кланами не было.

Зачем у границ территории племени Растущих Семян появился сын вождя другого племени, Мая не знал, но, отлично зная наглую бунтарскую натуру Коина, юноша предпочитал поскорее избавиться от его общества. Немало унижений вытерпел он от этого человека еще будучи ребенком.

— Ах, Мая-Мая! – притворно тяжело вздохнул Коин, неспешно приближаясь к кострищу.
— Что же ты будешь делать, душа моя?

«Чвиррк. Чвиррк» - скользит по плоскому лезвию острый камушек.

— Я собираюсь пообедать, так что иди туда, откуда пришел, и не порть добрым людям аппетит, – равнодушно отозвался юноша. Он почувствовал Коина за своей спиной, ближе, чем в полуметре, и ему стоило больших сил не сгорбиться, опасаясь удара, и не обернуться.

«Чвиррк. Чвиррк. Чвв...»

Чужие пальцы коснулись волос и приподняли непослушные, выбившиеся из неопрятного хвоста пряди. Мая остервенело дернул головой и обернулся, с яростью глядя на возвышающегося над ним молодого воина.

— Чего тебе?! – сорвавшись, грозно рявкнул он. Коин довольно оскалился в ответ.

— Я принес тебе дурные вести, мой мальчик.

— Ты сам – одна дурная весть.

Мая демонстративно отвернулся.

— Ты не хочешь послушать? – в голосе чужака послышалось удивление, — Весьма неразумно с твоей стороны, если учесть, что во всей деревне остались ты, женщины, дети, да пара дряхлых стариков.

Мая молчал, продолжая чиркать камнем о камень. Этот напыщенный индюк явно что-то знает, чего не знает он, и информация может оказаться очень полезной. В таком случае, Мая должен был выпросить у Коина все, наплевав на уязвленную гордость. Но с другой... с чего бы человеку из другого племени приходить сюда и делиться этой самой информацией? С чего это Коин пожелал заявиться сюда, к нему, к Мае – а юноша не сомневался, что Коин пришел именно к нему, Коин знал, что племя ушло в гон, он знал, что сторожить, по обыкновению, остался Мая.

Юный страж считал это очень подозрительным.

Коин принял его молчание за согласие, и присел на корточки рядом.

— Дикие Свиньи двинулись на Восток. Ищут новые плодородные земли, так как на своих разграбили и уничтожили все.

«Дикие Свиньи?..» — сердце Маи сбилось с ритма, руки замедлились. Чвииррррк...

— Они идут через Долину Ветров, — многозначительно добавил Коин.

— Откуда ты знаешь?! — вскинулся юноша, роня камень на сухую землю. Его лицо было встревоженным, а глаза Коина — серьезными. Сын вождя племени Глубоких Озер не шутил. Они оба понимали, какой смертельной опасностью грозит их племенам появление Диких Свиней, кровожадных и бесчувственных полулюдей-полуживотных. Но, в отличие от воинственного и могущественного племени Глубоких Озер, племя Растущих Семян было не способно выстоять в схватке. Если Дикие Свиньи доберутся до деревни — здесь будет резня.

Фактически, Коин сообщил Мае о том, что его клан скоро вырежут, как сорную траву с пахоты. Только если племя Глубоких Озер не остановит нашествие убийц и воров. Первыми на пути Диких Свиней было племя Коина, и если не выстоят они — племя Маи просто сметут и сравняют с лугами Долины.

— Наши разведчики вернулись с этой новостью ночью.

Мая молчал. Все племя ушло в гон, они не вернутся еще около пяти дней, в деревне нет никого, кто мог бы защитить людей... Один Мая, несколько подростков и пара взрослых мужчин. И с этим они должны были выстоять против Диких Свиней, самого жестокого и безжалостного племени, которое когда-либо знал человеческий род?

Как сыну вождя, ему доверили племя на время отсутствия отца, и он был ответственен за жизни жителей, за их безопасность и за сохранность хозяйства. Но что Мая мог? Что мог он сделать в этой ситуации? Бежать, уводить людей? Бросить дома, скот и возделанные поля на волю судьбы, под ноги этим диким варварам?

— Что же ты будешь делать? — снова пропел Коин, словно издеваясь, словно знал наперед все ужасные мысли, терзающие голову светловолосого мальчишки.

— А что будете делать вы? — чуть дрогнувшим голосом спросил Мая. Пальцы не слушались, отказывались сжимать брошенный камешек.

— Мы? Готовиться к обороне, конечно. Нам, понимаешь ли, надо выстоять. Потому что за нами — целый табор беспомощных брошенных женщин и стариков.

Мая сжал зубы и нечаянно прикусил губу. Слизнул кровь. «Беспомощных, брошенных...» — слова резали слух, но они были правдой, и это причиняло ему еще больше боли.

— Откуда мне знать, что это правда? — подозрительно спросил он. — Откуда мне знать, что ты не врешь?

— А с чего бы мне врать об этом?

— Почему ты вообще мне все это говоришь? Зачем предупреждаешь об опасности?

— Мне доставляет удовольствие смотреть, как ты мечешься в панике, пытаешься решить, что же делать. Ты никогда не примешь правильного решения, ты слишком глуп и неопытен.

— Что тебе надо, ты хочешь что-то предложить? – догадался Мая, взглянул прямо в лицо воина. Коин снова сыто улыбнулся.

— Возможно. Но хватит ли смелости у тебя? Пойдешь ли ты на это ради своего народа?

— Ты хочешь объединиться? – предположил юноша.

— С кем? – усмехнулся воин, — С тобой?

Коин протянул руку, схватил Мая за локоть и дернул в сторону.

— Да у тебя и мышц-то нет. И с копьем обращаться ты не умеешь.

— Умею!

— Может, ты и сможешь убить зайца или лису, но для сражения с Дикими Свиньями этого недостаточно. Тебе выпустят кишки в первом же бою.

— Тогда зачем все это?! – сорвался Мая, выдергивая руку из сильных горячих пальцев. Прикосновения Коина были ему противны. – Почему я должен верить тебе?

— Не должен, не верь, — легко согласился Коин, подбирая с земли камешек. Он покрутил его в пальцах, затем кинул в грудь сидящего рядом мальчика. – Это твое дело. Сидеть на месте и ничего не делать, или пытаться что-то предпринять, бежать прочь, хвататься за оружие... Это меня совершенно не касается. Не верь. Ты абсолютно беспомощен, Мая. Ты жалок.

— Убирайся.

— Хм? Ты даже не станешь слушать, что я хочу тебе предложить?

Мая резко дернул головой, показывая свое раздражение.

— Нет. Я не верю тебе! Откуда мне знать?! Может, это лишь часть твоего плана и никаких Диких Свиней нет, может, ты врешь и пугаешь меня, чтобы заставить меня объединиться с вами, может, вы просто хотите забрать наши земли, пока старших нет?! И поэтому Ты явился сюда один, чтобы заговорить мне зубы, а не твой отец пришел к моему, чтобы обсудить пути спасения.

— Ты так подозрителен, прямо как женщина.

— Я не так глуп, как ты ду...

— Ты глуп, Мая, твое племя в опасности, а ты думаешь о том, что это Я попытаюсь обмануть ТЕБЯ. Не пора ли забыть свои детские обиды и повзрослеть, а?

— Ты подозрительно спокоен для того, кому тоже грозит опасность!

— В отличие от тебя, у меня есть отец и братья, со мной сотня опытных воинов, и все они готовятся к тому, чтобы защитить свои семьи и дома. А ты один, мальчишка, которому стукнуло всего семнадцать зим, с бабами да младенцами за спиной, и тебе придется за них постоять. В тебе расту, как в женщине, и волосы в паху еще не растут – конечно, по сравнению с тобой я спокоен.

— Попридержи свой поганый язык, Коинн! – воскликнул Мая, перехватывая поудобней нож и замахиваясь им для удара. Но Коинн даже не шелохнулся, не отрывая взгляда от его разъяренных глаз.

— Я предлагаю тебе помощь. – Напомнил он.

— И что же ты предлагаешь такому глупому и незрелому мальчишке?!

— Я защищу твое племя, — вкрадчиво проговорил Коинн, словно объявлял условия сделки, — а в обмен...

Его рука опустилась на колено Маи, скользнула между ног, прихватывая с набедренной повязки брошенный ранее камешек, да так и осталась лежать.

— ...ты разделишь со мной ложе.

Глава 2.

2.

Мгновение – и свистнул, рассекая воздух, взлетевший нож. Коинн отшатнулся назад, припав на руку, и тут же вскочил на ноги. Мая тоже поднялся в развороте, снова замахиваясь ножом. Коинн чуть отступил.

— Убирайся прочь, Коинн! Я не женщина! – вскричал Мая, наступая.

— Не будь таким категоричным, Мая, тебе всего лишь надо не сопротивляться...

— Убирайся к болотным духам, пока я не порезал тебя! Только ты знаешь, как унижить человека так, чтобы он никогда не забыл этого!

— Судьба твоего племени в твоих руках...

— Судьба моего племени между моих ног – это ты хотел сказать, да?!

— Подумаешь – полежать чуток! Не такая уж высокая цена за жизни людей, за которых ты в ответе.

Мая остановился, чуть опуская нож. Из прокушенной губы по подбородку стекала кровь, покрасневшее лицо – как у маленького озверевшего детеныша. Ожерелье поднималось и опускалось вместе с грудью, а по плечам, падая на лицо, рассыпались из ослабевшей повязки волосы.

Мая не был дохляком – он обычный парень, с тонкими накачанными мускулами, но не такой массивный, как принято быть мужчине, легкий и изящный, и только за тонкую кость Коинн с детства дразнил его девчонкой. Но в последнее время его шутки приобретали все более двусмысленный и оскорбляющий тон. Мая не собирался терпеть это дальше.

— Как это низко, ты опускаешься до такого вранья, чтобы удовлетворить свою похоть!.. – разозлившись, выкрикнул он.

— Ты можешь считать это враньем. До тех пор, пока они не придут сюда и не подвешат тебя за сожженные ступни под деревом.

— Ты все врешь!

— Как знаешь. – Отступил Коинн. – Я предложил тебе помощь. Единственное, что ты можешь кроме этого – это бежать...

— Этого никогда не случится! Возвращайся к себе и имей своих женщин!

— Эти глупые женщины осточертели мне...

— Тогда найди себе кого-нибудь другого и оставь в покое меня. Убирайся, Коин, уходи, убирайся с глаз моих долой.

Голос Май был абсолютно ровным. Нож опущен, костяшки пальцев, сжимающих его, побелели, а взгляд полон презрения и неприязни. Если бы Коин захотел – он смог бы взять этого мальчишку прямо тут, но, к своему собственному удивлению, старший сын племени Глубоких Озер не находил в грубом изнасиловании ничего привлекательного.

Коин хотел, чтобы мальчик сам пришел к нему. Он хотел заняться с ним любовью, и заниматься ею так долго, насколько хватит сил. И он придет. Обязательно придет. «Я все для этого сделаю!» — подумал Коин, прежде чем развернуться и уйти.

— Подумай об этом! – бросил он через плечо. Маленький камешек просвистел в воздухе и улетел куда-то в кусты. Мая развернулся к костру, бухнулся наземь, схватил точильный камень и с остервенением зачиркал им по ножу. Надо было ударить, надо было... Но не хватило духу.

Чвирк-чвирк-чвирк-чвирк... Доносилось от костра. Коин, взяв коня под уздцы, взглянул на голую сгорбленную спину мальчика, на острые лопатки, выступающие под кожей, на розовые пятки, виднеющиеся под размотавшимися подметками. Вспомнил, что только что видел такие же розоватые соски на чуть золотистой от загара груди – кожа у мальчика, как у его отца, была светлая. Светлая кожа и светлые волосы – экзотика для Коина и его племени, откуда и когда в племя Растущих Семян пришли люди с такой внешностью не знал никто, но сплошь смуглокожих и черноволосых жителей Долины это привлекало и манило, словно древнее колдовство.

В племени Растущих Семян к людям с белой кожей относились как к отмеченным Духами Предков. По их мнению, Мая, светлокожий, добрый, к тому же, сын вождя – вдвойне Святой. Коина вот тоже... привлекало, манило, влекло. Когда легкий светлый мальчишка с огромными голубыми глазами стал манией, молодой воин не знал. Кажется, он бредил им еще в детстве, только тогда, по глупости, по малости, не осознавал сути своего желания видеть его, трогать его, говорить с ним, задирать, доводить до слез... Мая не плакал. Почти никогда. Это бесило Коина – ему казалось, что такой слабак должен быть слаб во всем, но миниатюрный мальчишка оказался на удивление сильным духом.

Было ли это из-за его необычной внешности, или потому, что это был именно Мая – двух его старших сестер, тоже светлых, как день, Коин не находил настолько привлекательными, — но помешательство на мальчишке из чужого племени не давало ему покоя уже много лет.

Наконец-то подвернулся удобный случай. Наконец-то можно было взять его, сделать своим, навсегда, и никто никогда его не отнимет. Такова будет его цена, которую он назначит, когда вернется вождь Растущих Семян вместе с основной частью племени. За спасение – отдайте своего сына. В наложники, в рабы, в любовники, в друзья, как угодно – только отдайте.

— Я еще вернусь! – крикнул Коин, разворачивая жеребца к просеке. – Поговорим еще

раз, когда успокоишься.

Мая молчал.

Чвиррк. Чвиррррк. Чвирк. Доносилось с поляны.

Коин знал, что Мая придет. Деваться-то ему некуда.

Глава 3.

3.

— Что с тобой, Мая? — спросил Савана, низкорослый и коренастый воин с рваной спутанной бородой, что пришел на смену юноше на закате. Пока Мая собирал свои вещи, Савана стоял рядом с ним, облокотившись на копье, и с удивлением заметил, что в движениях вечно спокойного и мягкого мальчика появилась непривычная резкость.

Мая ничего не ответил, выпрямился, поднялся на ноги. Его непривычно холодный, пронизывающий взгляд был устремлен вдаль, поверх головы воина. Он был немного выше Савана, уже пожилого мужчины, но явно уступал тому в весе и ширине плеч; Савана был некогда ранен в ногу саблезубым тигром, и теперь с трудом передвигался на длинные дистанции, поэтому остался в деревне, помогать еще зеленому сыну вождя.

— Все в порядке, друг, — заверил Мая, и похлопал мужчину по плечу. Саване же показалось, что звучит это совсем неубедительно.

— Что-то случилось за этот день? — догадался он.

— Ничего, просто меня одолевают некоторые сомнения... А где же Тор? — Мая оглянулся на тропинку, ведущую к селению, но там никого не было.

— Он в пути. Не волнуйся, Мая.

— Будь осторожен, Савана. Смотрите в оба.

— Ты что-то подозреваешь?

— Можно и так сказать. Будь осторожен, — Мая выпустил плечо старого воина, и, больше ничего не говоря, пошел прочь. На полпути к деревне он встретил Тора, такого же юного мальчишку, своего ровесника, и перебросился с ним парой слов. В ночное время на стражу всегда заступали двое, но даже при этом Мая несколько волновался после того, что услышал сегодня.

Весь вечер он мучился сомнениями и обидами. Проигнорировать слова Коина он, как ответственный за все поселение, просто не мог, но и верить всему, что этот плут говорит, тоже нельзя. Мая размышлял о том, что же ему делать, до глубокой ночи. Уводить людей из-за опасности, которой, возможно, даже не существует? Послушают ли они его, пойдут ли за ним неизвестно куда?

Довериться Коину и отдаться ему? Это было отвратительно! Мая предпочел бы умереть от копья Дикой Свиньи, чем лечь под другого мужчину! В конце концов, Коин мог просто напросто врать обо всем. А если Дикие Свиньи движутся к Долине на самом деле? Что, если опасность реальна?

Мая долго обдумывал происходящее, и пришел к выводу, что первым на пути врага все

равно лежит племя Глубоких Озер. Коин и его братья будут защищать деревню в любом случае, независимо от решения Май! И решение Май никак не повлияет на стойкость этого могучего племени, Коин всего лишь пытается использовать ситуацию и надавить на него.

Если племя Глубоких Озер отразит атаку, то и племени Растущих Семян можно будет ничего больше не опасаться. «Коин пытается манипулировать мной. Как глупо!» — вздохнул Мая.

Он поправил набитую птичьим пухом подушку и укрылся одеялом, сплетенным из сухой травы. Он долго пытался заснуть, но что-то все же не давало ему покоя, волнение, охватившее юношу сегодня после встречи с чужаком, не отпускало. Мая проворочался на своем настиле половину ночи, а потом вылез из своего жилища и остановился посреди дороги, прислушиваясь к звукам ночи.

Ночь была тиха.

Он заглянул в хижину своих сестер и посидел несколько минут на земле, слушая их мерное дыхание, но это не успокоило его. Тогда он накинул на себя кожаную куртку, взял копье и направился на то место, где сторожили деревню Савана и Тор.

Стражники очень удивились, увидев сына вождя, но с радостью позволили ему присесть у костра, и даже укрыли тростниковым одеялом, когда юношу, наконец, сморила усталость и он заснул.

Наутро Мая проснулся с мыслью, что он определенно что-то упустил из виду. Что-то очень важное. Но юноша никак не мог понять, что именно.

Савана и Тор ушли, уступив пост новому стражнику, а Мая принялся бродить в округе, снедаемый волнением. Он был почти рад, когда на тропинке, ведущей через заросли ежевики к реке, увидел одинокую фигуру Коина. Но тут же напрягся и нахмурился, вспомнив, что Коин – его враг.

— Я вижу, мысли всю ночь не давали тебе покоя. – Приветливо улыбнулся молодой воин, но Мая ответил ему презрительным взглядом голубых глаз. – Что же ты решил? У тебя не так много времени.

— Сколько? – тут же ухватился за такое важное слово «время» Мая. Ему надо было задать очень много вопросов этому плуту.

— Два или три дня. – Охотно ответил Коин.

— Твоя сделка бессмысленна. – Заявил Мая. – Они в любом случае сперва нападут на вас. А нам остается только дожидаться своей участи.

— Значит, ты не собираешься принимать условия сделки, и не собираешься уводить людей?

— У тебя нет никаких доказательств. Глупо с моей стороны сразу поднимать панику. Я собираюсь посоветоваться со старейшинами.

— Мудрое решение, — согласился Коинн. Сегодня он пришел налегке, без лошади, или же оставил своего жеребца далеко позади. — Но ты забыл кое-что немаловажное...

Мая весь обратился в слух. Он забыл что-то, да, он забыл, но что...

— Долина открыта с обеих сторон. Получив отпор с Северной, они обогнут горы и зайдут с Южной, и на этот раз нападут только на вас.

Сердце Май рухнуло в пятки. Как же он мог об этом забыть! Как он мог об этом даже не подумать! Долина открыта с обоих концов... На лице юноши появилась мертвенная бледность.

— Так что если собираешься уводить людей — поспеши. Но подумай еще о том, что будет, когда другие вернутся. Ты никак не сможешь их предупредить. Твой отец вернется на выжженные и вытопанные земли, в деревню, которую разрушили и сравняли с землей, и не найдет тут никого. К тому же, увидев, что добыча ушла, Дикие Свиньи бросятся за вами в погоню. Уверен ли ты, что сможешь уйти достаточно далеко с женщинами и детьми?

Мая молчал, устремив свой взгляд в землю. Что за неслыханный позор! Из него никудышный предводитель, никудышный стратег... Отец никогда не сможет им гордиться! Что же делать теперь?

— Я говорил, что ты не сможешь принять правильного решения — ты еще незрел и опыта у тебя нет. — Коинн подступил ближе, между ними оставалось всего несколько шагов. — Старейшины скажут тебе то же, что и я — безопасность племени это самое важное. Я предлагаю тебе единственно верный вариант. Я защищу твое племя, я пришлю сюда людей на тот случай, если Дикие Свиньи нападут с обеих сторон. Я готов тебя выручить.

— А за это я должен лечь под тебя? — дрожащим от гнева и осознания безысходности голосом спросил Мая. Он чувствовал, что его загоняют в тупик и отчаянно, изо всех сил сопротивлялся этому — и давлению чужака и своим собственным страхам и слабости.

— Да. — Подтвердил Коинн. — Я обещаю, что не причиню тебе вреда.

И что же более постыдно — подвергнуть деревню смертельной опасности сыну вождя, из-за собственной незрелости и глупости, или мужчине раздвинуть ноги перед другим мужчиной, став тому женщиной, на недолгое время — но став?

— Ты слишком много просишь, Коинн! — с трудом проговорил Мая. В носу защипало. Нет, этому не бывать!

Коинн устало вздохнул.

— Иди, возвращайся домой. Советуйся со своими старейшинами. Делай, что считаешь

нужным. Я буду на этом месте в это же время завтра с утра. Приходи, каким бы ни было твое решение.

— Если я решу уводить людей, мне нет смысла приходить сюда. Мы снимемся с места сегодня же.

— Как знаешь. Я буду ждать тебя.

Коин развернулся, зашагал прочь по тропинке. Он был слишком уверен в себе, слишком беззаботен и хладнокровен, когда предлагал свою якобы «помощь», и это задевало юношу еще больше. Мая долго стоял на месте, пялясь на его широкую спину, пока та не стала совсем мала. Слезы текли по его лицу, он сжимал зубы. Мая понимал, что у него, скорее всего, не было выбора.

Он скажет старейшинам – расскажет обо всем, но умолчит о срамных условиях сделки. И старейшины, услышав это «все», велят ему принять помощь Коина, не ведая о цене, которую мальчику придется заплатить.

Сейчас, в эту самую минуту, стоя под палящими лучами солнца, обдуваемый еще свежим утренним ветерком, Мая ненавидел Коина больше, чем когда либо в своей жизни.

Глава 4.

4.

— Будь поуверенней в себе, ты все правильно делаешь – спроси совета у старейшин. – Мая ощутил на своей шее широкую горячую ладонь Треса, мужа своей старшей сестры. Он смущенно улыбнулся. Этот мужчина всегда относился к нему как к младшему брату, и для Май Трес был, пожалуй, самым близким человеком после его возлюбленной и членов его семьи.

— Никто не принимает таких решений в одиночку, даже твой отец, – добавил он.

В отцовской хижине было душно: нагретые на ночь камни гнали волнами раскаленный воздух, мелькая между подпорками, резвились дочери вождя племени Восходящих Семян, Мать величественно восседала на ложе, вытянув свои сильные стройные ноги, и штопала отцовскую рубаху. Мая и Трес пили настойку из ягод и трав, примостившись на низкой скамье у дальней стенки. На поляне посреди деревни пели и танцевали жители, не ведая страха и печали. Их радостные голоса доносились до Май приглушенно, словно невзначай напоминая, что жизнь – это счастье, что жизнь – прекрасна, что Мая не может по своей прихоти этой жизни лишиться.

Мать поднялась с ложа, повесила рубаху на крюк в столбе, подпирающем крышу, и подошла к мужчинам. Она наклонилась и, положив обе ладони на плечи Май, мягко поцеловала его в лоб. Ее светлые волосы коснулись его лица.

— Иди. – Сказала она тихим голосом. – Ты со всем справишься, Мая. Ты самый лучший сын, которого я могла бы желать.

Ее губы снова тронули нежную кожу лба мальчика, и Мая почувствовал прилив благодарности и сил. Его семья верит ему. Он справится.

Мая поднялся.

Сестры остановились и замерли в углу – ранее они не прислушивались к разговору, а теперь их лица выражали крайнее любопытство.

— Что происходит? – хором спросили они, когда Мая уже скрылся во тьме ночи.

— Не вашего ума дело, девицы! – неласково отозвалась мать. Только услышав это из-за стен хижины, Мая понял, насколько сильно она встревожена на самом деле.

— Мая, Мая! – окрикнули его. Мая обернулся на голос и увидел Сорину, спешащую к нему с холма, где собрались гуляющие жители.

— Мая! – она подбежала и, обхватив руками шею юноши, приникла к нему, заглядывая в глаза. – Что происходит? Ты со вчерашнего дня ходишь чернее тучи. Ни разу со мной не поговорил...

— Иди домой, Соринка, не до тебя сейчас.

— Я знаю, что что-то случилось! – настаивала девушка, не давая ему уйти. – Почему ты со мной ничем не делишься? Ты меня не любишь?

— Люблю. – Заверил Мая, в ответ обнимая ее за талию. – Но это дело мужское. Не надобно женщинам об этом думы толкать.

— Это что-то опасное? – заговорческим шепотом предположила она.

— Неважно.

— Но почему? Ты совсем никогда мне ничего не рассказываешь! – Соринка надула губы, всем своим видом показывая смертельную обиду.

— Я не хочу, чтобы ты волновалась об этом, — смягчился Мая, и потянулся к надутым губам.

— Ах ты какой! – Соринка легонько стукнула его по спине, — Вот плут! Думаешь так избавиться от меня?

— Соринка! – грозно прикрикнули из-за спины. Они оба обернулись, и Сорина сразу же сильнее вцепилась в своего возлюбленного. Лицо ее приобрело очень враждебное выражение.

Из хижины выглянули сестры Май.

— Чего ты тут вертишься? – спросила старшая.

— Не вашего ума дело. – Отозвалась девушка.

— Не видишь что ли – не до тебя сейчас. Не мешайся! – поддакивала младшая.

— Вот еще, тебя забыла спросить! – Соринка оцетинилась.

— Иди домой, Сорина. – Настоял Мая, — Мне надо со старейшинами поговорить.

— Ах вот ты как, Мая! А еще говорил, что любишь меня! А сам только отсылаешь, когда я тебе не нужна, да за поцелуями тянешься! – девушка оттолкнула его, топнула ножкой. – Никогда, никогда тебя не прощу! И не приходи ко мне больше, обманщик! – воскликнула она и тут же убежала.

— Вот настырная девица! А как подлизывается?

— Никакой веры такой бабе нет...

— А ну, тихо! – прикрикнул на сестер Мая. Те тут же смолкли. – Идите в дом.

Когда кожаная занавесь закрылась за их спинами, Мая тяжело вздохнул. То, что его семья не принимала его возлюбленную, как равную, сильно ранило его. Но не это сейчас самое главное...

— ...У меня нет права игнорировать эту весть, но верить безоговорочно его словам я не могу. — С этими слова Мая закончил свое повествование. Старейшины собрались в его хижине, расселись у нагретых камней на тростниковых подстилках, хмурили брови и щупали свои вековые бороды.

— Коин, сын Лабарта, хитрый, как лис. — Согласился один из старейшин. — Но зачем бы ему врать о таком?

— Если все племя Глубоких Озер готовится к обороне, и если они знают, что наш вождь и все мужчины ушли в гон, то понятно, почему с этим известием пришел только Коин, и почему он пришел именно к тебе, мой мальчик.

— Вы верите ему? — не поверил своим ушам Мая.

— Слишком сильно сказано. Пропустить мимо ушей — нельзя, довериться без доказательств — тоже. Что верно, то верно.

— Бежать в самом деле не имеет смысла. У нас в селении семь беременных жен, они не смогут передвигаться быстро и на лошадь тоже не смогут сесть.

— Если он предлагает помощь — то что требует взамен? — задал опасный вопрос дряхлый старикашка, весь покрытый коричневыми старческими пятнами. Мая ответил с заминкой:

— Это касается только меня и его. Никто из деревни от этого не пострадает. Но что, если все это обман, и Коин спланировал это, чтобы отнять наши земли?

— Ему не было бы нужды придумывать... — тут же отозвались старейшины. — Мы сейчас беззащитны, словно младенцы. Если бы племя Глубоких Озер хотело отобрать наши земли, они бы просто пришли сюда, и мы бы не смогли оказать достойного сопротивления.

— Но что, если они хотят сделать это не силой, а обманом? Что, если Коин пытается подставить меня? Если я ошибусь, вина целиком будет лежать на мне, — осторожно протестовал юноша.

— Для этого мы все тут и собрались, мой мальчик, если Мы примем неправильно решение, ответственность за последствия будет лежать в равной степени на ВСЕХ нас. Но, если задуматься, мы потеряем гораздо больше, если откажемся, и если Дикие Свиньи — не выдумка и они действительно идут сюда.

Мая опустил взгляд. Кажется, все складывалось именно так, как и говорил Коин.

В хижине долгое время царило молчание, понурый Мая чувствовал на своем лице внимание десятка пар глаз. Наконец, Жаим, что был главнейшим из старейшин, вздохнул.

— Думаю, все согласны с тем, что помощь племени Глубоких Озер нам придется принять.

Мая обреченно опустил голову.

Глава 5.*

5.

Коинн поджидал его на том же самом месте, присев на старый, сотни лет назад молнией расколотый пополам камень. Мая завидел его еще издали, но не решался подойти, прятался в подлеске, кусая губы, и уговаривал себя показаться из спасительной и такой уютной тени. Что ему предстоит делать с этим варваром, он представлял себе плохо, вернее, не мог осмелиться представить, но мысли об этом неизменно внушали ему отвращение и животный панический страх. Однако сознание своей ответственности и долга перед соплеменниками – и есть то, что отличает человека от животного, и именно эти чувства, пусть не перевешивая первые, все же не позволяли ему сбежать.

Он топтался под деревом долго, несколько раз порывался уйти и возвращался, замирал у самой кромки леса и снова отступал назад, до тех пор, пока Коинн, не поворачиваясь, раздраженно не спросил:

- И долго ты будешь там танцевать?

Тогда Мае, сделав глубокий вдох, пришлось выйти на тропу и приблизиться к воину. Коинн поднялся на ноги. Он возвышался над Маей, высокий, с гордо выпрямленной спиной, с жадным блеском в глазах и пересохшими и покрасневшими от вожделения губами.

- Что ты решил? – чуть охрипшим голосом спросил он. Мая молчал, опустив голову, и не смел поднять на него взгляд. Это молчание – краше любого ответа, на который мог бы надеяться Коинн. Они стояли друг напротив друга в тишине, затем Коинн протянул руку и пальцами коснулся подбородка юноши, заставляя того поднять голову и посмотреть ему в глаза.

- Не напрягайся так, я не собираюсь тебя насиловать... - Попросил он.

- Только один раз. – Процедил в ответ мальчик. Коинн ничего не ответил. – Только один раз, Коинн, пообещай мне!

- Одного раза недостаточно...

- Лжец! Ты обманул меня! – Мая ударил воина по руке, отступая назад, но Коинн тут же схватил его за запястье.

- Поздно бежать, ты уже согласился!

- Не смей прикасаться ко мне! Не было речи о том, чтобы ты делал это...

- Замолкни. Я сильнее, поэтому я решаю!

- Отпусти меня! Я отказываюсь!

- Ты не можешь повернуть назад сейчас!

- Ты обманул меня!

- Нет. – Коинн чуть смягчился, ослабил хватку, но руку мальчика не отпускал. – Только сегодня. Хорошо? Проведи этот день со мной, и я отпущу тебя.

- Почему я тебе не верю?.. Ты опять врешь. Признайся, ведь никаких Диких Свиной не было...

- Я не врал. Успокойся.

- Убирайся! Не прикасайся ко мне! – Мая рванулся назад, выдергивая руку из пальцев врага, но Коинн то же мгновение резко потянул его на себя. Что-то хрустнуло. Мая, глухо вскрикнув, упал на колени, расслабляя поврежденную конечность, чтобы смягчить боль.

- Что ты делаешь? Сам себя поранил. – Без капли сочувствия, с ехидцей подметил Коинн.

- Отпусти. Я никуда не пойду с тобой. – Дрожащим голосом прошептал юноша, глядя в сухую вытопанную землю под второй, здоровой рукой. Огибая его ровные пальцы, вереницей бежали по своим делам муравьи.

- Ты никуда не денешься, перестань капризничать, вставай и иди.

Мая, секунду поразмышляв, подобрался на земле, чуть приподнялся на коленях... Выхватил из повязки на голени нож и одним неуловимым, четким выпадом полоснул лезвием по руке старшего воина, держащего его ноющее запястье.

Брызнула кровь, окропя высушенную почву темной живительной влагой. Пальцы Коинна разжались.

Быстро, исподлобья глянув на его растерянное лицо, Мая, не поднимаясь и в половину роста, перенес свой вес одной ноги на другую и развернулся туловищем, готовясь как зверь рвануться с места, развивая бешеную скорость в первое же мгновение, и сбежать, скользя между стволов деревьев и перепрыгивая через кочки и пни, не сбавляя темпа, наслаждаясь до инстинкта отработанными слаженными движениями своих мускулов, несущих вперед легкое тело.

Вот он слегка приподнимается, готовый оттолкнуться и лететь вперед, но чья-то рука грубо хватает за волосы и тянет назад, выворачивая шею, грубо дергает и валит на землю. Мелькнуло перед глазами яркое синее небо, и в следующее мгновение Мая успел только заметить опускающуюся на его лицо пятку.

Снова что-то хрустнуло, пронзая болью, по горлу внутри полилась горячая кровь. В глазах потемнело и никак не прояснялось, Мая отстраненно подумал – от боли, и сжался в клубок, защищаясь от посыпавшихся градом ударов. Коинн бил ногой – в спину, по ляжкам, по ребрам, метил в печень, разъяренно шипел что-то, но Мая, оглушенный

грохотом собственного перепуганного и разрывающегося от сумасшедшей скорости сердца в висках, не мог различить ни слова.

Коин перевернул его ногой на другой бок, и нанес последний удар – в лицо, закрытое дрожащими, расцарапанными о мелкие камешки на тропинке руками. Мая даже не вскрикнул в ответ. Яркие болезненные ощущения притупились невыносимой непрекращающейся болью, пульсирующими волнами раскатывающейся по всему телу. Дышать было тяжело – кажется, за последние несколько минут хрустнуло не два, а три раза...

Несколько секунд было тихо, только хриплое дыхание с капельками слюны и крови, мешаясь со слезами, рвалось из его груди. Коин стоял где-то совсем рядом, дыша так же тяжело, не сводя голодного пылающего взгляда с жалкого сжавшегося тела перед ним.

Затем он наклонился, схватил свою жертву за руки и силой заставил подняться на ноги. Держал его еще какое-то время, пока Мая пытался сориентироваться в пространстве и старался сохранить вертикальное положение. Затем отпустил, все так же жадно, испытующе глядя на него. Избить или любить – чего он хотел больше всего? Оба варианта сейчас казались ему одинаково пленительными. Избить. А потом залюбить – до смерти, до самого заката, чтобы щенок не смог пошевелиться, не то, чтобы встать...

- Ты представить себе не можешь, как долго я мечтал об этом... – Хрипло, с трудом проговорил он. Пах уже налился томным вожделением, ждать больше было нельзя.

Мая замер на месте, насколько он, дрожащий от боли, мог замереть, опустив голову, стиснул зубы. Рука Коина вновь легла на плечо юноши – тот испуганно вздрогнул, ожидая еще одного удара, - и хотя сейчас воин хотел быть с ним нежным, только слегка прижимая и лаская пальцами кожу, в этом жесте не было ничего схожего с прикосновением руки Треса или отца – Мая почувствовал только отвращение. Он дернул плечом.

- Не надо. – Попросил он. – Не здесь.

- Хорошо. Пошли. – Коин взял его ладонь в свою, но мальчик тут же выдернул руку из его пальцев. – Не отставай. И не вздумай убежать, Мая, не веди себя как женщина.

- Именно этого ты и хочешь сейчас от меня... - пробормотал сквозь зубы юноша, но двинулся вслед за воином, правда, держась от того на почтительном расстоянии. Идти с прежней скоростью мальчик не мог. Как ни старался, избитое тело не слушалось его, поэтому волей неволей он отставал от своего мучителя, но Коин терпеливо притормаживал, дожидаясь, пока мальчик сократит разрыв между ними.

Желания перечить и сопротивляться у Маи больше не было. Он покорно шел за своим врагом, не поднимая головы, и вместо ненависти или жалости к себе в его сердце было только смиренное равнодушие.

Они пересекли речушку, условно делящую Долину пополам, и направились к скалистым стенам. Коин вел его в горы. Почему-то это заставило Мая почувствовать себя в опасности, в еще большей опасности - ведь там никого нет, никто не услышит его и никто не найдет его еще долго, если что-нибудь вдруг случится.

Он взволнованно окинул горные вершины взглядом. Скалы были настолько круты, что взобраться на них не осмеливался никто из жителей его деревни. Что там, за полосой леса у подножья, Мая не знал.

«Ничего не случится!» - оборвал тревожные мысли мальчик, - «Мы сделаем это, и я целым и невредимым вернусь домой. Ему незачем убивать меня!»

Они прошли через густые заросли у подножья, поднимаясь на холм, и по узкой горной тропинке взобрались почти до самой середины покрытых лесами гор. Чем дальше они уходили от селения, тем больше волновался Мая. С одной стороны, это избавляло их от случайных и ненужных свидетелей... но с другой, Мая боялся находиться с Коином наедине в такой дали от кого-нибудь, кто мог бы ему помочь.

А кто мог бы остановить Коина? Разъяренный, в гневе, сын вождя племени Глубоких Озер был несокрушим и внушал сомнения в собственных силах даже самым опытным воинам.

Вскоре Коин вывел его к небольшой расщелине, они вскарабкались по почти отвесному склону и выбрались на узкое плато, где за грубыми выступами камня скрывалась неглубокая пещера. В тени углубления Мая разглядел сваленные в кучу шкуры и заготовленные сухие палки и ветки. Коин с самого начала планировал привести его сюда! Мальчик почувствовал себя загнанным в угол. Бежать было поздно, и Коин теперь ни за что бы не позволил ему удрать.

Молодой воин снял с пояса небольшую кожаную сумку, бросил ее наземь и принялся разводить огонь – от стен пещеры веяло влажностью и холодом, где-то там, возможно, скрывался горный подземный ручей.

- Подойди ко мне, - окликнул Коин, когда закончил с огнем. От костра повеяло приятным теплом, и Мая, рвано выдохнув, решил, что он должен поскорее это сделать и ни в коем случае не отступать перед лицом трудностей. Он должен обеспечить безопасность своему племени.

Он подошел, как и велел Коин. Но все то время, пока воин разглядывал его, пока его руки легко и жадно, изучающе и властно касались его лица, плеч, груди, гладили его шелковые волосы, Мая ни разу не взглянул на молодого мужчину.

Когда Коин подошел ближе и обнял его, когда его сильные руки требовательно заскользили по спине, опускаясь ниже, оглаживая и сжимая ягодицы, его сердце учащенно забило. К горлу подступал страх. Отвратительное тепло чужого, ненавистного тела, казалось, впитывалось в него, мешаясь грязной жижой с кровью.

- Ложись, - велели ему. Коин смотрел на него, на юного мальчишку с таким прекрасным,

тонким, сильным телом, и сгорал от нестерпимого желания поскорее прикоснуться к нему. Нет – ворваться в него. Вторгнуться внутрь, в самое личное, в самое сокровенное, причиняя боль и оставляя на этом великолепном теле следы своего пребывания. Когда мальчик послушно, не прекослова, лег на шкуру, Коин присел рядом с ним, и его руки снова заскользили по гладкой светлой коже. Очерчивая контуры мышц, сжимая лодыжки, колени и аппетитно выступающие тазобедренные косточки, Коин жадно облизывал губы, а затем, склонившись к побледневшему напряженному лицу, уверенно припал к пухлым губам мальчика своими.

Мая тут же дернул головой.

- Не целуй меня! – яростно выплюнул он.

- Почему же? – усмехнулся Коин, пальцами поглаживая упругие мышцы на животе мальчика.

- Целуют только тех, кого любят!

- Ну, сейчас я тебя очень даже люблю... - Мая грубо схватили за подбородок, не позволяя увернуться снова, и Коин опять прижался к его губам, на этот раз скользя ими, полизывая и проникая языком. – Разожми зубы. – Велел он.

- Нет, – глухо отозвался мальчик.

- Если ты не будешь делать то, что я говорю, сделка не состоится. – Категорично заявил Коин. Мая с трудом разомкнул челюсти и, борясь с порывами ударить и отвернуться, чувствовал, как чужой горячий язык проникает внутрь, исследует, гладит, как чужие губы с силой сдавливают его и всасывают, словно пытаясь оторвать. Мая зажмурил глаза и задержал дыхание – втягивать носом воздух, который выдыхал Коин, он считал смертельно опасным.

- Расслабься, - хрипло попросил воин, пальцем надавливая на подбородок юноши, - Прошу тебя, расслабься, я не причиню тебе вреда.

Мая ему не верил. Даже если бы и мог поверить, страх сковывал его тело и мышцы не слушались его, каменя в оцепенении, дрожа от перенапряжения. Главное – не расплакаться сейчас. Пальцы Коина, сухие и теплые, успокаивающе скользили по лицу, губы мягко, но настойчиво мяли его, опускались ниже, повторяя движения пальцев, слегка сдавливая, целуя, оттягивая тонкую кожу на шее. Впивались, засасывая, щекотали невесомыми прикосновениями. Мая никогда прежде ничего подобного не испытывал, никто никогда не ласкал его так, но то, что это сейчас делает Коин, не давало ему получить удовольствия.

Одна рука Коина поддерживала его за шею, другая уверенно поглаживала грудь. Непонятное волнение, смешанное со страхом, охватило юношу. Дыхание его участилось, зрачки расширились, и было это не только потому, что он боялся того, что вскоре случится.

Горячая ладонь скользила, повторяя контуры тонких мальчишеских мышц, и пальцы, будто невзначай, задели маленький розовый сосок. Мая вздрогнул, испуганно распахивая глаза. Коин снова провел подушечками пальцев по нежному мягкому пятнышку, и еще, и еще раз, и Мая гневно вскинул руку, чтобы оттолкнуть его, но воин, приподняв его, взобрался на skóry сам и потянул на себя. Он сел, прислонившись спиной к холодной стене, и заставил мальчика лечь на себя, прижимая к своей груди его худую спину.

- Не сопротивляйся, - услышал Мая шепот прямо над своим ухом. По спине пробежали мурашки. Коин обхватил руками его грудь, сильно сжимая ладонями, хватал за соски, а затем нежно поглаживал, и впивался губами то в ухо мальчика, то грубо засасывал кожу на шее, то кусал, оставляя побелевшие следы от зубов на щеке, и все это рождало в мальчике непривычное напряжение.

Хотя, если бы он задумался в тот момент, напряжение было вполне привычным, только испытывать его Мая привык при других обстоятельствах.

Коин потянулся вниз, хватая его за колено, и повел рукой вверх, осторожно массируя внутреннюю сторону бедра. Только тогда Мая понял, что это было за чувство... Когда ладонь воина смело легла на оттопыренную набедренную повязку, юноша стыдливо закусил губу.

- Что, - усмехнулся Коин, - готов поклясться, твоя подружка никогда тебя тут не трогала...

Мая зарделся. Коина совершенно не касается его личная жизнь. Но откуда он знает?..

- Эта хитрая шалава давала тискать себя и целовать, но ты до сих пор так и не стал мужчиной.

- Заткнись, - оборвал его Мая, - не смей так говорить о ней!

- Почему это? Эта стерва водит тебя за нос, а ты и рад ей пятки лизать, мальчишка.

- Это не твое дело... - пальцы Коина проворно выдернули край повязки из узла, а мальчик тут же схватил его за руку, пытаясь остановить, попытался вскочить с места, но Коин грубо схватил его за то самое место.

- Мне повезло – быть у тебя первым.

- Сомнительное везение... - Выдавил из себя мальчик.

- Не волнуйся, я сделаю все так, что тебе понравится.

- Не н... - Попытался возразить Мая, но захлебнулся словами, когда рука воина скользнула под ткань и с силой сжала его. Волна горячего удовольствия тут же полоснула, заставляя притихнуть и в ожидании замереть.

- Ты когда-нибудь уже ласкал себя? Тебе знакомо это чувство? – шептал Коин на ухо мальчику, пока его рука плавно, уверенными движениями двигалась вверх-вниз. Мая ничего не ответил, сцепляя зубы, чтобы не сорвался с губ ненароком непристойный развратный стон. Отталкивать Коина уже было поздно. Он вцепился в его руки, не притягивая и не отталкивая, просто держась, и сквозь опущенные ресницы, заливаясь краской стыда, наблюдал, как скользила по члену сильная рука, даря острое, ни с чем несравнимое удовольствие. Показывалась и скрывалась в ласкающем кулаке красная, распухшая головка.

Тело мальчишки медленно изгибалось, он выпячивал бедра и отводил их, толкаясь в руку Коина, и потихоньку сползал вниз. Лицо его покраснелось, пухлые губы были влажными, то и дело проскальзывал по ним острый язычок. Тонкие красивые пальцы царапали мускулистые руки воина, а вскоре он разомкнул и зубы – дыхание вырывалось из него рваными глубокими вздохами. Коин краем уха уловил коротенькие, еле слышные стоны.

Он впился губами в нежную, влажную от пота шейку, и, не отрываясь, смотрел, как одна его рука ускоряет темп, а другая нежно касается бедер мальчика, оглаживает пах, натянутые сухожилия между разведенных ног, зарывается в светлые мягкие волосы и ласкает подтянувшиеся яички.

- Ох.. – слетает с губ мальчика, когда он с силой сдавливает головку. – Ооо...

Сейчас, сейчас, малыш, сейчас тебе будет хорошо... Погоди немного.

Коин стряхивает с себя мальчишку, ложится на него, устраиваясь между ног. На него смотрят глаза, полные абсолютного непонимания и мольбы. Сейчас будет немного больно, но ты потерпи, потерпи, пожалуйста.

Пальцы выдавливают из маленького кожаного мешочка масло – согретая теплом тела субстанция капает на сжатое колечко мышц. Мая, кажется, по-прежнему не понимает, тянет его руку обратно к себе. Коин закидывает его узкие ступни себе на шею, придерживая мальчика за зад, придвигается, приставляет свой член ко входу и, глядя в затуманенные глаза, надавливает.

Сладкая истома в голубых глазах сменяется непониманием, и тут же – ужасом. Мая хрипло вскрикивает «нет!» и зажимается, толкается руками в плечи нависшего над ним воина, но уже слишком поздно. Коин сантиметр за сантиметром продавливается внутрь. Красивое лицо искажается болью, в покрасневших глазах появляются слезы, Мая вскрикивает от боли, царапает его, пытается укусить и плачет.

Коин, войдя до самого основания, сладко выдыхает, вытирает глаза мальчика и целует его в губы:

- Все. – Говорит он. – Самое страшное позади. Теперь будет легче.

Мая ничего не отвечает, хотел бы – но горло свело спазмом, и Коин пользуется этим, начинает двигаться внутри – медленно, осторожно, целуя губы и лаская рукой все еще

напряженный член мальчика, но все равно – разрывая изнутри режущей ослепляющей болью.

- Расслабься, тогда не будет так плохо. Сейчас ты привыкнешь, и...

- Кха! – вырывается у юноши, когда Коин снова, одним движением входит в него до конца.

- Расслабься, - велит Коин, замирая и с силой натирая рукой его член, чтобы перебить болезненные ощущения. Несколько секунд, и лицо Мая чуть расслабляется. – Вот, видишь...

Дальше они продолжают в том же духе – Коин двигается медленно, активно лаская мальчика спереди, а Мая глубоко дышит и пытается не замечать того неудобства, что причиняет ему посторонний предмет в зад. В какой-то момент к неудобству и редким вспышкам боли добавляется необычное, приятное ощущение. Мая старается сосредоточиться на нем, и вскоре, накрыв руку Коина своей, задыхается, скулит и до крови прикусывая губы. На живот капает белое и горячее, по телу проходит электрический разряд, вызывающий неконтролируемую дрожь.

- Ааа-а-ах... - разносится по пещере трепещущий стон.

Коин, выждав несколько секунд, начинает двигаться быстрее. Он уже близок... Мальчишка под ним снова вскрикивает, снова плачет, снова от боли.

Когда Коин изливается в него, Мая кричит в голос, впиваясь пальцами в его расцарапанное до мяса плечо. Коин падает на него, пытается отдышаться, затем приподнимается и медленно выходит из разгоряченного, сладкого тела. Вместе с его собственным семенем, из покрасневшего прохода по влажным разводам масла стекают алые капельки крови.

Глава 6.

6.

- Мая, иди скорее сюда! Мы нашли его! Тот самый олень!

Мая оборачивается на голос и бежит к старому иссохшему дереву посреди поля, где собрались его друзья. Густая желтая трава была такой высокой, что доставала почти до бедра. Коротенькие ножки мальчика, спешившего к дереву, путались в ней, он то и дело спотыкался, но ухитрялся балансировать и продолжать свой неуклюжий бег. Он был очевидно мелковат для своего возраста – худенькие ножки, худенькие ручки, большая, на тонкой шейке, голова, но всегда чувствовал себя уверенно в окружении своего племени. Дети столпились возле еще теплой тушки молодого оленя, которого этим утром подбил кто-то из старших. Мая подоспел последним, но добычу, как сыну вождя племени, предстояло забрать ему.

Олень уже умер, час или два назад, кровь, долгое время текшая из раны, остановилась. Вынув из-за пояса нож, Мая присел над тушей животного и, поддев лезвием кончик, выдернул из трупика стрелу.

- Можно забирать его! – с гордостью сообщил он. Дети постарше связали ноги оленя веревкой и приготовились тащить тушу в селение, но кто-то вдруг встревожено окликнул:

- Смотрите, кто-то идет.

Все обернулись. Сначала они увидели лошадь, и только потом – таких же, как они сами, детей, только из соседнего племени. В огромном седле величаво восседал сын вождя – восьмилетний Коин. Еще издали заметив толпу у дерева, он направил своих дружков именно к ним. В воздухе сразу же появилось почти физически ощутимое напряжение – никто не рисковал двинуться с места, пока не прикажет Мая, а Мая имел давние счеты с этим выскочкой в отцовском седле, которое ему было явно велико.

- Так-так, и что это мы тут делаем? – пропел Коин, забрасывая на плечо свой короткий каменный меч. Его дружки глумливо скалились. – Мая, тебя что, решили выгулять? Не слишком ли большая свита для того, кто и ходить-то совсем недавно научился?

- Что ты тут забыл, Коин? – в ответ спросил Мая, - сбежал, наконец, от своего отца? Не получишь ли порку за украденного коня?

- Язык у тебя слишком длинный, только и знаешь, что треплешься! – парировал мальчишка, резво спрыгивая с лошади. – Что это? – он ткнул пальцем в окровавленную стрелу, которую Мая сжимал в руке. – Собираешь остатки чужой добычи?

- А сам-то ты в состоянии чего подстрелить? Кроме людей, в которых и не целишься?

За спиной Маи послышался приглушенный смех. Язык у мальчика и вправду был острый.

- Смотри, сопляк, подохнешь от зависти! На прошлой охоте я подстрелил козу! – Коин деловито упер руки в бока, его друзья ободряюще закивали.

- Большая честь – подстрелить козу, которая и с места не сдвинется, пока ее не пнешь под зад. – Весело откликнулся малыш.

- Ты слишком дерзкий для такой козьявки, Мая. В седле-то еще не научился держаться, а уже лезет везде.

- Я отлично держусь в седле! – заверил мальчишка.

- Да ну? – брови Коина удивленно пополи вверх. – Докажи! Я даже разрешу тебе использовать моего коня! – он махнул рукой за спину, где вороная кобылка мирно пощипывала траву, не заботясь о детских разборках.

- Ну и докажу! – тут же согласился Мая, бросил на землю стрелу. Кто-то, испугавшись, схватил его за руку, но Мая вырвался и пошел вперед.

- Мая. Не делай этого! – крикнули ему друзья. – Ты же никогда не был в седле один!

Но Мая смело прошел мимо старших ребят – они были крупнее и более развиты, но только потому, что они были старше, Мая когда-нибудь тоже вырастет таким... Он ухватился за деревянное стремя одной рукой, подпрыгнул, хватаясь за ремень повыше, подтянулся, и, с горем пополам, забрался в массивное седло. Кобыла была высокая, и в глазах мальчика мелькнул страх, когда он понял, что земля так далеко... Но взялся за поводья.

- Смотри-ка, горошина – а залез! – засмеялся Коин, его свита вторила ему. – А слабо заставить ее двигаться?

- Мая! – встревожено окликнули его.

- Не Слабо! – отрезал Мая, ударяя маленькими ножками по бокам животного. Кобыла не сдвинулась с места, даже не подняла массивной головы от травы. Задание с самого начала было провальным – лошадь не будет слушаться маленького ребенка, она не воспринимает его всерьез. Мая тянул поводья, колотил ее по бокам, кричал «вперед», но кобыла не двигалась, а приятели Коина заливались истеричным смехом. Мая залился краской стыда.

- Ну, давай же, двигайся! – отчаянно скомандовал он, шлепая животное по крупу. Кобыла ни с того ни с сего вздрогнула, заржала, топчась на месте, и понесла. Мая успел только испуганно вскрикнуть.

- Мая! – кричали его друзья, бросаясь вслед за лошадью.

Кобыла неслась, подбрасывая мальчика в седле, и, в конце концов, Мая не смог удержаться – руки, мокрые от пота, соскользнули, выпустили поводья, и он с воплем полетел на землю. Больно ударившись, он на несколько секунд потерял сознание, и

лежал, никак не в состоянии понять, где земля, а где небо.

Коин и его друзья продолжали смеяться. В руках одного из них была зажата короткая гибкая трость.

Мае помогли подняться, но он с трудом держался прямо – кажется, подвернул ногу, да и голова все еще кружилась.

- Ох, Мая, только не плачь! – издевательски умолял Коин, приближаясь к нему. – Ты же не девчонка? Или мои глаза меня обманывают?

- Пошли отсюда, - сдавленно велел своим Мая. Они направились обратно к дереву, где оставили тушку оленя, но Коин, растолкав всех в стороны, подскочил к тушке первым и ногой ткнул в мягкое брюхо животного:

- А это мы заберем с собой. – Отрезал он, вручая веревку самому сильному своему телохранителю.

- Постой, - встрепнулся мальчик, - ты не имеешь права! Это не твоя добыча!

- Но и не твоя! – легко парировал Коин. – Где доказательство того, что это твое племя подстрелило этого беднягу?

- Но мы первые нашли его!

- А мы сильнее. Что, хочешь силой отнять? Ступай лучше домой, поплачься в мамочкину юбку!

Коин развернулся, уходя вслед за своими прихвостнями. Мая с ненавистью глядел в его спину. Ничего, сейчас ему всего-то шесть зим, но когда-нибудь... Когда-нибудь он утрет нос этому гадкому выскочке!

Почему-то было холодно. Тело болело. Мягкие шкуры под этим самым пылающим телом горячие, а холодом веет от стен. Надо бы накрыться...

Мая попытался пошевелиться, но тут же об этом пожалел. Бедро пронзило адской болью, словно там, между ягодиц, острием внутрь был зажат остро наточенный нож. Он застонал, стискивая зубы... Чья-то рука дотронулась до его бедра.

- Не двигайся. Ты замерз?

Коин.

Мая широко распахивает глаза, обнаруживает себя в той проклятой пещере, на проклятых шкурах, и видит Коина, сидящего в непростительной близости к нему. Воин наклоняется, накрывая его своим телом. Лучше бы шкуру дал.

- Умри, - хрипло бормочет юноша, закрывая глаза. Надо поскорее выбираться отсюда, да вот только двигаться он не может совсем, и во рту пересохло.

- Хочешь воды? – шестым чувством догадывается воин, подносит к потрескавшимся губам мальчика мешок со спасительной жидкостью, но Мая грубо отпихивает его руку.

- Мне от тебя ничего не надо. Если ты закончил – то убирайся.

- Не закончил. – Спокойно отзывается Коин. – Солнце еще высоко, день в самом разгаре. Не думай, что сможешь так быстро отделаться от меня.

«Что?» - ужаснулся Мая, - «Он собирается делать это снова?..»

Внутри все задрожало, сжимаясь, Мая широко распахнутыми глазами смотрел в каменный пол. Нет, нет, только не снова... Я не вынесу этого! Лучше убей меня!

- Спи, - велит монстр, - пока ты отдыхаешь, я не трону тебя.

Мая вздрагивает, когда его рука касается головы – Коин гладит его по волосам, легко, успокаивающе. Мая вдруг понимает, что лежит совершенно обнаженный, голым задом кверху, но вспыхнувшее было смущение быстро улеглось – чего уже стесняться, после того, что было... Он утомленно выдохнул, снова закрывая глаза. Хоть он и лежал, голова кружилось и перед глазами все плыло. Тепло тела Коина, мягкость шкур и его мерные поглаживания убаюкивали измученного юношу, и вскоре он провалился в сон.

Ему снилось, что его трогают. Снились ласковые и грубые прикосновения рук – мужских рук. Мая никак не мог очнуться от болезненного сна, и не видел, как Коин, тяжело дыша, ласкал их обоих, пристроившись сзади, теребил его маленькие соски, впивался в губы, облизывал его тело, его лицо, и снова и снова окроплял его истерзанное тело своим семенем.

Лишь раз Мая открыл глаза, когда Коин обтирал его влажной тряпицей, уничтожая следы своего безумия, и когда он как умалишенный навалился на него, стискивая в объятиях, и целовал так, словно хотел сожрать мальчика, как какое-нибудь дикое животное.

Когда Мая проснулся, был закат. Коин сидел у выхода из пещеры, безразлично вглядываясь вдаль. Он помог мальчику подняться, бережно завязал набедренную повязку, одел его, поправил подметки и даже собрал волосы в хвост. Затем помог спуститься с гор – Коин практически нес мальчика на руках, пока земля под ногами не стала совсем ровная. У ручья они распрощались. Хранивший все это время молчание Коин заговорил первым:

- Я пришлю людей после захода солнца, предупреди стражей и жителей. И лучше тебе не вставать с постели несколько дней. Я обо всем позабочусь.

Сказав это, он развернулся и побрел к своему селению. Мая, немного постояв на месте,

медленно, как раненное животное, похрамал к своему. Он мог идти, но каждое движение причиняло ему столько боли, что приходилось замирать на несколько секунд после каждого короткого шага.

Он добрался до дома спустя долгое время, успешно миновав посты. Скрываясь ото всех, заполз в свою хижину, и только оттуда, из постели, кликнул мать. Отдав все нужные распоряжения, он снова провалился в сон.

Ему очень хотелось верить Коину. Ему не хотелось быть обманутым. Сквозь сон мальчик слышал суматоху в деревне – это пришли воины чужого племени. В надежде, что они пришли защищать, а не грабить, Мая окончательно провалился в забытие.

Глава 7.

7.

- Я ЗАПРЕЩАЮ ТЕБЕ! – взревел Лабарт, вождь племени Глубоких Озер, ударяя огромным кулаком по земле и тут же вскакивая на ноги. От бывшего хладнокровия на его лице в мгновение ока не осталось и следа. Коинн гневно стиснул зубы, но не смел ничего возразить. Его план рушился. Стоило только заикнуться о том, чтобы в ответ на услугу потребовать отдать ему Маю, как отец тут же вышел из себя, как будто Коинн забирал в наложницы его дочь, а не какого-то малознакомого мальчишку – всего лишь в качестве прислуги.

- Пропади все пропадом, какого ты творишь?! Как ты посмел пойти туда и сделать это за моей спиной?! Я должен рассматривать это как измену?!

- Нет, отец...

- Коинн! – снова взревел отец, хватая сына за шкуру и вздергивая с земли, - Я просто в бешенстве!!! Своими выходками ты ставишь под угрозу перемирие, на установление которого твой дед отдал половину жизни, можешь ты хоть немного уважать чужой труд?!

- Я спас их, о какой угрозе ты говоришь?!

- О каком вознаграждении говоришь ТЫ, бестолочь?!

- Это справедливо – требовать награды за услугу!

- Но не такой!

Лабарт отпустил волосы сына, толкнул его на скамью. Хижина сотрясалась от их воплей, и все жители деревни, пожалуй, уже в курсе всех их семейных ссор. А выносить это позорище на всеуслышание вождь хотел меньше всего. Он прошелся по просторному дому, тяжело дыша и устало потирая подбородок. Как же объяснить этому глупцу...

- Коинн, - обратился он к сыну через несколько минут уже более спокойным голосом. – Я знаю, что ты испытываешь. Я в курсе твоего безумия. Все твои мысли с раннего детства были об этом мальчишке, но не впадай в крайности, не дай этому безумию взять над собой верх, думай головой, а не членом, Коинн!

- Я...

- Ты ни черта не соображаешь! Тебе мало женщин? Ты готов переступить эту черту – и лечь в постель с женщиной? Ты – сын вождя?

Коинн побледнел. Как отец догадался о его истинной цели? Он догадался о настоящих причинах его помешательства! Нет, он должен все отрицать!

- Я не...

- Что ты не? – шикнул отец, - не заговаривай мне зубы, мальчишка, ты как обезьянья задница сейчас покраснел, и не говори мне после этого...

- Многие спят с мужчинами! – уверенно парировал Коин.

- Конечно, ты все продумал – ты требуешь его в слуги взамен на спасение, а чтобы продемонстрировать свою верность и подчинение, согласно нашим традициям он должен будет переспать с тобой. Bravo, мальчишка, я хвалю тебя за твой хитрый пыткий ум, отравленный твоим же собственным вождением и жадностью!

- Это... Это не то!

- А что? Зачем тогда он нужен тебе?

- Я хочу сделать его своим рабом.

- Зачем? Что плохого сделал тебе мальчик? Это ты всю жизнь цеплялся к нему, а не он к тебе. Пора уже оставить это ребячество! Да что я говорю, надо было раньше пресечь это безобразие, я же догадывался...

- Я всего лишь хочу сделать его своим рабом! – настаивал Коин.

- Зачем? – снова терпеливо повторил отец. – Чтобы унижить его? Чтобы сделать его своим? Чтобы держать его рядом? Чтобы иметь власть над ним, чтобы он тебе подчинялся? Чтобы трахать этого бедного мальчика в свое удовольствие, всаживать ему, пока он не захлебнется кровью и не пропитается насквозь твоим семенем?

С каждым словом отца кровь отступала от лица Коина. Он знает. Его отец знает все – каждую мысль, что крутится в его больной голове! Но откуда, откуда, как?! Неужели, он чем-то выдал себя?

- Мой тебе совет, - продолжал тем временем отец, - оставь это. Он такой же человек, как и ты. Он имеет право быть счастливым – завести семью, детей, быть уважаемым соплеменниками и быть любимым родными. Какое право ты имеешь отнимать у него все это, кто ты такой? Если ты заберешь его, заставишь жить здесь – ты его сломаешь, разрушишь его жизнь.

Сломать, разрушить. Отобратить все. Лишить всего – и сделать своим. Чтобы видел только его, чтобы думал только о нем, чтобы ничего больше в жизни этого светловолосого мальчика не было... Вот, чего он хотел. И не понимал до этой самой минуты.

Коин молчал, уставившись в пол. Молчать было ошибкой, потому что отец чувствовал в этом молчании слабость, нерешительность, и потому с еще большей силой давил. Но Коин не мог так просто это оставить! Эта болезнь преследует его многие годы, еще с тех пор, когда волосы на теле только начали расти. Сколько он мечтал, сколько

изводился, сколько слюни пускал, глядя на изящный мальчишеский силуэт, на тонкую талию и поджатые упругие округлые ягодички? И теперь – вот так просто отказаться от шанса завладеть им?

«Тебе что, мало?» - спрашивал он самого себя. «Тебе мало того, что ты вынудил его заниматься этим, что причинил ему боль?»

«Мало!» - пришел ответ. Одного раза – мало. Мальчишка должен быть рядом всегда. Он должен подчиняться, принять его власть над собой. А Коин, в свою очередь, должен попытаться сделать его счастливым – но их желания прямо противоположны друг другу, как их совместить? Привести его сюда и дать ему семью? Тогда он не будет принадлежать Коину. Он будет рядом, но не будет безраздельно принадлежать только ему.

- Его отец ни за что его не отпустит. – Предупредил Лабарт, складывая руки на груди. – Он доведет дело до войны – но сына не отдаст, Коин. Смирись с этим. Если ты так хочешь мальчика – я найду тебе мальчика, можешь развлекаться с ним, сколько влезет...

- Я не хочу какого-то там мальчика, я хочу его. – Грубо отрезал Коин.

- Я знаю. Но прислушайся к голосу разума, сын мой. Поддавшись своей похоти хоть раз – ты сломаешь жизнь и себе, потому что не сможешь на этом остановиться, и ему, потому что он не сможет этого пережить.

Поздно. Слишком поздно. Коин уже поддался, уже ранил, испортил, сломал... Но как отец догадался об этом? Как понял, зачем именно Коин хочет привести сюда Маю?

Коин внимательно взглянул на отца – могучего рослого воина, широкого в плечах, с грубоватым лицом и мудрыми, живыми глазами. Неужели... Неужели он сам это пережил?

- Откуда ты знаешь все это?

И Лабарт тихим голосом подтвердил его догадки:

- Это проклятие нашего рода, сходить с ума из-за этих мужчин... Поэтому я знаю, что ты чувствуешь, сын. Поэтому и прошу – не поддавайся. Ни к чему хорошему это не приведет. Если ты совершишь эту ошибку – я тебя никогда не прощу.

- Почему? – тут же спросил Коин, - Потому что ты сам ее совершил?

Лабарт ничего не ответил.

Не надо было ничего отвечать. Вот почему племя Глубоких Озер так осторожничало с этими слабаками – его отец всего-навсего чувствовал себя виноватым пред их вождем за то, что когда-то давно сделал, в далекой-далекой молодости, и теперь, после того, что сам сделал с мальчишкой, Коин его понимал.

Но безумие окончательно охватило его, и отступить уже было некуда.

- Что здесь произошло? – сразу же спросил Имма, стоило только ему ступить в деревню. Улицы и поля пустовали, люди прятались по домам, а атмосфера в селении царила какая-то странная – как после бури. Но все было на своих местах, и стога сена, и хижины, и даже животные щипали траву совершенно спокойно.

Все спокойно, но ощущение такое, словно кто-то умер.

Мать вышла ему навстречу и обняла, приветствуя своего мужа, но Имму это несколько не успокоило.

- Что случилось? – еще строже повторил он. Мужчины бросали добычу на поляне у огромного кострища и торопливо разбредались домой – все были обеспокоены этими странностями.

- Не волнуйся, - попросила вождя Мать, поглаживая любимого по крепкой груди, - Дикие Свиньи хотели пройти через Долину...

- Дикие Свиньи?! – воскликнул Имма.

- Но племя Глубоких Озер их остановило. Они не пришли сюда. Они ушли на Юг. Все в порядке, Имма, все целы...

- Но что тут происходит? – вождь неласково отцепил от себя руки Матери и торопливо пошел к хижине, оглядываясь по сторонам, его жена семенила за ним следом. – Где все?

- Люди просто напуганы, они устали. Воины Лабарта были здесь...

- Воины этого мерзавца?!

- Они защищали нас, они прикрывали тыл. Имма, да успокойся же, все целы!

- С чего бы это Лабарту присылать сюда своих людей? – гневался вождь, заглядывая в хижину к дочерям. Девушки, опекаемые Тресом, испуганно взглянули на отца.

- Где Мая. – Ледяным голосом спросил вождь, словно почувствовал что-то неладное. В его отсутствие могло случиться что-то ужасное, и это ужасное каким-то образом предотвратил его юный сын!

- Мая устроил все это, он договорился с Коином...

- Где он?! – рявкнул вождь, хватая жену за руку.

- У себя, ему нездоровится... - пролепетала женщина, побледнев.

Вождь тут же бросился к хижине своего единственного сына, сорвал со входа тряпицу, отбросил плетеную дверь и ворвался в маленькое жилище юноши. Мая, с трудом разлепив глаза, приподнял голову, и тут же резко сел, уставившись на отца с таким виноватым выражением лица, как будто это он напакостил, пока старших не было в селении.

- Выйди отсюда. – Приказал Матери вождь. Женщина послушно покинула хижину, заслонив вход отброшенной дверью. Вождь, удостоверившись, что она ушла и вокруг домика больше никто не крутится, подошел к сыну и встал напротив него.

- Рассказывай, все по порядку. – Велел он. И Мая начал рассказывать.

- Коин сообщил мне, что сюда идут Дикие Свиньи. Он сказал, что сначала они нападут на них, и они отстоят Долину, но есть вероятность, что эти варвары обойдут горы и нападут на нас. Он предложил послать к нам людей для защиты.

- И это все? – с сомнением спросил Имма.

- Все. – Неубедительно соврал Мая. Он не понимал, почему отец подозревает его, и в чем именно его подозревают, но чувствовал себя бесконечно виноватым.

- Значит, Коин предложил? – уточнил вождь.

- Да.

Имма долго молчал, вглядываясь в потупленные глаза сына, а затем спросил:

- Что он попросил взамен?

На этот вопрос у Маи уже был заготовлен ответ, и он сразу же отозвался:

- Ничего.

- И ты принял его помощь, не зная, чего эти собаки потребуют взамен? Ты правда думал, что это так просто? – начал закипать вождь. Он сам не понимал, почему так злится, но смертельная угроза, которая грозила его семье и его племени в его отсутствие, заставляла его тревожно искать и наказывать виноватых, действовать сейчас, сию минуту, и делать хоть что-то, выполняя долг отца и вождя, если раньше, когда он был так нужен, его не было.

- Но... Но... - Мая никак не мог придумать, что сказать. Он не подумал, что именно можно соврать отцу, а ведь знал, что старик прицепится с расспросами.

- А что, если взамен они потребуют наши земли? Или соединить племена? Ты об этом думал? Ты вообще когда-нибудь думаешь о последствиях?

Мая молчал. Вождь замолчал тоже.

- Ты даже ничего не отвечаешь, и не пытаешься оправдываться. – Со злостью проговорил он.

- Я не понимаю, почему ты злишься. – Пояснил Мая. - Я сохранил мир в деревне, я все сделал правильно...

- Почему я злюсь? – повторил отец, - Потому что я не верю тебе. Ты врешь. Ты что-то умалчиваешь. Тебе хватает смелости скрывать что-то от своего отца.

- С чего ты взял?..

- К тебе пришел Коинн? Почему не его отец?

- Наверное, он был занят подготовкой к обороне...

- Уж Лабарт-то мог найти час, чтобы прогуляться до нашего племени и обратно, и обсудить такое важное дело! У меня есть подозрение, что он вообще не знал об этом ничего.

- Почему ты так подозрителен? Ты не веришь мне?

- Я не верю Коинну. Он не настолько благороден, чтобы безвозмездно оказать такую помощь, а его отец та еще сволочь – есть с кого брать пример. Если все так, как говоришь ты – то они что-то задумали, если же ты врешь мне – то я избью тебя прямо здесь.

- Но отец...

- Я по глазам вижу, что ты врешь, Мая.

- В чем ты подозреваешь меня?! – отчаянно воскликнул юноша, устав пререкаться с собственным отцом и оправдываться, когда в оправданиях не было никакой нужды.

- Не тебя, я тебя не подозреваю, я твой отец – и я чувствую, что мой сын в опасности, поэтому я пытаюсь понять, что произошло. Как ты договорился с Коинном?

- Это касается только его и меня. – Сорвалось с языка Маи. Его зрачки тут же сузились и он ударил себя по губам – проговорился.

- Что ты ему пообещал? – ухватился за его слова отец.

- Это касается только его и меня. – Повторил Мая. Ладно, сделал ошибку – но еще одной не допустит! В конце концов, отцу стоит больше ему доверять.

- Ты согласился на какую-то сомнительную сделку! – разгневанно воскликнул вождь.

- Какая разница, все равно все уже закончилось!

- Говори, иначе я силой вытрясу из тебя правду!

- Это касается только его и меня! Оставь меня в покое, уже все кончено!

- Вставай! – рявкнул вождь, хватая сына за руку и дергая на себя, Мая уперся было ногами, но его лицо тут же искривила гримаса боли и он повис на руках отца, не в силах пошевелиться. Старая шкура, которой мальчик был укрыт, сползла с него, и Имма, опустив взгляд, увидел красные кровавые подтеки на скомканных тряпицах на ложе, и на тряпицах, зажатых между ног юноши, и засохшие разводы на его обнаженных ногах.

Его руки задрожали.

Он аккуратно опустил своего сына на ложе, стараясь не причинить ему еще больше вреда. Отступил на шаг назад и замер, с ужасом глядя на своего ребенка. Мая отвернулся от него, вытер ладонью нос. Торопливо прикрылся.

- Это касается только его и меня. – Дрожащим голосом повторил он. – Не вмешивайся.

Не вмешивайся. Не вмешивайся... После всего этого его волнует только то, что отец может вмешаться... Имма, пошатываясь, отступал дальше, закрывая лицо руками. Ярость вскипала в нем всепоглощающими могучими волнами.

- Зачем же ты это сделал... - еле слышно, бессильно бормотал он, - Глупый, глупый мальчишка...

Мая смотрел на свои худые расцарапанные руки и кусал губы. Ему хотелось убежать, скрыться от этого позора, не видеть своего шокированного отца... Которому он, кажется, уже никогда не сможет посмотреть в глаза. Вообще больше никогда сюда не возвращаться и забыть обо всем! Но он был болен, он не мог сдвинуться с места.

- Уходи. – Глухо попросил он. Отец медленно опустился на скамью, подпер руками голову.

- Какую же глупость ты совершил... - продолжал сокрушаться он, словно не слышал слова мальчика. - Как же ты... Он все-таки сделал это. Я так боялся этого – а он все же добрался до тебя, когда меня не было.

«О чем ты говоришь?» - хотелось спросить Мае, но он молчал.

- Прости. – Прошептал отец одними губами, - Прости, что меня не было рядом.

- Прекрати! – ни с того ни с сего повысил голос юноша, оборачиваясь к нему, - Это тебя не касается!

- Прости, что не уберег тебя от него.

- Что это значит? Ты ничего не мог сделать!.. Хватит! Я никогда больше его не увижу, просто дай мне забыть об этом, если хочешь хоть как-то помочь!

- Он пообещал тебе это? – с сомнением переспросил Имма.

- Он пообещал. Это был всего один раз. Больше нас абсолютно ничего не связывает. Все?

- Все.

Мая раздосадованно отвернулся к стене и лег, с головой накрывшись шкурой. Пусть уходит, уходит, и так нехорошо, все тело болит, а теперь еще и это...Имма сидел на скамье молча, размышляя о чем-то, а потом, когда Мая уже начал задремывать, вдруг подал голос:

- Он шантажировал тебя, как подло!

- Хватит, прошу, - спокойно отозвался Мая, - это уже не имеет никакого значения.

- А ты согласился, глупец!

- А ты на моем месте поступил бы иначе?! – не выдержал мальчик, снова рывком сел, морщась от боли, и со злостью взглянул на отца. – Если бы ты был на моем месте? Я сын вождя, в твоё отсутствие я ответственен за племя, и племя важнее, чем я! Ты сам говорил мне это!

- Не настолько важнее, чтобы платить за него такой ценой! Он просто шантажировал тебя!

- Если бы мне нужно было умереть... я бы... – Мая запнулся, на секунду представляя собственную смерть. - Это лучше, чем умереть, я хотя бы могу пережить это, ты сам говорил, что вождь был избран чтобы даже ценой своей жизни защищать свое племя, так что за проблема с тем, что я откупился всего лишь своим телом? Это позор, который я унесу с собой в землю, и не думай, что это решение далось мне легко!

Возразить на это вождю было нечего. Имма знал, что его сын вовсе не с радостным повизгиванием раздвигал ноги, ложась под другого мужчину. Знал, что именно ему пришлось пережить, и именно поэтому в нем и клокотала эта ярость. На себя, на ублюдка Коина, выблядка такого же, как и он, подонка Лабарта, и на Маю за то, что мальчишка оказался так легко управляем и по-детски наивен. Имма сердцем чуял, что что-то не так. Эта история еще не окончена. Не верил он, что Коин просто так отпустит его сына.

- Почему же ты... почему же ты пошел?..

- Прекрати это. Дай мне отдохнуть.

- Да кто просил тебя об этом?!

- Хватит делать из этого трагедию, отец! – взорвался Мая, - Я не женщина, я не

забеременею, не будет никаких последствий, что ты стоишь у меня над душой и заставляешь меня оправдываться перед тобой и вспоминать все это! Разве я поступил неправильно? Чем я провинился, в чем виноват?

- Ты виноват в собственной глупости!

- Прости, что я не настолько умен, прости, что не придумал ничего другого, чтобы обезопасить наше существование, прости, что вместо нормального сына у тебя родился такой, как я!..

- Ты знаешь, что это не так, я вовсе так не думаю...

- А теперь, пожалуйста, уходи. Ты не думаешь, что я уже достаточно пережил?

Имма молча потоптался по хижине, со смешанными чувствами злости и жалости глядя на худую спину сына, и тихонько вышел.

Глава 8.

8.

- ...он уже третий день ничего не ест, отнести ему хоть кусочек мяса, тебя-то он послушает... Имма! – повысила голос Мать, дергая мужа за руку.

- Да что ты привязалась ко мне, женщина! – Имма выхватил кусок вяленого мяса из цепких пальцев Матери и потряс им в воздухе, прямо перед ее лицом. Но женщина даже не моргнула, уперев руки в бока. - Оставь ты его в покое, ему нужен отдых!

- Отдых отдыхом, но надо же и есть!

- Проголодается – поест. – Отмахнулся от нее вождь и пошел дальше, но женщина снова увязалась за ним, не отступая ни на шаг:

- Ему нужна еда, чтобы восстанавливать силы, а он даже воду не пьет... Ты ему отец, заставь его съесть хоть кусочек!

- Я понял, понял! Я зайду к нему. Только отстань ты от меня, что за настырная женщина!

Мать потихоньку замедлила шаг и остановилась посреди деревни. Ну а как тут не быть настырной, когда от изнеможения погибает твой сын? И с чего это Имма вдруг так хладнокровен?

Женщина погрозила кулаком в спину уходящему дальше вождю и вернулась к дому. От ее внимательного взора и чуткого слуха не укрылись ни окровавленные тряпицы, которые на днях полоскал в ручье Отец, ни вонючая травяная мазь, которую он втайне готовил, прячась в лесу, ни тихие болезненные стоны, доносившиеся порой из хижины любимого сына. Мая не пускал ее внутрь, никого не желал видеть и почти ни с кем не разговаривал, но женщина уже знала, что во время ночной охоты Мая был ранен зверем, и теперь не мог встать.

Искренняя забота Иммы, которую он всячески старался скрыть от посторонних глаз, и его напускное равнодушие немного настораживали ее. У Иммы и у Май был какой-то секрет, но лезть в мужские дела женщина даже и не думала. Она просто хотела убедиться, что делает все, что в ее силах, чтобы помочь сыну выздороветь.

Еще через несколько дней Мая вышел из своей хижины. Он явно похудел за прошедшее время, и на ногах держался неуверенно, передвигался медленно, и это явно доставляло ему сильный дискомфорт.

Он все рвался выйти на стражу, а вождь пытался убедить его, что в этом нет нужды, Мая настаивал, и, в конце концов, получил оплеуху от отца. За баранью упертость.

- Но мне надоело сидеть без дела! – уверенно заявлял Мая.

- Куда ты пойдешь, бестолочь, ты и сидеть-то не можешь ровно!

- Но от меня уже неделю пользы совсем никакой!

- Иди лечись, потом, если так не терпится, будешь наверстывать.

- Но отец!

- Брысь, я сказал! Смотри, живот к спине прилип, иди пожри сначала как следует!

А Мать молча улыбалась, накладывая в чашку горячие кусочки мяса и поджаренные свежие овощи. Мая, дуясь на весь свет, молча ел.

- Мая, а Мая? – в хижину заглянула длинноволосая Сорина.

- Соринка! – тут же воодушевился юноша, - Как давно я тебя не видел! Чем ты была так занята, что не приходила навестить меня?

Девушка проскользнула внутрь домика и присела у ложа своего возлюбленного. Мая сразу же схватил ее за руку и поднес к губам.

- Ну, я слышала, ты совсем никого не желаешь видеть... - тоскливо пояснила она, - Но как только ты сам вышел, я сразу же направилась сюда. Ты чем-то болен? Говорят, тебя на охоте ранил какой-то зверь...

- Да, ранил, - слегка замешкавшись, согласился Мая. «Зверь» и «ранил» - это очень точно сказано. Интересно, какая добрая душа пустила этот правдивый слух, избавив его от оправданий перед всеми?

- Мая, и долго ты будешь отсиживаться здесь? – капризно спросила Соринка, и тут же добавила: – Я по тебе скучаю!

- Ну, раз скучаешь, то я, наверное, должен тебя развеселить! – улыбнулся юноша, хватая ее за вторую руку и дергая на себя, Соринка, кокетливо повизгивая, сопротивлялась, но Мая все же прижал ее к себе. Чувствуя прикосновение мягких волос к лицу, и мягкость и округлость ее тела под руками, он понемногу успокаивался. Тревоги, мучавшие его ежедневно, и отвратительные воспоминания уходили. Сейчас, обнимая любимую девушку, Мая вдруг остро пожалел о том, что его первый раз был не с ней, а с каким-то малоприятным мужчиной.

- Мая, а скоро ты пойдешь сторожить деревню? – осторожно спросила Сорина, позволяя юноше прижаться щекой к своей груди.

- Не знаю, отец меня пока не пускает... Я и сам бы рад, надоело пнем сидеть на одном месте.

- А твои раны уже зажили? Скоро они заживут?

- Я уже могу нормально двигаться. Это все отец с матерью... Вечно опекают меня. Я уже не ребенок!

- Конечно, не ребенок... - Согласилась девушка, поглаживая его по волосам, - ты настоящий мужчина.

- Вот именно... - пробормотал Мая. Ласковые прикосновения женской руки убаюкивали его. – Соринка, а Соринка... - позвал он, заглядывая девушке в глаза, - Давай поиграем?

- Во что? – непонимающе спросила она, но, почувствовав ладонь Май на своем бедре, тут же оттолкнула его. – Вот проныра!

- Соринка, мне так одиноко...

- Выздоровей сначала! – поставила условие девушка, поднимаясь, Мая схватил ее за руку.

- Но почему? Мы же любим друг друга! Почему мы не можем любить друг друга и так?

- Потому что ты неважно себя чувствуешь! – резко оборвала Сорина, выдергивая конечность из его пальцев. – Вот поправишься, станешь опять нормально жить, вот тогда я подумаю... может быть.

- Обещаешь?

- Что? Ничего я тебе не обещаю, я подумаю!

- Соринка, а хочешь со мной на стражу пойти? Мы только одни там будем!

- Еще чего? У меня дел полно! Все, давай, выздоравливай...

- Я скоро поправлюсь! – пообещал Мая в спину девушке, но та даже не обернулась, выходя из маленькой хижины.

Время шло, и Мая все чаще стал выбираться из своего уютного, но уже осточертевшего жилища, и бродил по деревне, пристаивая ко всем в поиске хоть какой-то работы, но по приказу вождя соплеменники во всем отказывали ему. Мая злился и старался двигаться привычно раскованно, игнорируя неприятные ощущения. В конце концов и его раны зажили, и пугающие воспоминания притаились где-то на подкорках разума, не тревожа больше мальчика кошмарами и останавливающими сердце галлюцинациями, что появлялись иногда в кромешной темноте маленькой хижины.

Мая какое-то время помогал жителям деревни на полях, собирал созревшие корнеплоды

и полон сорную траву, но это казалось ему, прирожденному стрелку и азартному охотнику, невероятно скучным. И однажды Мая все же выпросил у отца смену в ночную стражу.

Его напарником был Тор, вместе они провели время весело, обсуждая прелести подрастающих в племени юных девушек и охотясь на мелкую дичь.

Утром в деревне, почти у самого входа в хижину, его за руку схватила Сорина.

- Мая, ты на стражу ходил? – взволнованным голосом спросила она.

- Да, - растерялся Мая. Раньше Сорину это не интересовало.

- А почему мне ничего не сказал?

- А почему я был должен?.. – еще больше смешался юноша, девушка секунду молчала, но почти сразу же нашлась:

- Ну, так это же значит, что ты совсем поправился! – смущенно пояснила она, заливаясь румянцем.

- Ну, да... Ах! – Мая заулыбался в ответ, вспомнив ее обещание. – Значит...

- Но сегодня я занята. Не получится. Я, кажется, приболела в последнее время. Мая, а когда ты в следующий раз пойдешь сторожить деревню?

- Я еще не знаю. Отец мне только один раз разрешил. Но я надеюсь, что...

- Вот после следующего раза и сделаем! – пообещала Сорина, приподнялась на цыпочках и дотронулась до кончика носа юноши своим, невесомо коснулась его щеки ладошкой и упорхнула, оставив Маю ошеломленно стоять у входа, зачарованно глядя ей вслед.

Едва сбросив с себя кожаный мешок и ненужные более шкуры, согревавшие его ночью, Мая поспешил в хижину отца, чтобы поскорее отбить себе новую смену.

Глава 9.

Коинн был непривычно мрачен и нелюдим в последнее время. Его жены ломали головы и жаловались своим подругам, что у сына вождя словно голову снесло – так груб и агрессивен он стал в постели. Женщины всего племени судачили о нем – о самом выдающимся, самом желанном мужчине молодого поколения, а Коинну было на все наплевать. Он почти ни с кем не разговаривал, на шутки и подколки не отзывался, много охотился, вдыхал дурманящий сладковатый дым тлеющих сушеных трав во время вечерних празднеств, и о чем-то размышлял.

Лабарту же, вождю племени Глубоких Озер, не было никакой нужды ломать голову – он и так прекрасно знал, отчего родной сын ходит чернее тучи и зыркает на всех, как на врагов.

Совсем недавно они приняли торжественное подношение от племени Растущих Семян, в благодарность за помощь и поддержку в трудную минуту. Гора из свежеевляемого отборного мяса, овощей и молодая коза, способная давать много молока, говорили о том, что Имма действительно признателен враждебному клану за ту услугу.

Ни слова о том, чтобы потребовать что-то взамен, не было сказано. Коинн все время молчал, несколько раз окидывал стоящих напротив людей неприязненным взглядом, за что, в конце концов, получил от отца тычок в ребра.

Мая отсутствовал. Когда Лабарт невзначай поинтересовался у холодного и высокомерного Иммы, где же его любимый сын, тот ответил, что мальчику нездоровится после недавней охоты. Они взглянули друг другу в глаза всего раз, до того, как согласно древней традиции им пришлось обняться на глазах у обоих племен. Лабарт чувствовал, как Имму передернуло от этого невинного соприкосновения их тел, и понял, что ненависть и обида этого мужчины не утихли с годами.

Да и сам он себя до сих пор не простил.

На протяжении всей ночи, пока люди обоих племен гуляли и веселились, они не приближались друг другу, но Лабарт изредка, тайком бросал на высокого, сильного, но удивительно стройного и грациозного Имму пристальные взгляды. Когда еще выпадет возможность вот так поглазеть на него, на человека, болезненная страсть к которому до сих пор так и не иссякла?

Тот юный четырнадцатилетний мальчик, каким Лабарт помнил Маю, когда вырастет – станет точной копией отца.

Но вскоре помимо притягивающей взгляд фигуры у Лабарта появилась другая забота: Коинн упорно втягивал ртом пахучий сизый дым тлеющего сверточка из трав, сидя у него под боком, и в его глазах уже виднелся агрессивный блеск, подсказывающий, что еще немного, и парень с легкостью влезет или спровоцирует какую-нибудь драку.

- Встанешь с места – убью. – Еле слышно пригрозил Лабарт. Коинн ничего не ответил,

слабо кивнул. Затем, спустя немного времени, он зашевелился, явно собираясь подняться и куда-то уйти.

- Куда собрался? – резко спросил Лабарт. Только скандалов ему сейчас не хватало.

- К женщинам. – Заплетающимся языком отозвался Коинн.

- Веди себя прилично. У нас гости. – Отворачиваясь, велел вождь.

- Ага. – Буркнул Коинн. – И твой бывший возлюбленный.

- Следи за языком, щенок!

Но Коинн молча поплелся в темноту, петляя из стороны в сторону. Переклинило его, похоже, не на шутку. К тому же, Лабарт, увидев, что на пиршестве Мая отсутствует, начал догадываться, что натворить глупостей его сынок все же успел. Он только надеялся, что эти натворенные глупости не были непоправимыми.

Они с Иммой еще раз на прощанье пожали друг другу руки, и Лабарт, не удержавшись, сжимал в руке горячую ладонь мужчины чуть дольше положенного. Имма обжег его разгневанным взглядом, его губа нервно дернулась, а Лабарт ответил только чуть виноватой улыбкой.

Он долго смотрел в темноту, провожая уже невидимую спину Иммы взглядом. Возможно, он не увидит его еще несколько лет, и пока в голове свежи воспоминания о его облике, вождь племени Глубоких Озер погружался в себя, лелея их и как следует укладывая в самое укромное местечко в своей душе.

- Соринка! Соринка, ты тут? – Мая заглянул в крохотную хижину, в которой его возлюбленная жила вместе с двумя своими сестрами, матерью и отцом. Девушка, сидевшая на лежаке, обернулась к нему.

- Ее нет, - задорно проворковала Мира, младшая сестра Сорины, известная в племени своими ткацкими способностями. В руках у нее был кусок хорошо выделанной кожи. - Она вышла.

- Куда?

- На поле.

Мая тут же выскользнул из домика и поспешил на поле, за которое была в ответе семья Сорины. Он завидел фигурку девушки еще издалека и принялся звать ее, размахивая руками. Бросив кривую тяпку, Сорина бросилась к нему и с радостным воплем повисла на шее.

- Я так соскучилась по тебе! Как хорошо, что ты наконец-то пришел! – распевала она, болтая в воздухе ногами. А Мая, довольно улыбаясь, обнимал ее за талию и целовал в пухлую розовенькую щечку.
- У меня отличная новость. – Доверительно шепнул он.
- Какая?
- Я иду на стражу через два дня. – С улыбкой поделился юноша. Соринка замерла, опустила ножки на землю.
- Да? – с неверием переспросила она.
- Да. – Кивнул Мая.
- Правда?
- Правда.
- Это... Это же здорово! – сказала она и снова повисла на шее. – В ночную?
- В дневную, - Мая снова улыбнулся, чувствуя мягкость груди, прижимающейся к нему. Совсем скоро он сможет... трогать ее, сколько угодно.
- Ну, хорошо. Я рада. – Горячие губы чмокнули в висок, ухо обдало жаром ее дыхания, и Мая зарделся. – Я провожу тебя, хорошо?
- Хорошо. А зачем?
- Хочу приготовить тебе кое-что с собой. Немного овощей и нежного птичьего мяса.
- Ты меня балуешь!
- Нет, нет. Ты заслужил. – Заверила девушка, заглядывая ему в глаза.
- Встретишь?
- Конечно.
- И пойдём ко мне, да?
- Да.
- Не могу этого дождаться!
- Ну уж потерпи! – капризным голосом попросила Сорина, отталкивая юношу и отступая. – Мне надо идти. Закончить надо до захода солнца.

- Хочешь, помогу? – предложил Мая, готовый в самом деле взяться за тяпку и полоть землю до тех пор, пока совсем не стемнеет.

- Что ты! Сыну вождя не пристало в земле ковыряться! Иди! – махнула рукой Сорина.

- Соринка, а Соринка.

- Ну, чего? – обернулась девушка.

- Я тебя люблю. – Со счастливой улыбкой на лице признался юноша. Девушка с заминкой улыбнулась, опустила взгляд.

- Фу, дурак... - смущенно пробормотала она и торопливо пошла к заросшим сорной травой грядкам.

Мая стоял на холмике у подножья деревни и смотрел ей вслед и как самый настоящий счастливый дурак улыбался.

«Кажется, все налаживается», - думал он.

Еду, которую Соринка бережно завернула в тряпицу и спрятала в кожаный мешок, Мая любовно держал в руках всю дорогу до места, где должен был сторожить. Щека все еще горела от невинного легкого утреннего поцелуя, сердце стучало – сегодня вечером это случится. Ожидание длиною в день казалось невыносимой пыткой. От безделья и скуки хотелось выть и заламывать себе руки, все мысли были только о том, что он скоро окажется с Сориной в одной постели.

Обед он развернул раньше полудня, потому что уж очень хотелось попробовать еду, приготовленную любимой девушкой. Прожевав отлично приготовленное постное мясо и нехитрое блюдо из овощей, Мая выдул из специального мешка вкусный ягодный сок, который для него тоже приготовила Сорина, и, довольный жизнью, развалился на земле, блаженно прикрывая глаза.

Он лежал так, слушая стрекот насекомых в кустах и редкие ленивые трели летних птичек, пока не услышал чьи-то осторожные шаги. К нему не подкрадывались, но шли осторожно.

Мая открыл глаза и сел ровно, оглядываясь по сторонам в поисках незваного гостя.

Когда он увидел приближающегося к нему человека, его словно обдало ледящей волной холода, ладони в мгновение ока сделались влажными, сердце учащенно застучало, вспоминая то, что Мая желал бы забыть навсегда. К горлу подступила тошнота.

Коин остановился с другой стороны костра, присел на землю, неторопливо пожевывая зеленую травинку.

- Привет, - совершенно непринужденно поздоровался он.

Мая открыл было рот, но в горле застрял ком, язык его не слушался. Он нервно подобрался на месте, не зная, что делать – то ли кричать, то ли бежать, то ли расплакаться, как младенец, от страха.

Коин молча пялился на него, ожидая ответа, и через минуту Мае удалось совладать с неконтролируемой паникой, и он выдал из себя:

- Что тебе надо?..

Воин напротив усмехнулся – одними уголками губ, в глазах его сверкал интерес и предвкушение. Или это было возбуждение? Мая, заторможенный из-за навалившегося страха, не мог различить. Что ему надо? Зачем он пришел? Неужели, все повторится?..

- Да так, гулял, увидел тебя, решил составить компанию.

Он врал. Воины племени Глубоких Озер никогда не заходили в эту часть долины, Коин мог оказаться тут только в том случае, если намеренно пришел сюда. К нему. К Мае.

- Уходи.

Коин снова улыбнулся.

- Ты хочешь, чтобы я ушел? – зачем-то переспросил он. Отвечать на этот вопрос Мая не считал нужным. Правой рукой он поудобнее перехватил нож и продемонстрировал его Коину.

- Ого... - Коин изобразил удивление на лице, но глаза его загорелись только большим азартом. От понимания того, что с ним забавляются, - с ним и с его страхом, - Мае становилось еще страшнее. На затылок неприятно давило что-то тяжелое, в глазах все темнело от гнева, и от страха тоже.- Да ты, никак, мне угрожаешь?

- Именно так. – Дрожащим голосом подтвердил Мая.

- И что, нападешь на меня? – подивился Коин.

- Да.

- А не думаешь, что я сильнее?

- Мне все равно.

Коин снова усмехнулся, отводя глаза.

- Смело.

- Уходи.

- Не хочу. Перестань капризничать... - Мая вздрогнул, услышав эти слова. Потекли ручейком образы в голове, пробуждались загнанные в подкорки разума воспоминания. Нож в руках мальчика мелко задрожал. Коин тут же вцепился взглядом в его глаза, наблюдая, как в яркий солнечный день расширяются от страха зрачки. По губам скользнул влажный язык.

- Как твои дела? – поинтересовался он. – Все еще не переспал с Сориной?

- Н-не твоё дело. – Тут же, машинально и глухо отозвался юноша.

- Даже сиськи потискать не дала, да?

- Замолчи!

- Что ж ты... Дурень. Семнадцать лет, а все в руку играешь.

- Заткнись!

- Не то что? – с вызовом выбросил Коин, корпусом чуть придвигаясь вперед. Юное сильное тело, которое по праву должно принадлежать ему, манило. Вцепиться пальцами в эти руки, в это горло, сжимая, сдавливая, сминая ничтожное сопротивление мальчика, который однозначно слабее...

- Я убью тебя! - истерично воскликнул Мая, не замечая, как судорожно и нервозно подрагивают мышцы рук и ног.

- Кишка тонка! - дразня, выкрикнул Коин.

- Я убью тебя!!!

- Попробуй!

- Я убью тебя!!!

- Ну?!

Нож выпадает из ослабевших пальцев, со звоном ударяется о плоскую каменную поверхность, служившую стражникам столом. Мая опускает взгляд вниз, неверяще глядя на непослушную, трясущуюся руку. С ужасом понимает, что не чувствует пальцев. Перед глазами потемнело, поплыло.

- Что... Что ты сделал... - хрипло выдохнул он, падая лицом вперед и царапая лоб о землю. Ни один мускул в его теле не слушался его. Ног юноша не чувствовал тоже, и не видел ничего, кроме черных кругов перед глазами и расплывчатых образов каких-то фигур...

- Я ничего не делал. – Услышал он довольный голос Коина. – Это твоя возлюбленная, которую ты все это время так яростно защищал.

Глава 10.*

10.

Коин сидел еще несколько минут, глядя, как мальчишка пытается сопротивляться дурманящему действию отвара, шарит рукой по земле и тяжело дышит. Волосы его, собранные в легкую косу, тут же растрепались, прядки пачкались в сухой пыльной земле. Коин поднял косу и закинул на спину мальчика, затем выплюнул травинку, поднялся с корточек и стал собирать пожитки горе-стражника. Сумку он закинул себе на плечо, копье Май зашвырнул далеко в лес, никуда, собственно, не целясь и не заботясь о том, куда оно попадет. Затем он поднял расслабленное тело на руки и пошел прочь от поляны и от родного племени мальчика.

Лошадь Коин принципиально не взял. Следов оставлять было нельзя, все должны были подумать, что Мая сгинул в лесу, что его задрал и утащил в берлогу какой-нибудь зверь... Оставлять его вещи нельзя было тоже. Если кто-то попробует остатки еды, сразу поймет, что сын вождя был кем-то украден. Если в племени Май кто-нибудь, кроме него самого, знает о том, что между ними случилось, то подозрения сразу падут на Коина, поэтому все, вплоть до палочки, которой юноша ковырялся в зубах после еды, Коин подобрал и унес с собой.

Путь его лежал уже в знакомое место. Через ручей, вверх по склону, к возвышающимся над лесом горам, к высокой темной пещере...

Мальчишка на вид казался довольно хрупким, но впечатление это было обманчивым. Коин убедился в этом, когда стал подниматься вверх, огибая кривоватые стволы горных деревьев. Был он далеко не последним слабаком, но руки от усталости уже ныли. Мая был худым, но красивые, тонкие мышцы юного воина были настоящими, заработанными тяжелым трудом и ежедневной охотой.

Коину пришлось опустить бессознательного Маю на землю, чтобы немного передохнуть, затем он продолжил путь. Самым тяжелым оказалось затащить человеческое тело наверх, на плато, где и самому-то приходилось цепляться руками за выступы скал... Коин расцарапал все колени и руки, досталось и спящему навязанным сном Мае, но в итоге они все же выбрались на узенькое плато, к маленькой пещере, где уже были заготовлены шкуры, веревки и дрова.

Первое, что почувствовал Мая, когда стал приходить в сознание, это боль. Или же боль заставила его сознание вернуться – что было первым, юноша не знал. Тело затекло, ужасно хотелось пить, в горле першило и кружилась голова... когда он попытался открыть глаза, долгое время все расплывалось и юноша не мог даже понять, где находится. Постепенно зрение возвращалось, но то, что Мая увидел перед глазами, заставило его в панике задержать дыхание. Эту стену он, пожалуй, не забудет уже никогда. И это ощущение мягких шкур под ноющим телом, и веющий от камня вокруг холод...

- Ты проснулся? - обратился к нему голос, слышать который Мая хотел меньше всего на свете . Очень медленно в голове восстановилось все произошедшее недавно - обед у костра, неожиданное появление Коина, головокружение... Мая подорвался с места, понимая, что насильник рядом, но сдвинуться не удалось. Подергавшись из стороны в сторону, юноша обнаружил, что его запястья и лодыжки связаны и перетянуты короткой толстой веревкой так, что он не смог разогнуться.

Дыхание стало учащаться, стало невыносимо жарко. Он не видел Коина, наверное, тот находился где-то позади, но Мая не мог набраться смелости и обернуться, чтобы посмотреть на него. Что его похитили и с какой целью это было сделано - сейчас для него было совершенно ясным. Выравнивая сбивчивое дыхание и невидящим взглядом уставившись на озаренный солнечным светом кусочек плато, Мая готовился закончить свои дни в этой пещере, истекая кровью и захлебываясь чужой спермой.

- Не дергайся, скоро тебе станет лучше. - Посоветовал Коин откуда-то сзади. "Швирк-швирк" - послышалось из-за спины. Коин затачивал нож. - Ты помнишь, что произошло? - будничным тоном осведомился он.

Мая промолчал, продолжая смотреть на островок нагретого солнцем камня. Он помнил. Слишком хорошо помнил, а лучше бы вовсе забыл... Он надеялся, что скоро все забудется, или что Коин хотя бы даст ему умереть спокойно. Мая понимал, что проиграл. Ему не следовало верить врагу с самого начала... Ему следовало все рассказать отцу. Если бы отец знал - он бы смог защитить, он бы перерыл всю долину, он бы стал его искать и не успокоился бы, пока не нашел... А сейчас он просто исчез, и никто в деревне не имел ни малейшего понятия, кто мог бы быть тому виной.

Кроме Сорины.

Мая до боли стиснул зубы, потом разжал и сглотнул. Наверняка этому есть какое-то здоровое объяснение, с чего бы ей...

- Думаешь о своей бабе? - догадался Коин. - Думаешь, почему она тебя предала?

- Она не предавала. - Хрипло, но твердо заявил Мая.

- Да неужто? И какова твоя версия? - "Швирк, швиирк".

- Ты ее заставил. Принудил. Ты угрожал ей... Ты воспользовался беспомощностью невинной женщины. - Мая бросал каждое слово обвинения, как тяжелый камень.

- Твоя беспомощная и невинная Сорина не такая беспомощная и невинная, как ты о ней думаешь...

- Не наговаривай на нее. Я тебе не поверю. Все, что ты говоришь, сплошная ложь.

- Она несколько раз приходила в наше племя, - игнорируя слова пленника, продолжал Коин, - она очень умна... Так, как не должна быть умна женщина. Достаточно умна,

чтобы понимать, что происходит, но недостаточно мудра, чтобы скрывать свой ум от мужчин... Возможно, вы скоро встретитесь, тогда она все объяснит тебе сама. И ты ее поймешь.

- Ложь. - Отчеканил Мая. - Ложь.

- Я не заставлял ее подливать в твою воду дурманящий отвар... Я предложил ей сделку, она согласилась, она все сделала сама. Она даже пришла ко мне и сообщила, когда ты идешь в стражу... Я обещал женить ее на одном из лучших мужчин нашего племени в обмен на тебя. Теперь... твой разум достаточно ясен, чтобы слушать и внимать мне?

Мая почувствовал спиной, что Коин поднялся и приблизился к нему. По спине побежали холодные мурашки, тело непроизвольно сжалось, ожидая удара... Коин положил руку ему на плечо, пальцы властно обвили тонкую шею, заставляя держать голову прямо.

- Я не собираюсь насиловать тебя до смерти или убивать. - Прошептал он в самое ухо юноши, обжигая кожу горячим дыханием. - Я делаю тебе предложение, и ты должен сделать правильный выбор. Я дам тебе время. Если ты откажешься и мое терпение кончится, то мне придется убить тебя, потому что обратно я тебя не отпущу, домой ты вернуться не сможешь. Ты должен выбрать что-то одно, подчинение - или смерть. Но перед смертью я хорошенько тебя помучаю...

Горячий шепот обрывается, на несколько мгновений становится очень тихо. Влажные губы касаются вспотевшего виска, собирают соленые капли, и Коин с чувством продолжает:

- Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Присоединился к моему племени на правах прислуги или раба. Ты забудешь свое прошлое и свое племя, ты станешь моим и будешь служить мне до конца своих дней, до тех пор, пока ты мне не надоешь и я не вспорю тебе брюхо. А если ты случайно встретишь своего отца - ты должен сказать, что покинул племя добровольно. И эту штучку... - Кончик ножа осторожно поддевает веревочку ожерелья, приподнимая ее к самому лицу, - тебе придется снять.

Голос стихает. В мертвой тишине пещеры слышится только тяжелое, напряженное дыхание, кончик ножа и ожерелья дрожат в сильных руках Коина, его рваное, разгневанное дыхание обдаёт кожу щеки и шеи, словно огнем. Мая понимает, что от него ждут ответа, но при всем желании он не мог вымолвить ни слова.

- Говори. - Тихо, в бешенстве приказывает Коин.

По напряженной, ноющей из-за неудобной позы спине медленно стекает капля пота.

- Что будет, если я откажусь? - дрожащим голосом спрашивает Мая, глядя на тускло сверкающий кончик ножа у своего подбородка. Если он скажет "нет"... этот нож в ту же секунду может вспороть ему глотку.

- Я сделаю твою смерть долгой, мучительной и унижительной... и я растяну это удовольствие на несколько месяцев. И не надейся, что тебе удастся лишиться рассудка,

о, нет, милый мой, ты будешь прекрасно осознавать все, что с тобой делают... А потом, когда ты, наконец, сдохнешь, я швырну твоё тело со скал, и его распотрошат голодные птицы. Даже родной отец никогда не распознает в осколках костей и рваных ошметках плоти тебя.

"Он пугает... он запугивает меня..." - отчаянно старался сопротивляться Мая, но он слишком хорошо знал Коина. Все, что он говорит, с легкостью может оказаться правдой, воплощенной в жизнь. Но Мая не мог, не мог, как бы ни было страшно... Он должен оставаться храбрым, он не должен так позорно дрожать и старательно прятать слезы...

Он - сын своего отца.

- Н-нет, - неразборчиво пробормотал юноша, зажмуриваясь. Сам себе подписал приговор, сам себя обрек на ужасную смерть, но настоящий мужчина просто не мог поступить по-другому. Сейчас - ударит, сейчас начнется его казнь.

Но рука Коина вдруг отпускает, нож исчезает, он поднимается на ноги и легким пинком небрежно валит связанного пленника на шкуры. Веревка, соединяющая запястья, слишком коротка - Мае против воли приходится подтянуть к груди колени, но он сразу же вытягивает руки, чтобы прикрыть открывшееся взору Коина местечко между ног. Трусливый, позорный жест, но юноша так напуган, что не может думать ни о чем, кроме попыток хоть как-то защититься от врага.

Коин опускается на колени, хватает и дергает за веревку, переворачивая мальчика на бок, прижимает связанные лодыжки, садясь и придавливая собственным весом. Мая глухо вскрикивает и дергается, но Коину плевать, что он делает ему больно. В глазах юноши страх, предчувствие ужасного - он знает, чего ожидать от насильника. Коин с удовольствием отмечает, как трусливо поджались упругие ягодички, проводит по ним рукой, ножом вспарывает набедренную повязку, грубо стаскивает, разрывая тряпицу на лохмотья - она больше не понадобится.

Мая тяжело, надрывно дышит, зажимаясь от ужаса, его глаза широко распахнуты, а зрачки дрожат. Коин с силой сжимает ляжку, ведет рукой вверх, оглаживает бедро, похозяйски шлепает мальчика по заднице.

- Я же предупреждал, что тебе будет плохо? - почти ласково спросил он, заглядывая в раскрасневшееся лицо юноши. - Ты же готов к этому, да? Теперь я не буду делать тебе поблажек. Я спрошу тебя еще трижды, и если ты ответишь "нет" на третий раз, я больше не стану тратить на тебя свое время.

Больше не было сказано ни слова.

Коин грубо схватил мальчика спереди, заставляя его вскрикнуть от боли и неожиданности. В движениях его руки не было и намека на ласку, резкое дерганье доставляло только болезненные ощущения. Не добившись никакой реакции от Маи, кроме слез и глухого недовольного мычания, Коин оставил вялый орган и с силой просунул в сжавшийся проход сразу несколько пальцев. Мая подавился вскриком, до крови прикусил губу и зажмурился.

Движения грубых пальцев доставляли только дискомфорт, а когда пальцев прибавилось - появилась и режущая разрывающая боль в проходе. Сильные мышцы не были привычными к такому объему, прорывающемуся внутрь. В какой-то момент другая рука Коина схватила Маю за яички, сжимая пальцами самое уязвимое место мужчины - и эта боль затмила даже неприятные ощущения в проходе.

Рука не отпускала, дыхания не хватало, Мая давился слезами.

- З-зачем... тебе это надо? - сдавленно спросил он. Коин, больно пихнув его пальцами внутри, наклонился к напряженному лицу и поцеловал мальчика в губы.

- Я хочу тебя. Если я чего-то хочу - я это получаю. А если нет - то это не получит уже никто. Ты же понимаешь, что у тебя есть только один выход из этой ситуации, если ты хочешь остаться в живых?

- Нет, - упрямо доносится от пленника. - Нет.

- Ты глуп, Мая. - Только и сказал Коин. - Пеняй на себя.

Пальцы исчезли, ноющие от боли яички отпустили тоже, но на смену пальцам пришел толстый твердый член, а рука, что сжимала нежный мешочек, вновь принялась дергать не реагирующий комочек плоти спереди. Чувствуя, как толстая дубина продавливается в него сзади, разрывая проход, Мая из последних сил пытался заставить себя расслабиться, чтобы не усугублять свое положение. Он медленно, глубоко дышал, цепляясь взглядом за тени и выступы стен, за цветной узор шкур, неровную поверхность пола - все, что угодно, лишь бы отвлечь свое внимание от того, что делали с ним сзади. Если он успокоится, если будет сильным духом – то сможет это пережить.

Но Коин, кажется, догадался, что пытается сделать его жертва и намеренно старался причинить юноше как можно больше боли. «Не смей отвлекаться!» - чувствовалось в каждом грубом, рваном толчке. «Ты должен прочувствовать это, понять как следует, что значит быть униженным, изнасилованным, сломленным...» - слышалось в прерывистом, тяжелом дыхании.

Потом Маю поставили на колени, болезненная долбежка ускорила, в глазах начало темнеть... кто-то стонал, кто-то сдавленно всхлипывал, вскрикивал иногда, юноше даже показалось, что кто-то плакал... Наверное, это не он. Его член так и болтался между ног бесполезным, съежившимся комочком плоти, и Коин иногда возвращался к своим попыткам «оживить» его, но из-за злости на мальчишку и возбуждения не мог контролировать силу, с которой дергал за орган, и этим делал пытку только страшнее.

По ногам текло, что-то внутри ужасно болело... Когда Коин, наконец, слез, Мая безвольно повалился на бок, закрыл глаза. Умереть. Сейчас – только умереть. Тяжелое дыхание приблизилось, его грубо схватили за подбородок и Коин принялся целовать: жадно, грубо, высасывая из обессиленного Маи остатки сознания и души. Он то пытался вырвать ему язык, засосав так, что его основание пронзала режущая боль, то стискивал зубы на губах, словно собирался оставить себе на память хоть маленький кусочек

нежного мяса.

Потом все повторилось, только на этот раз Маю не ставили на колени, а имели прямо так, на боку. Но ему, по правде, было уже все равно. В какой-то момент, когда толстая дубина снова исчезла из прохода и Маю оставили в покое, он просто провалился в сон, измотанный эмоционально и физически. Даже на ноющие в тугих веревках конечности ему было наплевать.

Когда он вернулся из тревожного, беспокойного сна, Коин сидел рядом, положив его голову себе на колени и пальцами слегка оглаживая чуть острый подбородок пленника. Взгляд его был устремлен вдаль, куда-то за пространство пещеры. Лицо у него было такое спокойное, что Мая даже подумал, что все, что было – это сон, но буквально в то же мгновение понял, что все еще связан по рукам и ногам, и слабая надежда растаяла. Мая еле слышно вздохнул, стараясь не выдавать своего пробуждения, но Коин почувствовал это слабое движение. Его взгляд опустился вниз, лаская и обволакивая скользил по усталому, бледному, отрешенному лицу.

- Развяжи меня. – Тихо, неуверенно попросил юноша. Все тело ныло, болела согнутая спина.

- Нет, - почти ласково ответил Коин, снова поглаживая пальцами подбородок и касаясь пересохших, потрескавшихся губ. – Ты не заслужил этого.

Мая промолчал. Если когда-то, еще этим утром он сомневался, что сможет убить человека, то сейчас, будь у него такая возможность, он бы с легкостью и с пугающим остервенением прирезал Коина – бил бы ножом до тех пор, пока тело не перестанет быть узнаваемым, пока лицо не превратится в кровавую, бесформенную кашу...

- Хочешь пить? – спокойно предложил Коин. Мая отвлекся от воображаемой кровавой расправы над насильником, понял, что просто умирает от жажды, и хрипло ответил:

- Да...

- Тогда тебе придется целовать меня каждый раз, когда ты хочешь сделать глоток. Это новое правило. – Горячая рука на мгновение исчезла, затем вернулась обратно к лицу, и влажный палец коснулся иссушенных губ. Мая, не соображая, тут же разомкнул губы и собрал ими крохотную капельку воды, затем облизал палец, в надежде хоть немного утолить жажду этой прохладной влагой... Во рту палец очень быстро стал горячим, и Мая понял, что какова бы ни была цена – он должен попить, иначе не выживет.

Юноша несмело зашевелился, пытаясь подняться, оперся на руки, сел на колени перед своим мучителем. Коин спокойно, с теплом во взгляде взирал на него, но Мая прекрасно знал, что это за тепло – это похоть, которую Коин никогда не сможет удовлетворить. Но, не задумываясь об этом, он подался вперед, почти падая лицом и целясь в губы... сильная рука поймала его на полпути, Коин отвел взгляд, хлебнул воды из кожаного мешка, затем отпустил мальчика, позволяя ему приблизиться, и Мая, не долго думая, впечатался губами в его рот, жадно протискиваясь внутрь языком и глотая драгоценные потоки чуть теплой воды.

Когда во рту ничего не осталось, Коинн отстранился и сделал еще один глоток. На этот раз Мая сам рванулся из его рук, впиваясь в его губы. Затем мальчик сам отстранялся, позволяя врагу набрать немного воды, и снова бросался на него, как умалишенный. Так продолжалось довольно долго, пока Мая не насытился, и тогда он отвернулся и отполз в сторону, даже не думая поблагодарить, но Коинн притянул его обратно за волосы и сам поцеловал, буквально насилуя юношу в рот.

Сначала Мая мычал и дергался, но потом перестал сопротивляться. Когда Коинну надоело, он оттолкнул пленника, поднялся с пола, потянулся. Подхватил с пола кожаный мешок с водой, взял копье. Мая встревоженно вытянулся – настолько, насколько мог с той короткой веревкой, что стягивала его руки и ноги вместе.

- Ты куда? – почти по-детски выкрикнул он.

- Домой. – Очень вежливо отозвался Коинн. – Возвращаюсь в свое племя.

- А я? – по-идиотски спросил Мая.

- А ты остаешься тут. Это теперь – твой дом! – Коинн обвел свободной рукой пещеру, поднял остатки сухих веток, швырнул их в костер. – Удачи.

- погоди! – воскликнул Мая, смешно подпрыгивая с места и тут же падая обратно на шкуры. В голосе его слышалась паника. – Но ведь скоро стемнеет!

- Ты наблюдательный. – Насмешливо похвалил сын вождя, замерев у самого выхода из пещеры.

- Но... но... ты оставляешь меня здесь? – мертвенным голосом уточнил юноша. Нет, нет, только не это...

- Именно. – Подтвердил его опасения Коинн.

- Хотя бы развяжи меня...

- Чтобы ты сбежал?

- Но... скоро стемнеет, а ты не оставил веток для костра.

- Надеюсь, ты не боишься темноты.

- Ты с ума сошел! - повысил голос Мая, неверяще глядя на врага. – Ты бросаешь меня тут на ночь без огня?! А что, если сюда забредут дикие звери! Я истекаю кровью благодаря тебе, они почуют мой запах и ночью растерзают меня!

- Пещера закрытая и находится слишком высоко. Взобраться по скалам сможет только человек... Ты в безопасности.

- Ты сумасшедший!!!

- Ты уже давно должен был это понять. – Усмехнулся Коинн. – Здесь нет ни воды, ни еды, так что если проголодаешься – тебе придется ждать меня. А еще... если ты вдруг надумаешь убить себя, то учти, что эти скалы недостаточно круты, чтобы ты убился. Возможно, ты всего лишь сломаешь ногу и пару ребер, но определенно останешься в живых. Далеко ты в таком состоянии не уползешь, я все равно найду тебя и затащу обратно, а если у меня будет плохое настроение – я просто убью тебя и оставлю на корм лесному зверью.

Мая слушал, с каждым словом все холоднее и бледнее. Коинн оставляет его... Без огня, в кромешной ночной мгле, высоко в горах. Даже если сюда не доберутся звери, то запросто залетят птицы – и ни одна из них не побрезгует отведать человечины, а он даже не сможет защититься, потому что связан по рукам и ногам!

- Так что настоятельно советую тебе заснуть до того, как на долину опустится ночь. – Холодно проговорил Коинн, разворачиваясь и выходя на освещенную опускающимся солнцем часть узкого плато. Несколько шагов, и его спина скрылась за выступом скалы.

- Подожди! – снова закричал Мая, бросаясь вперед, совсем забыв о том, что связан. Сдвинуться удалось всего немного, но юноша упал, ударившись о камни лицом. Из носа потекла кровь. – Подожди!.. Коинн!

Но ответом ему было молчание.

Когда Мая все же подполз к обрыву плато, Коинн уже спустился достаточно далеко, и пленник видел только его удаляющуюся спину. Мая кричал ему, но Коинн не обернулся. В маленьком костерке потрескивали, догорая, разваливающиеся бревнышки и тлеющие угольки.

На долину медленно, но верно опускались сумерки, а вслед за ними кралась холодная, гроыхающая и разгневанно вспыхивающая где-то на горизонте ночь.

Глава 11.*

11.

Мая сделал огромную ошибку, потеряв драгоценное время на панику, неверие и разглядывание спины Коина. Делу это не помогало, а солнце опускалось все ниже, долина погружалась в вязкие серые сумерки. Только когда Коин затерялся среди камней и кривых стволов деревьев, растущих у подножья, Мая опомнился и, рывком развернувшись, заторопился обратно в пещеру, к умирающему костру. Одного взгляда на прогоревшие угли от высушенных дневной жарой веток хватило, чтобы понять – не успеет. Ни за что не успеет... Он рухнул рядом с кострищем, ударяясь всем телом о каменный пол, и что есть силы задул на тлеющие оранжевым угольки. Пламя лениво всколыхнулось, но стоило перестать раздувать огонь, как оно тут же умирало. Гореть там уже было нечему, но Мае только и надо было, что прожечь толстую натирающую веревку.

В голове мелькнула мысль кинуть на огонь шкуры, но те слишком тяжелы, лишь раздавят его надежды, да и ползти за ними связанным по рукам и ногам далеко.

Он поочередно то наклонялся к серому пеплу лицом, то прикладывал к углям руки. Кожу обжигало жаром, жгло, веревка, совсем недавно свитая и еще влажная, неохотно тлела... а уголек гас. Мая все равно прижимал к нему связанные запястья, пока не перестал ощущать ладонями тепло. Кожа на ребрах ладоней покраснела и распухла, а вот прочная веревка едва ли пострадала от слабого огонька.

Он сел, тяжело дыша, понимая, что остался без света и все еще связан по рукам и ногам. Стиснул зубы. Тело болело, но сейчас, переполненный страхом и отчаянным желанием жить, он не замечал этого. Почти на ощупь Мая двигался вдоль стены, исцарапанными воспаленными пальцами скользя по неровным выступам, пока не нашел более-менее острый. Он скрючился, прижимая к выступу запястья, и начал тереть руки о него, причиняя обожженным ладоням вред больший, чем проклятой веревке. Коин сделал это специально, специально взял новую, только что сплетенную из высоких стеблей этой сорной травы, растущей где ни попадя. Он всю жизнь будет ненавидеть их, эту траву и Коина... если переживет то, в чем увяз по самые уши сейчас.

Знал ли Коин, что является для него пыткой большей, чем насилие и надругательства? Если знал, то Коину следовало бы отдать все лавры жестокости, потому что Тьма – это то, что действительно могло свести Маю с ума. Это был страх не взрослого мужчины, брошенного среди ночи без возможности защититься или убежать от хищника, а страх ребенка, мучимого ночными кошмарами и слишком буйным воображением. Уже сейчас дальний угол пещеры окутал мрак, и хотя, если присмотреться, еще можно было увидеть очертания выступов стен, юноше уже мерещилось какое-то движение, два огонька прищуренных глаз, влажно блестящие клыки твари, притаившейся в засаде.

«Это неправда», - пытался убедить себя Мая, остервенело стирая кожу о камень, - «Там ничего нет, пещера закрыта, закрыта!»

Боль стала невыносимой, и Мая обессилено привалился боком к стене, тяжело дыша и обреченно глядя на еще светлый контур выхода из пещеры. По пальцам стекало горячее, отчетливо ощущался запах свежей крови, и Мая обругал себя всеми бранными словами, которые когда либо слышал из уст старших: теперь от него несет едой для всех хищников округа, свежие раны ничем не прикрыть, а корочкой кровоточащие ссадины покроются еще не скоро. Из груди Маи вырвался нервный смешок, а по щекам потекли слезы.

- Я слабак... - прошептали распухшие, искусанные и щиплющие губы. – Ты просто ничтожество, Мая. И поделом тебе...

Он слишком часто полагался на друзей и отца, привык, что ему помогают, а теперь, когда остался один, он сам не мог ничего для себя сделать. Никто не мог ему помочь, и там, где надо было действовать решительно – он оплошал. Тлела в душе надежда, что его найдут. Обязательно найдут, отец не бросит просто так пропавшего сына... но это будет не сегодня. Не этой ночью. И, возможно, даже не завтра – потому что Коинн прирожденный охотник и вряд ли оставил за собой хоть какие-то следы, которые могли бы привести его отца сюда или вывести к вражескому племени.

Мрак с каждой секундой все уверенней захватывал пещеру, холодный камень теперь освещали только приближающиеся короткие вспышки в небе. Мая, поддавшись панике, страху и жалости к самому себе, пополз обратно к выходу из пещеры. Снаружи дул порывистый ветер, бросая ледяные капли о скалы так, словно хотел разбить их на тысячи сверкающих песчинок, но Мая все равно лег на узкое плато, глядя в темноту перед собой, и вздрагивал от каждого громового раската и каждой переливистой вспышки. На открытом пространстве, хоть и на головокружащей высоте, продрогший и трясущийся от холода и нервного напряжения, он чувствовал себя лучше, чем под давящими сводами удушающей и живущей своей теневой жизнью пещеры.

Долина то и дело озарялась холодным светом. Мая видел очертания гор на той стороне, видел, как гнутся под ураганными порывами ветра исполинские стволы, склоняя густые могучие кроны к самой земле. Он видел и камни, и выступы склона внизу. Всего-то и надо было – толкнуться ногами, скатиться вниз... Если повезет – то расшибет голову. Но скорее всего - просто сдерет кожу, набьет ушибов и сломает несколько костей. Оставшись живым калекой. Если Коинн вообще оставит его в живых...

Мая не мог этого сделать. Не мог оттолкнуться. Падение казалось ему концом, оттуда уже не будет возврата, а у него была возможность прожить еще один день. Мая трусил. Он был трусом с самого начала, еще тогда, когда Коинн впервые прицепился к нему много-много лет назад, им уже давно надо было подраться, как нормальным парням, а они все точили друг о друга языки, и вот во что это вылилось. Надо было сразу, по-нормальному разобраться, тогда бы не было этих отвратительных сцен и липкой крови между ногами.

Лицо его было обращено к шумящей от ураганного ветра долине, а спина была открыта к пещере. Мае казалось, что вот-вот оттуда, из непроницаемого мрака, выпрыгнет дикий зверь и вонзит свои острые, сверкающие в вспышках молний клыки в его бедра, и, оставляя кровавый след на камнях, затащит в свое убежище, чтобы медленно наслаждаться еще трепыхающейся человечиною. Долина взрывалась то короткими, то

переливистыми вспышками, и в перерывах, погруженных во мрак, сердце Майи замирало. А когда небо вспыхивало, его словно пронзало лезвием страха: Майе казалось, что в этот момент из-под плато вынырнет зубастая пасть, вцепится прямо в его лицо и утащит вниз, как уже разделанную, готовую к употреблению тушу. Он не смел закрыть глаза, бесцельно пялясь прямо перед собой, словно это могло ему помочь, и сотрясаясь от ужаса и холода. Когда после долгого затишья небо разразилось оглушительным грохотом, Майя понял, что больше не может так.

Он в безудержном страхе метался от невидимых во тьме стен пещеры на озаряемое холодными вспышками скользкое плато, разбивая в кровь колени, локти и лицо, не в силах определить – где ему страшно меньше, и разрывал свое горло в беззвучном отчаянном крике, не издавая ни звука, потому как голосом Майя опасался привлечь внимание незримых плотоядных тварей во тьме пещеры и снаружи, под яростно хлещущим дождем.

Он не сомкнул глаз до самого рассвета, однако в итоге, после бессмысленных истеричных метаний, перебрался обратно в пещеру, зарылся в толстые шкуры с головой и лежал с закрытыми глазами, тяжело, прерывисто дыша. Страх и инстинкт самосохранения не позволяли юноше погрузиться в сон, тело было на взводе, готовое к любой опасности, слух и нюх обострены, кровь прилиwała к голове, вызывая неприятную тупую боль и ощущение давления. Тело затекло и ломало от резкой боли, от которой Майя был не в силах избавиться, из заднего прохода вновь потекла кровь, внутренности скрутило, и не в силах больше сдерживаться юноша плакал и стонал, сжимая зубами старую шкуру, до тех пор, пока не погрузился в странное состояние отдаленного бодрствования: он продолжал слышать раскаты грома и чувствовать боль, но все это казалось ему всего лишь сном.

Буря вскоре утихла, как это всегда бывает с летними грозами, но даже в кромешной тишине Майя не смог расслабиться. Он не мог согреться, продрогший до мозга костей, пока лежал на плато под дождем. Огня не было, не было и никакого другого источника тепла. Майя, измученный своим возбужденным состоянием, с трудом дождался рассвета и только тогда высунул голову из вороха шкур, обреченно прикрыл глаза и заснул.

Коинн застал Майю спящим, забившимся в угол под ворохом притащенных им шкур. Под глазами пленника залегли глубокие черные тени, губы были иссушены и искусаны, некогда гладкие волосы растрепаны и тусклы. Был почти полдень, и Коинну следовало уйти довольно скоро, чтобы не вызывать среди соплеменников подозрений. Он бросил на камень кожаный бурдюк с водой, с маленьким кульком в руках присел рядом с юношей и осмотрел его связанные руки. «Так и знал, что он попытается ее снять...» - почти равнодушно отменил воин, рассматривая влажно блестящую корку на ребрах ладоней, вперемешку с надутыми волдырями от ожогов и липкой желтоватой жидкостью, вытекающей из них.

Первым делом Коинн развязал своего пленника – распутал все веревки и помог полусознательному юноше разогнуться, затем занялся его ранами. Майя был очень слаб и

нуждался в отдыхе, но боль во всем теле, всю ночь находившемся в одном положении, была слишком сильна: пока воин перевязывал тонкие руки, мальчик глухо стонал и пытался шевелить конечностями. Через некоторое время он попросил пить.

На этот раз Коинн позволил пить юноше из горлышка бурдюка, понимая, что тот вряд ли сможет подняться сам и тянуться к его губам за скудными глотками. Мая пил медленно, жадно, набирая в рот воду и затем резко глотая ее, иногда захлебываясь – но снова подставлял раскрытый рот.

Когда с перевязкой было покончено, Коинн обмыл юношу остатками воды. Засохшую кровь он сначала отскребал от кожи ногтями, и лишь потом проводил влажной тряпичкой. Мая был неподвижен и тих, взгляд его плавал, словно он никак не мог им за что-то уцепиться и то и дело проваливался в сон, и в тот же миг снова просыпался. Воин положил его голову себе на колени, быстро, чтобы не причинять еще больше боли, смазал разодранный проход травяной мазью (Мая отозвался беспомощным хриплым вскриком), а затем принялся расчесывать спутанные волосы своего любовника гребешком. Это доставляло ему особенное удовольствие, и он увлекся на какое-то время, а потом просто сидел, поглаживая неподвижного и мерно дышащего Маю по лицу и волосам.

Все должно было быть не так. С самого начала он этого не планировал, не планировал вот так вот насиловать, измываться, уничтожать его, он хотел забрать Маю по-хорошему, с его добровольного согласия... но теперь у него не было иного выхода. Теперь это был единственный способ, которым Коинн мог добиться своего. Он хотел Маю, хотел его тело и его душу, и был готов ранить их, лишь бы в итоге заполучить. Этой ночью он просил прощения у светловолосого мальчишки и молился всем богам, чтобы поняли и простили его. Он просил прощения у самого себя и оправдывался перед собой, оправдывал свои жестокие действия... Но у него не было выбора. Он не мог ничего сделать. Не мог иначе поступить.

В мешке, что Коинн принес с собой, было немного простой еды, и он попытался покормить своего узника. Но Мая отказывался от еды, закрывал свои невидящие глаза и отворачивался. Вместо чувства вины в воине разрасталась злость и раздражение. В конце концов, он отшвырнул плошку с молочной кашей и скинул Маю со своих колен.

- Ешь! – разгневанно приказал он, - Или же ты хочешь умереть?!

- Это уже не кажется мне таким страшным... - сипло ответил ему пленник, не двигаясь и оставаясь в той же позе, в которой оказался на холодных камнях.

- Даже не думай об этом, - холодно прервал его Коинн, - если ты захочешь умереть – я позабочусь о том, чтобы твоя смерть была долгой и мучительной.

Мая ничего не ответил, устало прикрыв глаза. Его клонило в сон, от привкуса каши во рту подташнивало, кружилась голова, хоть он и лежал сейчас. Коинн долго молчал, глядя на его распластанное тело. Затем он подошел к нему, встал над ним на колени и раздвинул ноги мальчика. Мая испуганно вздрогнул, сердце, до этого бившееся лениво, застало в груди, грозя вот-вот вырваться наружу. Он дернулся под Коинном,

чувствуя, что старший воин устраивается на нем так же, как это было в прошлые разы...

- Нет, Коин! – хрипло воскликнул юноша, отталкивая его руками, - Не надо! Пощади!

Грубые руки сжались на его ягодицах, больно впиваясь и оставляя ноющие следы.

- Ты не хочешь, чтобы я делал это? – вкрадчиво поинтересовался воин, нависая над ним, - Не хочешь, чтобы я входил в тебя?

- Нет... нет...

- Тогда скажи это. Скажи то, что я хочу услышать. Скажи, что ты пойдешь со мной. Поклянись.

- Нет... - тихо выдохнул юноша.

Коин яростно взревел, схватил мальчика за плечи и встряхнул, перевернул к себе лицом. Наклонившись к его губам, он не хуже той змеи прошипел:

- Ты пожалеешь об этом, тебе лучше согласиться, и чем быстрее – тем лучше, потому что долго ты так не протянешь, да и у меня терпение на исходе.

Когда Коин говорил, их губы соприкасались, лицо Маи обдавало жаром его дыхания, но он не смел отвернуться. Он боялся разозлить воина еще больше – хотя куда уж больше, если от гнева даже зрачки дрожат. Мая даже мысли не допускал о том, чтобы поддаться его давлению, он не позволит себя сломать!

Но следом Коин начал делать то, от чего по спине у юноши побежали мурашки омерзения. Коин принялся целовать его, жадно, прикусывая губы и язык, терзая его рот грубыми толчками и болезненными всасываниями. Мая не решался его оттолкнуть, в душе его теплилась надежда, что этим все и обойдется... он же видел, в каком юноша состоянии, он не станет снова...

Но поцелуя воину было недостаточно.

Его руки, до синяков сжимающие плечи мальчика, опустились на его тяжело вздымающуюся от страха и волнения грудь. Пальцы сжались на нежной коже сосков, выкручивая, ненасытно скользили по торсу, словно искали что-то на теле Маи. Губы следовали за грубыми, с зароговевшими мозолями пальцами, зубы царапали и оставляли кровоточащие следы укусов. Мая испугался еще больше, когда понял, что Коин сцепляет на нем свои зубы не на шутку, испугался, что Коин в прямом смысле слова его загрызет, разрывая плоть и наслаждаясь его кровью... Руки воина снова теребили Маю в паху, но мальчик не чувствовал ничего, кроме болезненного отвращения. Восставший орган Коина виднелся через набедренную повязку, и вид его, огромного, торчащего под тканью, стал последней каплей для юноши, когда Коин прижался к его ягодицам бедрами.

- Сжался! – взмолился Мая, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. А ему

казалось, что он выплакал все еще вчера. – Сжался, Коин, я этого не вынесу... Ты убьешь меня!

- Разве это не то, чего ты так хочешь? Что, страшно умирать? – Коин схватил юношу за бедра и упал на него, вдавливая в неровный каменный пол своим весом. – Что лучше, быть затраханым до смерти или просто быть со мной? Я тоже не хочу делать этого так, насильно, я хочу заниматься с тобой любовью, чтобы ты тоже обнимал меня...

- Этого никогда не будет, - прошептал Мая, - никогда, никогда, никогда...

- Тогда мне придется показать тебе, насколько ужасней альтернатива, выбранная тобой.

Мая в отчаянье закричал, срывая голос и толкая Коина руками в грудь. В голове его помутнело – он не мог представить себе, что сейчас ему снова предстоит испытать это, и в этот раз будет гораздо больней, потому что его раны внутри его тела еще не зажили... Он заметался, пытаясь вырваться из крепкой хватки Коина – хватки умелого воина и опытного охотника, и бился об пол, не замечая никакой боли, кроме той, что фантомом раздавалась меж его бедер. От метаний раны снова открылись, и потекла кровь. Коин долго смотрел на него, отчаянно трепыхающегося и пытающегося убежать, потом ударил по лицу и привалился к стене, затаскивая сопротивляющегося юношу на себя.

- Не брыкайся, - холодно велел он, - сегодня мы попробуем кое-что новое... Тебе придется много тренироваться, но я буду терпелив.

Коин просунул пальцы под щеки мальчика, надавливая на зубы, словно пытался раскрыть пасть дикой собаке, и заставил его посмотреть на себя.

- Не вздумай кусаться, если ты попытаешься сделать мне больно – я вырву все твои зубы. От этого ты не умрешь, но никогда уже не сможешь говорить.

Мая смотрел на него растерянно, не понимая, о чем идет речь и чего от него хотят. Только когда Коин ткнул его лицом в оттопыренную набедренную повязку, он понял, что именно он должен сделать. Коин озвучил его догадку:

- Ласкай меня языком. Возьми его в рот. Тебе придется научиться.

Мая в нерешительности смотрел на бугор, обтянутый тканью. Он даже не мог себе вообразить, что что-нибудь подобное можно делать ртом, что «его» можно сосать и облизывать... Это было отвратительно. Член Коина, которым он терзал его, член, который бывал в телах других девушек, член человека, которого он ненавидел... Коин не выдержал и сорвал с себя тряпицу, качнувшийся орган ударил Маю по лицу горячей влажной головкой. Мая в ужасе отпрянул.

- Нет, я не буду...

- Ты будешь. Иначе я изувечу тебя. – Коин притянул его за волосы обратно, другой рукой ткнул прямо в губы мальчику своим органом. – Будь хорошим и послушным, высунь язык и лизни его. Давай же! У тебя нет выбора, делай это! – волосы больно дернули, и с

секундной запинкой Мая все же разомкнул зубы и высунул кончик языка.

- Вот так, - похвалил его Коинн внезапно севшим голосом, - давай...

На вкус он был... горячим и чуть солоноватым. Крайняя плоть скрылась, оголяя багровый от прилившей крови конец, на котором тускло поблескивало несколько влажных мутных капелек. Дрожа от волнения. Мая провел языком. Потом еще и еще раз, пока пальцы воина не начали поглаживать его по голове, чуть надавливая на затылок. Коинн взял ладонь юноши и положил ее на ствол, показывая плавные размеренные движения, чуть сильнее сжимая у основания головки. Мая покорно повторял за ним, понимая, что сопротивление приведет к агрессии со стороны Коинна и насилию, и лизал, зажмурив глаза.

Рваное хриплое дыхание воина свидетельствовало о том, что он делает «это» достаточно хорошо. Мая надеялся, что этого хватит, что он сможет отделаться вот так, смирившись и лаская чужой член рукой и языком, но Коинн надавил на его голову, заставляя принять часть органа в рот.

- Обтяни зубы губами... - слышалось сверху. На мгновение в мыслях Май метнулась идея – а что, если стиснуть зубы, что, если попробовать откусить... Тогда Коинн никогда больше не сможет насиловать его. Но что он сделает с Маей за это... юноша представил себя без единого зуба, с уродливыми шрамами и осколками под губами. Коинну этого будет мало. Скорее всего, он сделает с Маей то же самое... он будет мстить, будет буйствовать, будет истязать и мучить его...

Мая неумело втянул в себя губы и вобрал в рот член Коинна. Это всего лишь небольшая жертва, он вполне может смириться с этим. По крайней мере, он не страдает и не кричит от боли, по крайней мере, он цел.

Коинн сдавливал его голову, натягивая на себя, и Мая давился, когда его член тыкался в горло и пытался проникнуть еще глубже. Его рот и губы быстро устали, Коинн несколько раз злобно рявкнул «зубы, щенок!» и он снова прикрывал их онемевшими губами, и рукой, которую уже сводило, двигал по толстому пульсирующему стволу.

Коинн толкнулся глубоко, накрыв рукой ладонь мальчика, и ускорил темп. Он кончил с глухим звериным рыком, стискивая спутанные его же пальцами волосы. Мая подавился его семенем, чувствуя, как оно стекает в желудок и вытекает изо рта, и как только Коинн отпустил его, он отшатнулся, сплевывая и отхаркиваясь – горячая горечь грозила остаться с ним навсегда. Белая жидкость капала на пол вперемешку со слюной, и еще примерно столько же сейчас покоилось внутри самого Май. Если бы он мог вызвать рвоту, то сделал бы это, но даже пальцы, засунутые глубоко в горло, не помогли ему.

Коинн схватил его за руку и повалил на себя, вынуждая улечься на его могучей груди. Его сердце билось оглушительно и быстро, словно после долгого бега. Мая молчал и не двигался, мечтая лишь о том, чтобы старший воин оставил его в покое, большего унижения он не испытывал даже тогда, когда Коинн брал его в этой пещере, заламывая за спину руки и насильно врываясь в него. Тогда он хотя бы сопротивлялся, а сейчас... Руки врага бесцельно скользили по его телу, ласкали лицо и приглаживали волосы, как

будто Коинн вовсе не ненавидел его и Мая был домашним котом, который сам ластится и мурлычет. Но Мая был далек от того, чтобы мурлыкать, сейчас он бы счастлив перегрызть Коинну глотку.

Старший воин снова притянул плошку с давно остывшей кашей, и на этот раз Мая покорно ел с его рук. Ему снова пришлось ловить скудные глотки воды из губ Коинна, потом ему позволили съесть фрукт и в тени пещеры оставили небольшой кусок вяленого мяса.

Вскоре Коинн снова уложил его на землю и принялся связывать. Мае предстояло провести еще одну ночь подобную той, что он перенес сегодня. От мыслей о непроницаемой мертвой мгле, в которой чудились уродливые создания с окровавленными клыками, сердце юноши снова тревожно забилось.

- Оставь мне хотя бы огня... или оружие... - отчаянно молил Мая, заглядывая своему бессердечному учителю в глаза. – Я сойду с ума, я не выживу...

- Чтобы ты сбежал, перерезав веревки? Или чтобы ты убил себя? Нет.

Коинн поднялся на ноги, оценивая свой труд. Мая снова был связан по рукам и ногам и не мог разогнуться: кажется, веревка, стягивающая его запястья и щиколотки, была еще более коротка. Солнце все еще стояло высоко, впереди у Маи было еще полдня и целая ночь, чтобы маяться от безделья и тоски и кататься и ползать по полу, раздумывая, как бы сбежать.

- Я не могу проводить с тобой много времени, я должен вернуться. – Пояснил Коинн, когда увидел обреченный взгляд своего пленника в голубеющее снаружи небо. Он давил в себе чувства жалости и вины, неподобающие охотнику. – Тебе придется меня дожидаться.

«Как будто твое общество радует меня...» - мысленно ответил ему юноша, закрывая глаза. В пещере воцарилось молчание, Мая телом чувствовал на себе взгляд своего врага. Он боялся признаться в этом самому себе, но он не хотел, чтобы Коинн покинул его. С ним было лучше, чем одному в тишине, в изоляции от любых звуков, в замкнутом пространстве, своды которого давили на него. Если бы Коинн просто остался и ничего не делал ему, если бы они могли просто говорить или слышать дыхание друг друга, ему было бы гораздо легче. А до тех пор, предвкушая долгое время без сна и без дела, в страхе и одиночестве, Мая захлебывался безысходностью и собственным бессилием.

- Я хочу, чтобы ты знал, - заговорил Коинн, глядя на него сверху вниз, - что если ты пойдешь со мной – я не причиню тебе зла. Я хочу не раба или игрушку в свою постель, у меня их достаточно, я хочу друга и спутника для охоты и для долгих мирных вечеров у костра.

Мая сначала опешил, не веря своим ушам, потом чуть не засмеялся, услышав такую нелепицу, а затем разозлился на то, что его в очередной раз пытаются обдурить.

- И после всего этого ты хочешь, чтобы я стал твоим другом? – с горькой усмешкой

спросил Мая, не открывая глаз.

- Я хотя бы попытаюсь сделать это.

- Связывая и насилуя меня?

- У меня нет другого выхода. Ты должен понять это.

- Я тебе ничего не должен. Разве что отомстить.

Коин молчал в ответ, Мая по-прежнему чувствовал его пристальный взгляд, но что это за взгляд – полный ненависти ли, или желания, - он сказать не мог. Наконец, Коин развернулся, и послышались его тихие, удаляющиеся шаги.

Мая снова остался в звенящем, оглушающем одиночестве. Он открыл глаза, чтобы видеть серые стены пещеры, и наслаждался этим малым, потому что в скором времени, с наступлением ночи, он не сможет видеть ничего. И ничего, кроме биения собственного сердца, не сможет слышать. Всю долгую-долгую ночь, до самого утра, в компании терзающих его страхов и изматывающих мыслей о безысходности своего положения. Его жизнь зависела от Коина, а Коину однажды наскучит играть. Он найдет себе новые увлечения и... Мая готовился к тому, что однажды Коин не придет.

Тогда это станет его кончиной. От голода и жажды, если Коин не сжалится и не убьет его прежде, чем навсегда уйти.

Глава 12.

- ...*воин могучий следует зову крови,*- упало в душную тишину и полумрак хриплым голосом.

Услышав, что шаман наконец-то заговорил, Имма выпрямился, поднимая на седого старика внимательный, пытливый взгляд. Спина его от долгого сидения в одной позе, скрестив ноги, затекла, во рту пересохло и першило от резкого запаха тлеющих трав, что стоял в маленькой, прокуренной едким белесым дымом хижине. Шаман не ел и не спал три дня и три ночи, не ел и не спал все это время и вождь, не смея надолго покидать стоящее на отшибе жилище отшельника.

И вот, на третью ночь непрерывного колдовства, старик заговорил.

Голос его был сухой и глухой, бесцветный, словно принадлежал мертвецу. Взгляд рассеянный, а лицо осунувшееся, с густой и длинной седой бородой, на конце заплетенной в слабую косу. На шее у старика висела целая кипа бус и амулетов, деревянные и костяные украшения шелестели и постукивали каждый раз, когда шаман двигался и наклонялся вперед, и в маленьком накуренном жилище, где из-за дыма нельзя было разобрать ни стен, ни потолка, это шуршание казалось шепотом давно ушедших из этого мира предков.

- ... *но путь под его ногами – путь крови, неверная под его ступнями дорога.*

Вождь не понимал, о каком воине толкует шаман. Прозрения его всегда были спонтанными и туманными, образными и красочными, и часто казалось, что речь идет о разных, совершенно не связанных между собою вещах. Словно в насмешку над живыми, духи говорили через отшельника загадками, и невозможно было получить понятный, прямой ответ на заданный кем-то вопрос.

- Мая, - почти неслышно прошептал вождь, боясь голосом своим прервать общение безымянного с духами и предками. - Что ты видишь о Мае?

Шаман долго молчал, невидящим взглядом затянутых молочной поволокой глаз уставившись на разбросанные перед гаснущим очагом кости. Имма боялся, что его не услышали, но еще больше боялся повторить вопрос и отвлечь старика. Тогда он не получит никаких подсказок. Хоть и те, что он получил сейчас, не имели для него абсолютно никакого значения – но о толковании этих слов еще будет время поразмышлять.

- *Твоего сына нет с предками, вождь, - вдруг проронил шаман, и глаза его задвигались, словно он видел перед собой видения, - но его окружают тьма и страх.*

Имма то ли облегченно, то ли встревожено выдохнул, на мгновение опуская от ожившего лица шамана глаза. Мая жив. Он обрадовался, конечно, обрадовался! Но затем испугался – за те пять дней... неизвестно, что с ним случилось. Может быть, лучше бы Мая уже встретил свою смерть.

- Где он? Ты можешь найти его?

- *Тьма и страх, - бормотал шаман, двигая глазами из стороны в сторону, - тьма и страх, одиночество, он зовет тебя, вождь, но вождь не услышит, никто не услышит, никто не поможет, сражайся сам, мальчик, никто не поможет, никто не... - старик замер, застыл, будто и задержав дыхание, и заговорил еще тише, больше не шевелясь. Двигались только его тонкие, бледные старческие губы. - Мара услышит. Смерть идет. По протоптанной воином дорожке, идет-бредет, смеется, придет на его зов...*

- Где он? – повысив голос, выпалил Имма.

- *Много крови, никто не видит, духи боятся. Никто не видит, никто не ходит, все боятся, он одинок, даже его предки покинули его. Сердце его сжигает ненависть, душу – страх, а тело истязается голодом и болью, страшно, страшно, никто не ходит, все боятся, захватит его разум тьма, зло поселится в его сердце и будет оно отравлено, излечить отравленное сердце тяжело, очень тяжело, вера покидает его, все покинули его, даже родной отец не слышит, хоть и проливается его кровь...*

Имма раздражался и злился, ерзал на месте, но ждал, когда снова можно будет задать наводящий вопрос. Все эти слова только пугали и заставляли его торопиться, но пользы от них не было никакой. Все, что он узнал – что на этот момент Мая еще был жив.

Да что же он, это ведь уже много!

Где же ты, мальчик, Мая где ты? В какую попал беду?

У выхода из хижины его ждала Мать, усталая и закутанная в старую лисью шкуру.

- Мая жив, - оповестил ее вождь, прислоняя к низкому проему плетеную заслонку и выпрямляясь. Мать кивнула в ответ, отвернувшись, глядя в темноту ночи. Скрытые в ее темноте, в густой листве деревьев заливались короткими, несмелыми трелями первые птицы.

- Да, я слышала. Светает скоро, иди поспи. Я велю людям отправиться на поиски с рассветом.

Имма хотел возразить, но в этот момент почувствовал новый прилив усталости и даже покачнулся на ослабевших ногах. В последнее время он почти не ел, да и спал плохо... в таком состоянии от него не будет никакого толку.

Вождь тоже кивнул в ответ, хоть женщина и не могла его видеть, и молча, бесшумно и уверенно ступая в темноте, побрел в сторону своей хижины.

Вода была холодной, поэтому за время купания ноги и руки заledenели. Приближалась

осень, и усилившийся ветер, соревнуясь с все еще жарким солнцем, охлаждал влажную светлую кожу, прозрачные капли высыхали быстро. У лесного озера не было никого, только он один сидел на траве, скрестив ноги, и отжимал перекинутые через плечо волосы. Обнаженный, немного уставший, улыбающийся самому себе.

Солнце слепило. И сгущались тени деревьев вокруг, замерцала тревожно водная гладь, и в момент, когда с волос сорвалась последняя капля, на холодное плечо легла чужая горячая рука.

Он вздрогнул. Спина напряженно выпрямилась, дрогнули пальцы, сжимающие упругую прядь волос. Голос был ему знаком, но незнакомы были липкие, угрожающие интонации...

- Имма, пришло наше время скрепить союз.

Другая горячая ладонь властно хватает за шею, перекрывая воздух, он задыхается и под весом чужого тела падает лицом на траву.

И тут же открывает глаза, жадно захватывая ртом воздух. В хижине темно. А сквозь тонкие щели пробивается тусклый свет – сегодня небо снова затянуло белым дымом, но солнце, скрытое за ним, уже поднялось над горизонтом.

Вождь, вовсе не чувствуя себя отдохнувшим, выбрался из своего жилища и встал у входа, гоня от себя сон. В деревне было непривычно тихо, случившееся в семье вождя несчастье отложило отпечаток на все племя. Имма устало провел рукой по волосам и направился вверх по склону, к огромному кострищу, у которого дожидались его вернувшиеся из поиска воины.

Те только покачали головами, встретив вопросительный взгляд своего предводителя. Имма тоже ничего не сказал, присел на бревно, взял из рук подросшей девчушки глиняную чашку со свежим, парным молоком.

Сегодня был шестой день, как пропал сын вождя, Мая. Шесть дней и ночей не находил себе вождь покоя – пропал его единственный наследник, единственный и любимый сын, и не было ни единой подсказки, указавшей бы на его судьбу. Сам он постарел за эти дни на несколько лет, Мать тоже спала с лица, дочери не переставая плакали...

Но от Майи не осталось ни следа. Ничего не осталось после него, что могло бы подсказать, куда он делся. Только найденное в лесу копье, глубоко и косо воткнутое в землю, намекало, что Мая охотился на дикого зверя, и что зверь мог утащить его далеко и там, в своем логове, задрать, но Имма не верил, что быстрый как ветер и юркий как заяц Мая не смог убежать от хищника, когда деревня была так близко. Ведь стоило только крикнуть, позвать...

Но Мая не крикнул. Не позвал на помощь. И не мог он заблудиться, не мог сам уйти...

- Имма! Имма!

Вождь обеспокоенно поднял взгляд и увидел спешащую к нему Мать.

- Имма. – Женщина остановилась напротив и торопливо заговорила, все еще задыхаясь после бега. - Случилась еще беда... Соринка пропала. Ушла с утра в лес, да с тех пор так и не вернулась, сестры ее думают, что она пошла Маю искать.

Вождь недовольно нахмурился, прикусил губу. Только этой вертихвостки ему не хватало... нашлась дуреха. Думает, если за шесть дней его не нашли лучшие следопыты, то ей повезет больше?

Имма раздраженно кивнул, показывая, что услышал, затем поднялся и приказал поискать непутевую в окрестностях.

Коинн нашел себе новое удовольствие: расчесывать длинные шелковистые светлые волосы костяным гребешком. Мая послушно сидел, невидящим взглядом уставившись на яркий, залитый солнцем выход из пещеры. Ему было все равно, что делает Коинн – все, что угодно, только бы не истязал опять его тело и не причинял эту невыносимую боль.

Время в его отсутствие тянулось невероятно медленно. Каждая ночь, каждый час до заката или после рассвета – Мая ждал, когда он придет, скрасит его одиночество, заговорит с ним, развяжет натирающие веревки, и ненавидел себя за то, что оказался таким слабым и таким жалким. Отвращение к самому себе порою пересиливало ненависть к Коинну. А страх оставаться одному заставлял радоваться, когда после длинной, бессонной, разрывающей сердце ночи Коинн приходил к нему и говорил ласковым голосом, гладил по волосам, давал вдоволь напиться... Мая засыпал, положив голову ему на колени, и спал спокойным, глубоким сном. Но потом, когда просыпался, Коинн все же брал у него свое.

Мая больше не сопротивлялся, закусывая собственную ладонь, когда воин врвался в него слишком грубо, и отворачивался, когда тот тянулся к его губам. Поцелуи все же приходилось терпеть, потому что Коинн не терпел неподчинения, и Мая обзавелся парой синяков на скулах – Коинн не бил его, но сдавливал челюсть пальцами так сильно, что на мягкой светлой коже оставались бордовые и зеленоватые следы.

Сейчас, невероятно уставший, с острой режущей болью в заднем проходе, Мая пялился на выход из пещеры и не думал ни о чем. В голове его уже не осталось мыслей. Он был похож на живую, почти безвольную куклу – некогда свободный человек, потерявший надежду, - а Коинн походил на ребенка, играющего с ним. Как любимую куклу, плетеную из сухой травы, что была у каждого ребенка, он наряжал Маю бусами и браслетами, черной краской из смеси растертого угля и смолы, рисовал на его коже узоры. Через день приносил в большом кожаном мешке воду и омывал его, и расчесывал собственным резным гребешком волосы.

- Красивый мальчик, - довольно приговаривал воин, тонкой шкуркой перевязывая конец свободной косы. Провел руками по исхудавшим плечам, притянул к себе, ладонью

проводя по плоской, чуть теплой груди. – Пойдем со мной, Мая. Пойдем. Я буду заботиться о тебе как следует, ты совсем исхудал тут... Ты будешь носить самые красивые и самые теплые шкуры, есть самую лучшую еду, спать со мной, не боясь темноты и холода. Я согрею и защищу тебя... Я буду любить тебя больше, чем всех моих жен. Если захочешь – я могу их всех выгнать, все равно ни одна еще не родила мне детей. Мы будем только вдвоем, никто нам не помешает... И я как следует позабочусь о тебе.

Рука осторожно скользнула к обнаженному паху и ласково легла на расслабленный член. Мая раздраженно качнул ногой.

Нет, он не хотел, чтобы о нем «так» заботились.

...Воспоминания о прошлом пришли к нему во сне неспроста. Три года дружбы, три года они проводили вместе каждый день, три года понадобилось их отцам, чтобы сплотить племена и заключить союз, и только одно предательство, которое разрушило... не все. Но какие либо отношения между сыновьями вождей были кончены. А вслед за кончившейся дружбой юношей поблекла и дружба между племенами.

А теперь история повторялась. Мая и... Коин, они тоже попали в это болото. Словно проклятье богов преследовала этих мужчин похоть, словно впад в немилость у духов, становились светловолосые и бледнокожие юноши объектами и жертвами их вожделения. И если Лабарт смог принять поражение и остановиться, то Коин, несдержанный и жадный, упертый мальчишка, после всего случившегося мог продолжать настаивать на своем.

Да, воспоминания пришли к нему неспроста. Неспроста заговорил шаман о могучем воине, что идет неправильной дорогой по зову крови – по тому же зову, которому следовал когда-то его отец. Неспроста до сих пор чувствовал Имма липкий холодок между лопаток. Он наконец-то понял, куда мог подеваться его сын, и готов был убить себя за то, что не подумал об этом раньше.

- Савана! – вскричал вождь племени Растущих Семян, хватаясь за копье, - Трес! Соберите воинов. Пора навестить наших старых друзей.

Глава 13.

Лабарт стоял на самой окраине деревни, с нетерпением и любопытством вглядываясь в убегающую в лес тропу. Голые ступни приятно холодила трава, за спиной его с тем же легким молчаливым удивлением и подозрением переминались с ноги на ногу его лучшие войны. Всего пятеро, чтобы не выглядеть враждебно, когда покажутся гости. И ждали не на подходе, не у кромки леса, а в самой деревне, показывая гостеприимство и дружелюбный настрой.

Когда короткое время назад ему сообщили, что к селению направляется вождь соседнего племени, прихватив с собой десяток самых опытных охотников и бойцов, Лабарт просто не поверил своим ушам. Но, справившись с растерянностью и удивлением, все же поспешил нежданных гостей встречать.

Он и не чаял, что Имма еще когда-нибудь сам явится в его деревню. Не предупреждая, просто так, как было раньше... Но «как раньше» закончилось двадцать зим тому назад и уже никогда не вернется, а значит, у Иммы должна была быть достаточно веская причина, чтобы внезапно явиться в дом кровного врага самому. Лабарта сжигало любопытство, а в мерно поднимающейся и опускающейся груди боролись друг с другом позабытые уже будоражащие радость и тревога. Что понадобилось Имме? Почему он идет сам, а не прислал посыльного, как делал это все то время, что был вождем? Мудрое и чуткое сердце подсказывало Лабарту – что-то случилось.

Опасения его подтвердились, когда люди племени Растущих Семян показались на тропинке. Едва завидев хмурого, словно постаревшего вождя, Лабарт понял – случилось ужасное. И понял, что он совсем не хочет знать – что.

Имма шел к деревне стремительным, легким шагом умелого охотника, прожигая застывшего впереди мужчину угрожающим и полным ненависти взглядом. Встретив его, Лабарт вздрогнул всем телом и ощутил, как разбегается по телу холодок. Воспоминания о прошлом нахлынули, как летний ливень – раньше он уже видел этот взгляд, сам был ему причиной, тем, кому предназначалась эта ненависть, полученная в ответ вместо желаемой любви. Сейчас Имма снова ненавидел его, всей душой и всем сердцем, но Лабарт знал, что он не сделал ничего, чтобы так разгневать этого спокойного, мудрого человека.

Вождь племени Растущих Семян остановился в нескольких шагах от главы селения, сохраняя предписанное традициями почтительное расстояние между ними. Значит, Имма еще в состоянии держать себя в руках. Значит, есть шанс уладить дело простым разговором... что бы там ни было, это не должно развязать между племенами вражду.

- Приветствую тебя, Имма, сын Трерона, вождь славного племени Растущих Семян. – Лабарт поприветствовал церемониально, открытой ладонью прикасаясь к груди и коротко склоняя голову, словно пытался напомнить своему давнему другу, что они не враги. - Что привело тебя в наш дом?

- Где он? – терпение Иммы очевидно было на исходе, и долго играть в почтительность он не намеревался. Приличия были соблюдены лишь для виду.

- Кто?

- Мой сын. – Выплюнул Имма, - Не притворяйся, что ничего не знаешь, Лабарт! Яблоко от яблони недалеко падает? Коин хитростью выкрал его!

«Коин!» - бледнея, ужаснулся Лабарт. Только не это! – «Идиот, умалишенный... значит, Имма знает о том, что отдал Мая в тот раз в обмен на защиту? Поэтому на празднике с такой яростью смотрел мне в глаза... Коин, глупый мальчишка, неужели ты...»

- Мая пропал шесть дней назад, посреди бела дня, исчез прямо с дежурства... - подтвердил его опасения мужчина. - Его нет в Долине, мои люди обыскали каждую нору. Осталось только одно место, где он может быть! Верни мне моего сына, Лабарт, иначе мне придется начать войну!

- Погоди, Имма, - вождь племени Глубоких Озер поднял ладонь, останавливая гневную тираду старого друга, - ты говоришь, что твой сын пропал. Но я могу уверить тебя – его нет в моей деревне. Обыщи все, войди в каждый дом, никто не остановит тебя. Спроси у каждого, и у ребенка, и у старика: никто из них не видел здесь твоего сына.

Воины, стоящие за спиной Лабарта, согласно закивали и расслабленно опустили оружие, показывая, что не будут препятствовать чужаку, если тот действительно захочет войти в деревню и обыскать каждую лачугу.

Имма видел по их глазам, что Лабарт не врет. Маи действительно здесь не было. Отчаяние накатило штормовой волной, перед глазами вождя потемнело. Неужели он ошибся? Нет, не может быть, ведь все же сходится... условия, которые выдвинул Коин за сделку, временное затишье, а теперь исчезновение Маи. Все очевидно! Даже если его сына не было в этой деревне, Коин мог спрятать мальчика где-то еще. Где-то, куда ищейки Иммы не смогли добраться.

- Где твой сын? Где Коин? Я хочу видеть его. – С нетерпением в голосе проговорил светлокожий вождь.

- Коина сейчас нет в деревне. – Спокойно ответил Лабарт, а затем медленно подошел к воину и взглянул прямо ему в глаза.

Теперь, когда им обоим уже минуло за тридцать зим, разница в их телосложении стала почти незаметной. Имма вытянулся с тех пор, как был зеленым жизнерадостным мальчишкой, вечная добрая улыбка сошла с его красивого лица – сошла исключительно стараниями Лабарта. Они были практически одного роста, но Лабарт все же шире в плечах, тяжелее, мышц на его теле, как и шрамов, было больше. Как давно это было! Смех до полуночи, ругань отца, разговоры о женщинах, сон на одной подстилке, под одними шкурами... прикосновения невзначай, трепет всего тела, когда он, уставший за день, так доверчиво засыпал рядом... а потом тетива в его груди лопнула, было предательство, боль, удовольствие, слезы и ненависть... сколько было ненависти! Настоящей, черной, из глубины сердца.

Лабарт не мог позволить их сыновьям испытать все это. Или им самим пройти через это еще раз.

– Когда он вернется, я сам поговорю с ним. Я вовсе не хочу вражды между нами, и я не хочу, чтобы твой сын пострадал, поэтому сделаю все, что в моих силах.

- Это в твоих интересах, Лабарт, - Имма дернулся вперед и схватил воина за грудки, подтягивая к себе. – Сделай, если в тебе осталась хоть капля чего-то человеческого... иначе, если твой сын сделает с Маей хоть что-то, я не пощажу никого. Никого! Ты слышишь, Лабарт?!

- Я слышу тебя, Имма, - спокойно отозвался вождь. Пальцы мужчины разжались, отпуская его легкую накидку, Имма отступил назад, отвернулся и пошел прочь.

«Не забыл», - понял Лабарт.

«Ничего не забыл. Помнит. Все так же боится. Теперь и за сына своего... Мая, бедный мальчик! Коин, неужели ты действительно лишился ума?!»

Зато сразу стало ясно, где в последнее время пропадает этот недоносок: уходит утром, возвращается вечером со скудной добычей. Он не охотился целый день напролет, иначе бы брал с собой кого-нибудь и возвращался бы с горой упитанных туш за плечами – Коин был знатным и удачливым охотником.

Он проводил это время с Маей.

Теперь Лабарт был уверен, что Имма прав – это Коин утащил со стражи мальчика и теперь прячет где-то, и развлекается с ним... куда он мог его подевать, если даже следопыты Иммы не смогли найти ни одной зацепки?

Но сейчас Лабарт не мог ничего сделать, стоило дождаться возвращения Коина. Никто, ни единая душа во всей деревне не знала, куда он пошел.

Вождь отпустил воинов и вернулся к своей хижине. По пути он прошел мимо женщин, в деревянном корыте промывающих подаренное Иммой зерно, и взглядом зацепился за новую, вторую жену своего младшего сына. Он знал, откуда эта женщина пришла – из племени Иммы. Даже помнил ее имя – Соринка, и слышал как-то, что сын Иммы и девушка по имени Сорина очень близки.

Ее появление здесь не было случайностью. Когда она явилась перед ним в первый раз, Лабарт несколько удивился – рановато его младшему сыну заводить себе вторую жену, а теперь, услышав о Мае, в его сознании все встало на свои места. Исчезновение Маи и побег этой дряни не были простым совпадением.

Лабарт остановился в шаге от расставленных мешков и корыт. Все женщины тотчас же опустили свои головы, бормоча приветствия, только Сорина задержала на нем свой взгляд, но тут же испуганно опустила глаза в землю.

Лабарт не помнил, когда еще смотрел на кого-то с таким отвращением. Большим, чем если бы смотрел на свежее вонючее дерьмо.

Коин вернулся в селение, когда уже начало темнеть. С одним забитым зайцем, недовольный, кусающий губы. Вождь дождался, пока сын бросит добычу у кострища и войдет в свою хижину, и только потом последовал за ним.

- Все вон, - тихо, но твердо приказал Лабарт, останавливаясь посреди жилища своего старшего сына. Руки его были сложены на груди, лицо необычайно сурово, поэтому обе жены в то же мгновение вымелись из дома и ушли подальше, почувствовав, что мужчины сейчас будут ругаться.

- Чего тебе? – невежливо бросил Коин, сбрасывая с плеч шкуру. – Я устал. У меня нет настроения...

- Где ты был? – прямо спросил отец. Коину хватило одного короткого взгляда, чтобы понять – вождь знает, где, но признаваться ни в чем молодой воин не собирался.

- На охоте. Бродил в окрестностях. – Нагло соврал он, глядя отцу прямо в лицо.

- Весь день?

- Весь день. – Кивнул Коин. И тут же качнулся назад, не успев увернуться от тяжелого, меткого кулака вождя. Нос обожгло болью, по лицу потекла горячая кровь.

- Ты смеешь дерзить мне, не отводя взгляда?! – рыкнул Лабарт, наступая на сына. Коин инстинктивно отступил назад, вытирая лицо тыльной стороной ладони и чуть запрокидывая голову, чтобы придержать кровотечение. – Где мальчишка? Отвечай! Иначе я за себя не ручаюсь!

- Это не твоего ума дело...

- Имма приходил сюда, он все знает, все, что ты сделал! И он грозился развязать войну, если Мая не вернется целым и невредимым! Скажи, где Мая, отпусти его, пока не поздно!

- Нет. Уже поздно. Я никогда не отпущу его! Я не такой слабак, как ты!

- Не сходи с ума... сын. Я прошу тебя – не сходи с ума. Ты ничего не добьешься, удерживая его против его воли. Послушай меня, своего отца, однажды я уже пережил это: в самом лучшем случае вы оба будете несчастны...

- Я уже сказал, - зарычал Коин, - НЕТ, я не отступлю!

- Если ты не прекратишь это, ты мне не сын! Клянусь жизнью, Коин, я отрекнусь от тебя, я изгоню тебя из племени, и ты никогда не станешь вождем. И вместе с Иммой брошу людей на поиски мальчишки, а когда мы найдем его, я своими руками убью тебя!

- Моей кровью собираешься искупать собственную вину?

- За свои ошибки я уже поплатился, я не могу позволить этой семье и дальше страдать. Остановись сам, Коинн, пока не стало слишком поздно!

- Так для тебя Имма и его щенок дороже собственного сына?! – разозлился Коинн. – Так вот каково твое истинное лицо!

- Если ты не вернешь Имме сына, клянусь, я сам остановлю тебя! И это не пустые слова, Коинн! Мне тошно жить на этом свете зная, что я породил такое жадное и жестокое чудовище! Я должен был пресечь это сразу же, а не ждать, пока ты вконец обезумишь... теперь только смерть излечит тебя!

- Будь ты проклят!.. – Коинн не выдержал, зарычал в ответ, в этот раз наступая на своего родителя, а не пятясь от него назад. – Не стой у меня на пути, старик! Тебе не много осталось, если хочешь дожить свой век в покое – не лезь ко мне!

- Ты смеешь угрожать мне? – не поверил своим ушам вождь.

- Я смею говорить тебе это прямо – не суй свой нос в мои дела, иначе я отниму у тебя власть силой! – Коинн шагнул вперед, грубо отталкивая мужчину с прохода, и вышел наружу. Лабарт схватился рукой за деревянную перекладину, удерживающую соломенную крышу, и пустым взглядом посмотрел вслед сыну.

Угроз расправой с его стороны вождь не ожидал, слова сына ранили большее, чем отравленный клинок. Когда все так изменилось? Коинн и раньше перечил ему, но никогда раньше не проявлял к родителю такого неуважения, и уже тем более никогда прежде не угрожал ему. Лабарт где-то ошибся. Где-то непростительно ошибся, взрастив в своем сыне это чужое, никогда не видимое прежде чудовище. Кажется, его время как единственно авторитетного правителя и отца уже прошло.

Он собирался передать титул вождя сыну, и ни разу с тех пор, как Коинн появился на свет, Лабарт не сомневался в своем решении, но сейчас, когда момент смены власти был так близок, он впервые задумался о том, каким правителем станет Коинн.

Несдержанный, жадный, ослепленный своими собственными желаниями и едва ли задумывающийся о других... Коинн развяжет войну. Он к этому стремится – завоевать, поработить Маю, уничтожить все, что дорого мальчику. Он всегда растаптывал в грязи своих соперников, был лучшим во всем, но никогда не был подлым, никогда раньше его поступки не шокировали отца. Власть Лабарта угасает, он стареет с каждым годом, и люди с большей радостью пойдут за пышущим молодостью и силой Коином, нежели за ним.

Быть вождем означает принять на свои плечи огромную ответственность. И эта ответственность может как излечить, так и погубить Коина. Как и всех, кто пойдет за ним, или тех, кто встанет у него на пути.

Глава 14.

- Не попадешь. Правее бери.

Острый каменный наконечник сдвигается на волосок, светлые глаза сосредоточены на цели. Мальчик все еще дышит через приоткрытые влажные губы, не создавая лишнего шума, дыша через нос, у него пока не получается, и его губы дрожат, выдавая его волнение и напряжение. Звон отпущенной тетивы, свист рассекаемого стрелой воздуха – и молодой олень вскидывается, валится наземь.

- Попал! – Имма резво вскакивает, вырываясь из-под опеки старшего друга, перелетает через куст, сквозь ветви которого целился, и несется к своей добыче. Лабарт поднимается следом – не менее довольный, чем сам мальчишка, который впервые сам подстрелил животное. В этот раз Лабарт не держал его руки, не наводил на мясистый круп, не придерживал тонкие слабые пальцы на тетиве – Имма все сделал сам, он только сидел позади, на корточках, почти касаясь подбородком золотистого загорелого плеча, и смотрел.

Смотрел, как мальчишка опускается на колени рядом с тушкой оленя и вытаскивает из плоти стрелу, довольно сопя, представляя, как покажет свою добычу строгому, хладнокровному Трерону. Надеялся, мечтал о похвале, но Лабарт знал, что кроме короткого взгляда и равнодушного кивка от отца, и ехидных насмешек старших братьев Имма ничего не дождетсЯ. Поэтому, чуть помедлив, любуясь своим учеником, подошел сам, положил ладони на плечи, придавил друга к земле, ероша светлые волосы.

- Что, радуешься? Радуйся, радуйся! С первой добычей, олененок! Ушки-то к голове прижми, не зазнавайся!

- Отстань, слезь с меня, - беззлобно ворчал Имма, тщетно пытаясь спихнуть с себя Лабарта. Все-таки, пять лет разницы в возрасте – это не шутки, Лабарт уже вытянулся и разошелся в плечах, тело его покрылось волосами, а одиннадцатилетний Имма все так и бегал с тощими ногами и плоской грудью. Поросль на груди Лабарта и темная дорожка, ведущая от пупка к набедренной повязке, служили предметами дикой зависти Иммы, который похвастаться своими физическими данными пока не мог.

- Поможешь дотащить? – попросил мальчик, когда шутливая борьба закончилась, и они отвалились в разные стороны, чтобы отдышаться.

Лабарт с хитрой улыбкой покачал головой.

- Добыча твоя, - развел он руками.

- Но он тяжеленный!.. – возмущался Имма, хватаясь за веревку и изо всех сил, упираясь ногами в землю, натягивая ее на себя. Туша оленя чуть сдвинулась, но мальчик при этом раскраснелся так, что, казалось, вот-вот, и он лопнет, как надутые на болоте водяные пузыри.

Лабарт смеялся и качал головой, шел позади, с усмешкой на губах наблюдая, как

надрывается мальчик, но потом все же сжалился, взвалил оленя себе на плечи и под восторженным взглядом подопечного пошел вперед.

Они были знакомы не больше года, но дружба завязалась крепкая, надежная. Как-то отец Лабарта привел его в селение племени Растущих Семян, и велел подружиться с кем-нибудь из сыновей вождя, чтобы поддержать доверительные отношения между племенами. Трерон относился к союзу не слишком благосклонно, видя в соседях скорее угрозу, нежели друзей, но так же понимал, что случись какая невзгода – вместе будет легче пережить тяжелые времена. Вождь племени Глубоких Озер счел необходимым завести в семье неуступчивого Трерона своего преданного союзника.

И Лабарт пришел, осмотрелся. В семье вождя было четверо сыновей, он завел беседу с тремя, сразу сблизившись со своими ровесниками, весело проводил время, соревнуясь с каждым – где-то опережал соперника, где-то проигрывал, и четвертого, младшенького, заметил только через несколько дней. И тут же понял, что мальчонка все это время отирался рядом, не допущенный к занятиям старших братьев, но страстно желающий присоединиться к ним.

- А это кто? – спросил как бы между прочим Лабарт, пальцем тыкая за спину, в топчущегося у дерева мальчишку.

- Этот коротышка? Младший брат. – Ответили ему. Один из старших братьев развернулся, свистнул, как какому-то псу, подобрал с земли камень и замахнулся, - Иди отсюда! – гаркнул, отправляя камень в полет. – Ну, пошел!

Мальчонка юркнул за ствол дерева, присел – Лабарт видел, как торчали по разные стороны коленки, - и больше не показывался, но и не уходил.

- Приставучий, - говорили братья. – И глупый. Все время таскается за нами. Убежим?

И они побежали в лес, охотники гораздо более опытные, чем мальчик, чьего имени Лабарт не знал, с ногами длиннее и мускулистее, знающие все тропы и все ловушки на пути. Светловолосый коротышка помчался за ними, бежал изо всех сил с взволнованным лицом, но догнать их так и не смог. Лабарту, когда он оглядывался в последний раз, даже показалось, что тот плачет.

С братьями они покинули Долину и вышли на Равнину, дошли до самой реки, долго купались и грелись на солнце. Общих тем у шестнадцатилетних мальчишек было много, и о младшем больше никто не вспоминал. Только Лабарт не мог выкинуть из головы его образ: худой, жилистый коротышка, с огромными честными глазами, с завистью наблюдающий за старшими ребятами. Изгой, нелюбимый ребенок в семье. Был бы любимым, братья не посмели бы кидать в него камни. Властный и честолюбивый Трерон наверняка считал его позором всего семейства, если не племени, и с малых лет младший сын нес на себе ярлык слабака лишь потому, что родился позже других и в отличие от плотных братьев обладал тонкой, хрупкой костью.

Они вернулись в Долину на закате, распрощались на развилке, и повернули каждый в свою сторону. Лабарт тоже пошел к своей деревне, но потом остановился, оглянувшись

назад, вслушиваясь в стоящий стрекот живности в высокой траве.

Почувствовал, что надо вернуться.

Он пошел той же дорогой, что они убегали от коротышки, и предчувствие не обмануло Лабарта. В глубине леса, в чаще, мальчишка провалился в замаскированную мхом яму и не смог выбраться сам.

Лабарт бесшумно подошел к краю, заглянул внутрь – ребенок сидел на самом дне, обняв колени руками, весь чумазый, испачканный в земле. Не плакал, не скулил, не звал на помощь. То ли ждал, пока бросят людей на его поиски, то ли просто, отчаявшись, собрался там помереть.

- Ну и что, так и будешь там сидеть? – наклоняясь, спросил Лабарт.

Мальчонка вздрогнул, вскочил, задирая кверху голову. Глазища радостно сверкнули и тут же потухли, наполнились неприязнью.

- Что, не меня хотел увидеть? – догадался Лабарт, - Руку давай.

Он лег на край, свесив вниз правую руку, другой держался за торчащий из земли корень. Мальчик, помедлив, подошел, потянулся. Подпрыгнул, еще раз, с каждым разом стараясь все выше, но – коротышка ведь.

- Вырой в земле дырки и взбирайся по стене, - скомандовал Лабарт, поняв, что толку от этих подпрыгиваний не будет.

- Там камень... - с укором ответил ребенок.

- Тьфу... к болотным духам! – разозлился Лабарт, садясь на корточки. – Как ты туда вообще провалился?

Снизу, явно обидевшись, ничего не ответили.

- Зовут-то тебя как? – сменил тему молодой воин.

- Имма... - тихо, смущенно ответил коротышка.

- Не бойся, Имма, я тебя оттуда вытащу.

Обещал – сделал. Выдрал из земли корень, обрезал, спустил вниз. Мальчишка схватился обеими руками, он потянул вверх, и горе-охотник ногами взобрался по стене. Обрато к селению шли вместе, в молчании. Имма задира л подбородок и раздувал грудь, сохраняя остатки гордости, явно смущенный тем, что так глупо провалился в охотничью яму, и что кому-то пришлось его спасать.

Лабарт же тихо посмеивался про себя: мальчик напоминал ему его самого в детстве, когда он всячески стремился походить на отца. По какой-то непонятной причине старшие

братья Иммы и его отец с презрением, а не с нисхождением относились к его слабости, а в Лабарте его отчаянные и часто безуспешные попытки соответствовать ожиданиям старших рождали только симпатию и желание помочь преуспеть. Не удержавшись, он потрепал надутого Имму по волосам, заслужив полный ненависти взгляд, и проводил до самой деревни, с азартом препираясь с ребенком и колкостями отвечая на грозные выкрики «я же сказал, не надо меня провожать!»

Летели дни и ночи, и Трерон стал относиться к зачистившему из соседнего племени юноше более снисходительно. А именно – старался не замечать его присутствия. Лабарт дни напролет проводил в компании трех братьев, коротая время и выполняя волю отца, но никакой привязанности или симпатии к своим новым приятелям он не испытывал. Гораздо больше самодовольных и злоязычных юношей его волновал мальчишка, которого с той ночи почти не было видно. Из скудного ответа на вопрос о том, куда подевался Имма, Лабарт узнал, что за ту оплошность в лесу мальчика выпорол отец, и «трусиска» не кажет носа из дома своей тети, боясь попадаться разгневанному вождю на глаза.

Однако Лабарт заметил его раз, два – то пробегающего мимо с корытом, то с мешком зерна или охапкой новеньких стрел, даже встречался с запуганным мальчишкой глазами, но Имма ни разу не остановился, ни разу не поздоровался и ни разу даже ни кивнул ему.

Тогда Лабарт, оставив своих друзей, пошел и выловил его сам.

- Здраваться не учили? – грубо спросил он, хватая семящего мимо коротышку за шкуру, - Старших не умеешь уважать?

- Мне нельзя, - пискнули снизу, - пусти!

- Чего нельзя? – не понял Лабарт.

- Да отпусти! – Имма рванулся, вывернулся из захвата, оставляя в руках молодого воина кусок тряпицы, и бросился наутек. Ничего не понимающий Лабарт так и стоял, глядя на его удаляющуюся худую спину. По острым, натягивающим кожу лопаткам растекались неровные, багровые синяки.

«Зачем вы его бьете?» - хотелось ему спросить у вечно веселящихся, беспечных дружков. Он правда не понимал – за что бить ребенка, у которого не все получается делать так же хорошо, как у старших братьев? Ему самому регулярно доставалось от отца, но, отбросив в сторону юношеский гонор, он готов был признаться, что прилетало ему всегда по существу. И никогда отец не наказывал его за неудачи.

Вопроса, мучившего его, Лабарт так и не озвучил. В каждом племени свои традиции и правила, и если он хотел помочь отцу наладить дружбу между двумя кланами, ему стоило и дальше молчать.

Дни проходили в праздном веселье и охоте, они ходили в лес, гнали дичь, уходили в поле

за кочующим стадом, а по возвращении в селение Лабарт всегда украдкой искал взглядом четвертого сына вождя. Тот, по обыкновению, занимался делами по хозяйству или бегал по поручениям старших – кажется, даже соплеменники давно перестали относиться к нему с уважением.

Как из хрупкого мальчишки можно вырастить воина, заставляя его промывать с женщинами зерно и развешивать на перекладинах выполасканные тряпки? Да, он не был физически предрасположен к многодневной охоте и войне, но никто из семьи и не пытался развить его мышцы и разбудить в нем таланты.

Слушая едкие насмешки друзей в адрес их же младшего брата, Лабарт все больше задумывался о том, кого именно он хочет через десять лет видеть своим близким другом, кому сможет доверить свое племя, с кем сможет без страха разделить ответственность за людей. Его друзья были полны гордыни и самодовольства, кичились своими умениями, петушились в спорах с ровесниками, красовались перед женщинами, но ни в одном из них Лабарт не увидел ни зрелости, ни серьезности ума. Никто из них не был пока готов стать вождем целого племени – они были мальчишками, заносчивыми и грубыми, не знающими жалости и умеющими любить только себя.

Разочарование в новых друзьях и сомнения в выполнимости плана отца накладывали хмурую тень на лицо Лабарта, а на его сердце – печаль.

Одним прохладным утром он брел по окраине селения, вроде бы в поисках своих приятелей, но на деле находить их неспеша. С некоторых пор общение с самодовольными ровесниками стало ему в тягость, но бросать начатое Лабарт не спешил.

Он дошел до самой кромки леса, где на отшибе стояла пустующая хижина, и оттуда, с холма, собирался посмотреть на поля, но внезапно посторонний звук привлек его внимание, и вместо того, чтобы пройти мимо хижины, Лабарт обогнул ее и заглянул на задний двор.

На перевернутом корыте, ссутулив худую костлявую спину, сидел светловолосый мальчишка, и корпел над чем-то, уткнувшись в землю между ног. Лабарт подошел к нему сзади, неслышный и незаметный, как истинный охотник, и с улыбкой наблюдал, как тонкими слабыми руками Имма пытался натянуть на небольшой самодельный лук тетиву.

А вдалеке, у кромки леса, лежал между стволами переплетенный травяной тюк.

Резко наклонившись, Лабарт выхватил из покрасневших пальцев мальчишки тетиву – Имма вздрогнул всем телом, попытался вырваться из полуобъятий, но Лабарт не позволил ему этого, перехватив другой рукой согнутое молодое дерево и в несколько умелых движений завязав узел на торчащем между коленок остром конце. И только потом отпустил, отступил на шаг назад, с интересом глядя на смущенного вскочившего мальчишку.

- Чего тебе тут надо? – заливаясь лихорадочным румянцем, выпалил он. Быстрый испуганный взгляд на самодельную мишень между деревьями, свой самодельный лук, грубо обточенный, из слишком мягкого дерева, прячет за спиной.

Лабарт взглянул на него по-новому, уже без снисхождения, как старший брат на младшего, а с уважением. Имма пытался тренироваться сам, оттачивал навыки втайне от всех, не принял молча того, что старшие давно махнули на него рукой.

- Ну, давай, - весело подбодрил его Лабарт, кивая в сторону леса, но Имма воспринял его слова как издевку и ошетинился больше, попятился назад.

- Отстань. Уходи! – зашипел, сверкая глазами, краснея пуще прежнего то ли от злости, то ли от смущения. Лабарт улыбнулся, шагнул вперед, наклоняясь над мальчишкой и вырывая из слабых рученок лук. Повертел перед глазами, отдергивая каждый раз, когда разъяренный Имма протягивал руки, чтобы заполучить свое оружие обратно.

Дерево было не отшлифовано, в первые же минуты Имма насажал бы себе заноз. Не сбалансированный, кривоватый и слишком большой для его телосложения лук, слишком тяжелый. Лабарт подхватил с земли одну из таких же несуразных, неуклюжих стрел и, прицелившись, выстрелил в цель.

Стрела взвилась криво, ушла в сторону и упала за землю плашмя, не пролетев и половины заданного пути.

- С этим ты и дохлого медведя не подстрелишь, - вынес Лабарт безжалостный вердикт, снова осматривая оружие и качая головой. Взял лук за оба края, и одним движением переломил изогнутое древко. Обломки повисли на натянутой тетиве и болтались в воздухе, глухо ударяясь друг о друга.

Имма прямо на его глазах бледнел, пухлые губы в непритворном ужасе приоткрылись, лицо исказилось в гримасе обиды и ненависти. Еще бы! Лабарту страшно было подумать, сколько времени этот ребенок потратил, своими неумелыми ручонками вырезая из неподатливой ветки этот убогий лук.

Он пренебрежительно сбросил обломки на землю, встряхнул руками, и прежде, чем Имма, в глазах которого уже стояли злые слезы, бросился на него с кулаками, потрепал мальчика по волосам и развернулся лицом к лесу.

- Пойдем. Я сам сделаю тебе хороший лук.

Глава 15.

- Твой отец приходил, - было первое, что услышал Мая. Не шаги Коина, не его дыхание, не шорох мелких камешков под ногами, а его голос, это известие – то ли насмешка, то ли действительно правда.

Мая резко садится, опираясь плечом на каменную стену, оборачивается, царапает о пол и без того кровоточащие колени. В его глазах в то же мгновение вспыхивает столько надежды, столько жизни, что Коин непроизвольно замирает у входа, перестает дышать, чувствуя болезненный укол слева в груди. Он хотел бы, чтобы Мая смотрел так на него, так радовался его приходу – но мальчик оживился только услышав про своего отца.

Ревность и недовольство всклокотали в груди молодого воина, но Коин отвел взгляд и скинул на пол кожаный мешок: сегодня он намеревался держать свой гнев и свое нетерпение в руках и быть ласковым со своим пленником, показать мальчику, что ему нечего бояться.

- Да, приходил... - повторил Коин, присаживаясь на корточки рядом с взволнованным Маей и развязывая его руки, стянутые за спиной. – Он знает, что это я похитил тебя, он обо всем догадался.

Не услышал, не увидел, но почувствовал, как иссушенных бледных губ коснулась несмелая улыбка, как сердце быстрее заколотилось в худой груди, как пробежала волна дрожи по телу. Коин знал, что сейчас чувствовал его пленник, что думал – «отец знает, я спасен, меня найдут, меня вот-вот найдут!» - и что-то странное, чувство между злостью и горечью затапливало его. Нет, не спасен. Нет, не найдут. Неужели этот мальчишка думает, что все так просто? Что Коин так просто отпустит его? После всего, что было...

- Теперь они наверняка будут следить за мной, - аккуратно разминая затекшие плечи юноши, Коин озвучил его мысли, и тут же тяжелым каменным топором обрубил все его чаяния, все надежды, - поэтому приходить сюда я больше не смогу. Пришло время выбора – или ты идешь со мной, как мой раб, друг и любовник, или я оставляю тебя здесь. Связанного по рукам и ногам, так, чтобы ты не смог и пошевелиться. Может быть, я пушу тебе кровь, чтобы смерть твоя не была слишком долгой... но домой ты уже не вернешься. Даже мертвым. Ни за что.

Голос его в конце сорвался, стал грубым, это «ни за что» Коин словно выплюнул, да с такой ненавистью, что самому стало немного неловко. Худые плечи Маи деревенели под его пальцами, вся его фигура словно поникла.

«Прости, прости, мой мальчик, но я тебя не отпущу». Теперь, когда его загнали в угол, Коин не испугался, не начал сомневаться и раскаиваться, а только преисполнился решимости. Все – или ничего.

- Я пробуду с тобой этот день. Но до заката ты должен решиться – быть моим, или умереть.

Первым что-то неладное заметил Гирда, средний из трех старших братьев.

Они вдвоем чинили рыбные снасти на берегу озера, деревня располагалась вдалеке, оттуда не было слышно ни голосов, ни каких либо других звуков, в округе они были одни. Так думали оба, пока неподалеку, с левой стороны озера, не дрогнули шишечки камыша и не зашуршала трава. Они подняли головы, насторожились. Диких зверей поблизости быть не должно, но и лягушки обычно не создают такого шума.

Потом из зарослей камыша показался наконечник стрелы, кончики пальцев... короткий свист, всплеск воды и отчаянное хриплое гарканье подстреленной утки. В четыре глаза юноши ошалело глядели на то, как из травы показывается коротышка, запрокидывая голову, рассекает воду, хватая еще трепыхающуюся утку и, смешно дергаясь и поднимая брызги, гребя единственной свободной рукой, выбирается обратно на берег.

- Глупый слабак, - с отвращением усмехнулся Гирда, закрепляя новый узел на рыболовной сети. – Даже утку подстрелить не может.

- Он неплохо справился, - зачем-то вступился за своего ученика Лабарт. Гирда взглянул на него с подозрением, и молодой воин торопливо добавил, отводя взгляд от голой спины мальчика: - Учитывая, что он вообще не умеет из лука стрелять.

- Вот это как раз и интересно... - Гирда повернулся, посмотрел туда, куда только что пялился довольный успехами ученика Лабарт. – Он учится этому сам, хотя ни вождем, ни даже воином ему не стать...

- Он еще вырастет. – Вставил свое слово Лабарт. Гирда снова глянул на него, на этот раз не скрывая недовольства.

- Ты так думаешь?

- Да.

- Он дохляк. Он не выживет. Он – слабое место всего племени, как по мне, его еще при рождении надо было придушить... он жрет нашу пищу, а толку от него никакого.

- Он может стать воином, - упрямо заявил Лабарт, встречаясь со своим приятелем глазами. – Вам просто надо его больше тренировать.

- Никто не станет тратить на него время! – раздраженно рыкнул Гирда, отбрасывая сеть. Лабарт тоже опустил свой конец. Работа не спорилась.

- Почему ты заступаешься за него? – спросил, наконец, средний из братьев. И смотрел пытливо – уже не первый день замечал, что Лабарт относится к заморышу слишком уж снисходительно! Была ли это ревность, нежелание делиться вниманием друга или просто зависть из-за того, что Лабарт всегда был не на его стороне... но ненависть к младшему брату с каждым днем все крепла и крепла. Гирда не понимал, почему сильный и уверенный в себе Лабарт так тепло относится к такому слабaku, а его – своего друга, -

всегда держит на расстоянии от себя.

Лабарт в ответ на вопрос только пожал плечами.

- Он не заслуживает того, чтобы над ним так издевались.

- Это ты его научил. – Внезапно осенило Гирду. – Это ты сделал ему лук! Сам бы он никогда не научился, никогда бы не сделал, он бездарен и туп, и никто в племени не стал бы ему помогать. Кроме тебя.

Обвинение воин соседнего племени, кажется, вообще пропустил мимо ушей. Гирда вскочил, оскорбленный таким пренебрежительным отношением.

- Отвечай! – закричал он.

- Что в этом такого? – спокойно, немного удивленно спросил у него Лабарт. На его лице не было ни следа неприязни, ни отпечатка вины.

- Ты якшаешься с заморышем за нашими спинами!!!

- Не такой уж он и заморыш.

- Ха! – вскрикнул Гирда. – Изменник... Предатель!!! Только объясни мне – почему?

Лабарт молчал, не зная, что ответит другу. И лучше бы он хоть что-нибудь сказал, потому что разгневанный, распаленный ревностью и завистью разум юноши начал придумывать ответы сам.

- Ты его хочешь. Хочешь, не так ли? – выпалил Гирда, с торжеством глядя на то, как застывает могучая фигура Лабарта. – Ты его хочешь, как животное! Он слабый и покорный – поэтому он нравится тебе?!

- Что ты несешь?! – Лабарт тоже вскочил на ноги, взбешенный тем, как его чувства исказили, смешали с грязью, с навозом, изувечили, превратили во что-то настолько мерзкое, что самому стало противно от себя.

- Я заметил, как ты смотришь на него! Ты всегда ему улыбаешься!

- Потому что он ребенок, тупая твоя башка!

- Это похоть движет тобой!..

- Мне его жаль, он похож на моего младшего брата! Мне просто жаль его, поэтому я пытаюсь помочь.

Неизвестно, удалось ли Лабарту убедить своего друга, но на эту тему Гирда больше не заговаривал, а Лабарт старался не давать ему поводов вновь задуматься об этом. С Иммой в обычное время они не общались – у мальчика были свои дела в деревне, а у

Лабарта с братьями свои. Но ни взглядов, ни ободряющих улыбок, ни заступнических речей старший сын вождя племени Глубоких Озер в присутствии посторонних себе больше не позволял.

То, что тем днем ему сказал Гирда, поселило в душе Лабарта смятение. Первой и самой естественной реакцией на неожиданные и нелепые слова друга было отвращение, шок. В самом деле, как Лабарт мог думать «так» о ребенке? Имма и в самом деле напоминал ему самого младшего из его родных братьев. То, что он чувствовал к нему, было жалостью, сочувствием, желанием старшего брата помочь и заступиться за младшего. Никакой животной похоти там не было и не могло быть!

Но намеки Гирда заставили его настороженно присматриваться к мальчику и так же настороженно прислушиваться к себе. Слишком внимательно. Настолько, что Лабарт сам не заметил, как цепкий и опытный взгляд наставника превратился во взгляд довольного зрителем наблюдателя, что помимо одобрения в нем появилось еще и восхищение, любованье, совсем другая доброта.

Имма так искренне и так живо отвечал на любую проявленную к нему заботу, что Лабарту хотелось делать для него все больше и больше, лишь бы светловолосый целеустремленный мальчик, доверившийся только ему одному, не переставал ему улыбаться. Он сам сделал несколько замечательных стрел, длинной идеально подходящих к луку Иммы, приносил из своего дома еду, сам сшил теплую меховую накидку на зиму, помогал советами, слушал беззаботную болтовню, трепал по волосам, поддерживал, пытался объяснить, почему его жизнь в родном племени – такая тяжелая.

Но все это было только между ними, только наедине.

Если Лабарт был с друзьями, Имма никогда не заговаривал с ним, и подходил только если того требовали какие-то порученные ему дела. А Лабарт никогда ему не улыбался и делал вид, что Иммы для него не существует. Их обоим это устраивало. Имма опасался страшной ревности своих братьев, а Лабарт... чем бы он ни оправдывал свое поведение, опасался он того же самого, но боялся себе в этом признаться. И еще в том, что повод для ревности действительно был.

В тот год Имма доказал свои способности охотника и получил публичное разрешение отца носить лук и ходить вместе со всеми на охоту. Налаживанию отношений с братьями это не способствовало, напротив – агрессия старших с того момента только возросла, но несмотря ни на что Имма гордился своими достижениями и был счастлив наконец-то стать частью мужского общества племени. Но мелкой работы, которую ему поручали, никто не отменял – уважение всего клана еще следовало заслужить, доказать, что достоин его месяцами удачной охоты.

Имму не всегда брали с собой. Когда племя уходило в гон, его оставляли в деревне, потому что такая охота была слишком опасна для мальчишки его возраста.

Вернувшись из осеннего гона, что длился семь дней и семь ночей, мужчины сбрасывали добычу в кучу и рассаживались у костра, ожидая долгожданного сытного ужина.

Измотанные, мечтающие о крове над головой и теплоте нагретых женщинами мехов, они мрачно, с кивками принимали из рук сновавших вокруг девчушек плоски и молча ели. Имма тоже помогал.

Он нес в руках две чашки – одна предназначалась Лабарту, другая старшему сыну по имени Бизон, но буквально в нескольких шагах споткнулся, распластался на земле, выплеснув горячее содержимое чашек прямо на ноги своего брата.

Бизон вскочил со своего места, откидывая в сторону шкуру, наброшенную на плечи.

Имма, дрожа от страха, медленно поднимался с земли, с ужасом глядя на своего разгневанного брата. Но стоило ему только привстать, как он тут же полетел оземь, снесенный с ног мощным ударом ноги. Мужчины вокруг оборачивались, поднимали взгляды, но тот же опускали их обратно в свои плоски – никому не было дела до того, что творил Бизон со своим младшим братом. Только Лабарт застыл с занесенной костяной ложкой, не зная, как реагировать на то, что видел.

Имма не издавал ни звука, просто закрывал голову руками, и не пытался сопротивляться, подняться с земли. А Бизон бил со всей силы, как взрослый мужчина в драке добивает соперника. Вскочить, вступиться? Но тогда все косо посмотрят на него. Как все сделать вид, что ничего не происходит? Тогда Бизон насмерть забьет мальчика...

Но Бизон остановился сам. Отшвырнул ногой скрюченное тело мальчика, сплюнул, поднял с земли плоску и сам налил себе похлебки. Сел на место и стал есть.

Имма вяло шевелился на земле, в сумерках, пытаюсь подняться. Какая-то женщина, кажется, его тетка, помогла ему и увела его, еле передвигающего ногами, в свою хижину.

Лабарту протянули новую плоску с похлебкой, но есть он уже не хотел.

Он не видел Имму на следующее утро, по суете тетки понял, что из хижины мальчик вообще больше не выходил.

Он не думал о том, что делать. Решение пришло само: оно давно зрело, но не находило достаточного повода для того, чтобы его привели в жизнь. И вот повод был.

Встреча, о которой знали только двое – Лабарт и Бизон. Таинственный цветок на выступе скалы, о котором поколениями слагали легенды – он так и останется таинственным, неувиденным никем. В одиночку на скалу не забраться, и Лабарт решил честно разделить победу с лучшим из своих друзей, уже у самой вершины Бизон подсадил его, юный воин взобрался на выступ, даже не потрудившись окинуть голый камень взглядом, протянул руку вниз.

Бизон схватился, оторвался от земли, и Лабарт, разжав пальцы, отпустил его руку.

В глазах Бизона мелькнуло непонимание, потом – страх. Он был слишком высоко, а склон слишком крутым – старший сын оступился, полетел спиной вниз, кубарем, поднимая пыль и не издавая ни звука.

Лабарт смотрел, как тело будущего вождя как соломенная кукла бьется о камни, катится, как мотается в разные стороны голова. Смотрел без жалости и сожаления – он был уверен, что Бизон это заслужил.

Спустившись через некоторое время к подножью гор, Лабарт обнаружил, что его враг все еще жив. Бизон смотрел на него пустыми, затекшими кровью глазами, словно спрашивал – почему, за что? - и уже почти не дышал.

Камень подходящего размера нашелся. Сочувствия, сострадания в сердце Лабарта – нет.

Одним ударом прекратив мучения Бизона, он отбросил камень и пошел в сторону своей деревни.

Глава 16.

В племени Иммы, согласно древним традициям, был принят траур по умершим. Его носили всем селением в течение трех дней и ночей, все без исключения, как женщины и мужчины, так и старики и дети. Обычай, от начала и до конца непонятный Лабарту, в племени которого смерть воина воспринималась как естественное и неизбежное событие, вызывал у юноши искреннее недоумение и раздражение. Когда на следующее утро он, по обыкновению, пришел к своим друзьям, с ним никто не стал разговаривать. Старшие сыновья вождя только указывали на строящийся в центре селения погребальный костер.

О его причастности к смерти Бизона никто не догадывался. Лабарт понял это по безразличным лицам и взглядам людей, продолжавших заниматься своими делами. Поняв, что следующие три дня делать ему тут нечего, Лабарт решил остаться на церемонию сожжения тела и после этого вернуться домой.

Он проскучал до полудня, без дела слоняясь по округе и размышляя о предстоящей большой охоте, а на самой окраине селения, сидя поваленном стволе, заметил Имму, бредущего в сторону опушки леса. Лабарт не видел его с того раза, когда на виду у всего племени мальчика избил старший брат, да и поговорить им удавалось только когда они оставались наедине и поблизости не было любопытных ушей и глаз. Поэтому Лабарт поднялся и последовал за Иммой.

Мальчишка прихватил с собой лук и собирался потренироваться в стрельбе, целясь по пучкам сухой травы, привязанным к стволам. За последнее время его навык заметно улучшился, но сейчас его руки были слабыми и дрожали так, что Имма не решался отпускать тетиву, только смотрел перед собой, пытаясь сосредоточить взгляд на мишени.

- Я думал, в вашем племени запрещена охота во время траура, - Лабарт, как настоящий прирожденный воин, подошел неслышно, и звук его голоса заставил юного стрелка вздрогнуть. Имма узнал его сразу, и оборачиваться не стал. Худые плечи его, однако, напряглись еще больше, острые лопатки натянули тонкую светлую кожу.

- Я не охочусь, - тихо проронил он.

- Но стрельба из лука... - старший воин сделал паузу, глядя на побелевшие костяшки пальцев, с трудом удерживающих туго натянутую тетиву, - это не лучший способ отдать дань уважения старшему брату.

В ответ Имма спустил стрелу. Тонкое древко улетело в заросли, не задев ни одну из целей. Мальчик опустил лук, но продолжал смотреть вперед.

«Зато это хороший способ успокоить свои чувства» - догадался Лабарт.

- Ты ненавидел его? – спросил вслух. Ни любопытства, ни чувства вины, ни сострадания он не испытывал: он сделал то, что должен был сделать, и ни перед кем не обязан за это отвечать. Даже перед Иммой. Имма вообще никогда не должен будет об этом узнать.

Если его сердце болит от потери – то это вскоре пройдет. Если же ему все равно – то тут и говорить не о чем.

- Нет, - мальчик покачал головой, - он мой брат. Но и уважать его мне не за что.

Он снова взводит лук, новая стрела ложится на упругий волос из хвоста дикой лошади, но каменный наконечник слишком сильно дрожит.

«Переживает» - понимает для себя Лабарт. Но все равно смотрит с тем же безразличием. А внутри него борются с разумом непривычные чувства: должен ли он сделать что-то? Прикоснуться к плечу, обнять, как старший брат обнял бы младшего, помогая справиться с болью? Но Имма ему не брат. Они не близкие друзья и не кровные родственники. А это странное чувство, что он должен что-то сделать – оно почему-то есть.

- Просто это случилось неожиданно. Иногда, когда я злился, я желал ему смерти... но никогда и представить не мог, что он умрет на самом деле.

- Мы все когда-нибудь умрем, - пожал плечами Лабарт, - я не вижу ничего печального и ничего необычного в смерти.

- Даже в смерти своих близких?

- Если близкие умирают, значит, приходит и их черед.

Имма ничего не ответил. Расстроился ли он еще больше или почувствовал себя лучше поле этих слов, осталось для Лабарта загадкой. Стрела, зажатая между пальцами, вернулась в колчан, и мальчик молча покинул собеседника, отправившись за другой, затерявшейся в лесных зарослях.

Коин весь день просидел в пещере, большую часть времени молча, расчесывая волосы Май и залечивая его раны. С самого утра ни одно его прикосновение не принесло юноше боли: Коин пытался быть ласковым, поглаживая плечи и руки своего пленника, но выглядел при этом скорее нелепо и только больше раздражал отчаявшегося и опустошенного Маю.

«Зачем все это?» - молча вопрошал юноша, глядя в стену. «Ты собираешься убить меня, так к чему это притворство, к чему эти доброта и неуклюжая ласка? Неужели ты пытаешься сказать, что тебе жаль? Нет, ты не знаешь жалости, и я тебе не поверю...»

За последние дни и ночи Мая не раз думал о своей смерти. Ему казалось, что это неизбежно – днем раньше или позже, но он умрет, так и не выбравшись из этой пещеры. Но до сих пор эти размышления были отстраненными, опасность была где-то вдалеке, известная, но пока не осязаемая. Теперь же Коин поставил его перед выбором и назначил срок – до захода солнца. Или Мая станет рабом, или умрет, и сейчас он понимал, что хочет жить, что умирать не хочет. Неизвестно, что будет там, когда его

разум окутает Тьма, а потому смерти Мая испугался больше, чем предстоящей жизни с Коином. Коин – человек, его можно обмануть, его можно вытерпеть, с ним можно совладать – в то время как с Марой совладать не сможет никто.

- Я согласен, - хрипло проронил Мая, когда Солнце почти вплотную подкралось к земле. Коин не поверил ему, потребовал повторить, затем – принести клятву, и Мая повторил, и поклялся, что пойдет с ним, обещал, что не убежит и будет верен. Будет. Будет верен той ненависти, что Коин за неполный лунный цикл взрастил в нем.

Торжествуя, радуясь своей победе, Коин снова повалил его на холодный камень и принялся целовать – жадно и грубо, причиняя больше боли своим жестким напором. Его руки заскользили по телу, сжимая, сдавливая, присваивая себе – задевая старые и чуть зажившие ссадины, синяки. Когда ладонь дотронулась до сведенных судорогой ягодич, Мая не выдержал и взмолился.

- Коин... Коин, прошу тебя, не надо...

Коиин оторвал свои губы от исхудавшей бледной груди, поднял голову, вопросительно глядя на плачущего юношу.

- Я буду нежным, - пообещал он, в доказательство своих слов пальцами проводя по впалому животу. – Я не причиню тебе боли, я...

- Нет, ты не сможешь, ты... я не мылся так долго, спал на камнях, все мое тело ужасно болит. Любое движение приносит мне столько боли... не делай этого сейчас, я умоляю!

Воин отстранился, взглядом окидывая израненное тело своего любовника.

- Хорошо. Как скажешь. Ты прав. Нам некуда торопиться, теперь у нас много времени, чтобы быть вместе.

От этих слов Мая скривился, как от надоедливой зубной боли – он вовсе не хотел, чтобы ему об этом напоминали. Он хотел жить, он хотел наружу, на свободу – а там что-нибудь придумает. Ведь Коин – тоже человек. Без души и без сердца, но и он смертен.

Спустя некоторое время он стоял на краю плато и смотрел вниз, на крутой склон горы, на деревья у подножья гор, зеленую, сочную, готовящуюся ко сну Долину. В груди его застучало быстрее – наконец-то он вернется, наконец-то будет ходить, чувствовать прохладную траву под ногами, ощущать жар небесного светила на лице...

Мая ослаб настолько, что Коину пришлось помогать ему спускаться, и кое-где нести юношу на руках. Но спустившись лишь на высоту обыкновенной хижины, Коин вдруг замер и опустил своего пленника на землю.

- Смотри, - велел он, указывая рукой на скалистый выступ правее. Мая проследил за его рукой взглядом и увидел на поросшем мхом камне небольшой желтый бутон. – Это Цветок Любви, - продолжил Коин, - никогда его раньше не видел... Мне рассказывал отец: этот цветок могут

найти только те, кто любит, и его следует дарить своей женщине на закате, тогда она обязательно станет твоей женой. Я достану его.

- Нет, Коин, это... - Мая запнулся и замолчал.

«Опасно» - хотело он сказать, но вдруг вспомнил, что у него нет причин заботиться о здоровье своего мучителя. Если Коин сорвется здесь и упадет, и разобьется насмерть – ему это будет только на руку.

Мая смотрел, как тяжелый могучий Коин легко взбирается вверх по скале, переступая с выступа на выступ, и вот он уже на плато, садится, срывая заветный цветок. Оборачивается, сияя улыбкой, и демонстрирует яркий желтый бутон юноше, а тот только думает про себя: «упади, упади».

Но Коин возвращается назад так же легко и так же ловко, его рука ни разу не соскользнула, нога ни разу не оступилась, и вот воин, стоя напротив, протягивает добычу разочарованному Мае.

- Зачем? – отстраненно спрашивает Мая, поднимая на своего мучителя взгляд. – Мне не нужно это.

- Я сорвал его для тебя. Возьми!

- Не буду.

Коин рывком развернул юношу к себе спиной, несколькими умелыми движениями вплеп стебель цветка в косу Маи и подхватил его на руки. Остаток спуска прошел в молчании, Коин сердился, а Мае просто нечего было сказать, он радовался, что чувствует ветер кожей, и старался не думать о том, что ждет его по прибытию в деревню.

Первым делом Коин отвел его к озеру и разрешил искупаться. Мая был просто счастлив наконец-то окунуться с головой, почувствовать прохладную воду, песок под ногами. Коин сидел на берегу и наблюдал за ним с еле заметной довольной улыбкой, но Мая избегал смотреть на него. От одного вида своего врага ему становилось тошно, его охватывало омерзение при мысли о том, что отныне они будут спать в одной постели и Коин сможет прикоснуться к нему, когда ему вздумается.

Отвергнув предложенную воином помощь, Мая сам заплел свои мокрые волосы – наверное, в последний раз на долгое время, и покорно проследовал за Коином по тропинке, ведущей к деревне.

В селении их не ждали и встречали с удивлением – в сумерках люди бросали свои дела, останавливались посреди дороги и выходили из своих жилищ, чтобы поглядеть на необычного гостя. Люди со светлыми волосами и светлой кожей здесь были в диковинку – такие жили только в племени Растущих Семян, а его жители не часто навещали соседствующую с ними деревню. Коин шел впереди, гордо выпятив грудь и задрав подбородок, явно чувствуя себя победителем, вернувшимся домой со знатной добычей,

Мая же плелся позади него, уставившись в утопанную землю под ногами, чувствуя на себе тяжесть десятков взглядов и почти осязаемое любопытство всех этих незнакомых людей вокруг.

Коин провёл его через всю деревню к своему жилищу. В большой просторной хижине своего хозяина дожидались три его жены – они глядели молча, с удивлением, когда Мая вошёл и по приказу Коина сел на его лежанку.

- Обряд проведем завтра, а пока отдыхай, - велел хозяин дома, и жестом отправил одну из своих жен за едой. Вскоре Мая, почти умирая от удовольствия, ел горячее мясо и вареную крупу, запивал свежим ягодным соком, а потом лежал на мягких шкурах и клевал носом, разморенный ощущением безопасности и теплом домашнего очага. Женщины Коина поглядывали на него с интересом, но их внимание не было навязчивым, поэтому очень скоро юноша просто уснул.

Сквозь сон он слышал мужские голоса, кажется, кто-то ругался, но Мая посчитал, что это недостойно его внимания и продолжал спать, как убитый.

Глава 17.

До вечера Мае было запрещено покидать хижину Коина. Его жены, три молодые женщины, были заняты хозяйством, и ни одну из них юноша толком и не разглядел, но несколько раз он встречался с их любопытными и сочувствующими взглядами.

Обряд, о котором накануне говорил Коин, был назначен на время заката. Мае казалось, что за те дни, проведенные в пещере, он научился ждать, но вот уже сколько времени он не находил себе места, перемещаясь из одного угла жилища своего врага в другой, изводя себя сомнениями и мыслями о том, что же теперь ждет его впереди.

Правильно ли он поступил, когда согласился?

Но бежать было уже слишком поздно. Решение принято, отступить никак нельзя, иначе эта пытка никогда не закончится... Как ни старался, Мая никак не мог представить себе, что же на самом деле задумал Коин. Что за обряд он собирается провести? Как представит его своему племени, как пленного раба, как слугу для мелкой и грязной работы или как нового человека, который будет делить со всеми кров, быт и еду?

Ожидать можно было чего угодно.

От того, какую участь выберет для него Коин, зависело дальнейшее существование Маи, и неопределенность пугала его. Гадать было бессмысленно, Коин не тот человек, чьи действия можно понять, но спросить у самого воина, что ждет его, Мая не решался.

- Что ты мечешься? – спрашивал Коин с раздражением, когда заглядывал в дом и видел снующего туда-сюда юношу. Мая обжигал его взглядом и тут же отворачивался, ничего не говоря. Двигаться после стольких дней и ночей, проведенных связанным по рукам и ногам, было очень неприятно. Но стоило Мае только присесть, как тело начинало ныть, требуя хоть каких-нибудь движений.

К середине дня Мая немного успокоился, решив, что каким бы положением не наградил его Коин, его плана это никак не коснется. Слуга ли, раб – навязанная ему работа никак не повлияет на то, что Мая решил совершить. Поэтому и волноваться и изводить себя не стоило – он мог лишь покорно дожидаться решающего момента и покорно смириться со своей участью, пожертвовав, в общем-то, немногим для того, чтобы в скором времени обрести полную свободу и безопасность от Коина.

Остаток дня прошел куда более спокойно. Мая сидел на шкурах, думал о своем доме и о семье, вспоминал отца и мать, друзей. Сколько его уже не было? Что за это время изменилось в деревне? Он так давно не охотился, мышцы его рук ныли и требовали взять лук, натянуть тугую тетиву и спустить несколько стрел где-нибудь в лесу, подстрелить пару-тройку животных.

Позади что-то зашуршало, Мая обернулся, ожидая увидеть вошедшего Коина или одну из его жен, но увидел высокого крепкого мужчину с сединой в темных волосах. Он был примерно одного возраста, что и отец Маи, и богато одет. Его юноша узнал сразу – видел несколько раз, хотя было это давно, но такое поразительное сходство с Коином не

оставляло в его душе сомнений.

Перед ним стоял Лабарт, вождь племени Глубоких Озер.

«Что ему надо?» - терялся в догадках Мая, пока мужчина безмолвно смотрел на него и не предпринимал попыток ни приблизиться, ни заговорить. Он пришел оценить нового слугу? Приказать уйти? Мая был бы рад, если бы он это сделал, но гнев Коина...

- Мне жаль, - проговорил, наконец, вождь. – В этом моя вина. Я должен был уследить за Коином и его болезнью...

«О, да, ты должен был...» - горестно усмехнулся юноша, но вслух ничего не сказал. Должен был, но теперь уже ничего не изменишь. По крайней мере, пустыми словами и извинениями.

- Тебе лучше уйти сейчас, пока не стало слишком поздно. Я разберусь с ним.

«Все же он приказывает мне уйти» - понял Мая. Он испытал чувство облегчения и досады в то же время – все было далеко не так просто, как это представлял старый вождь.

- Это ничего не изменит, - Мая покачал головой. – Коин не остановится.

- Если он не образумится и не остановится сам, я буду вынужден... действовать. Он слишком далеко зашел.

- Да, слишком. Поэтому мне уже не страшно.

- Он сломал тебя?! – в ярости рыкнул мужчина, - Теперь ты готов положить жизнь к его ногам и быть его рабом до конца своих дней? Это – то, чего ты хочешь?

- Нет, - Мая улыбнулся сам себе, - я не буду его рабом. Я буду его наказанием. Буду до тех пор, пока он не поймет этого. Или до тех пор, пока несчастный случай не отнимет его или мою жизнь.

- Ты забываешь о том, что ты сын своего отца и будущий вождь своего племени, - строго напомнил Лабарт.

- И это неизменно.

Взглянув на спокойного и уверенного в себе юношу, Лабарт понял, что пытаться вразумить его – бесполезно. Мая совсем не был похож на слабого и сломленного человека, он был полон смиренной решимости и терпения, и от него исходила такая необычная сила духа, которую Лабарт давно уже не встречал. Что бы там Коин не вытворял с этим бедным мальчиком на протяжении всего времени, Мая вынес это испытание, вынес с достоинством, он выжил и стал еще сильнее, чем прежде.

- Я должен сообщить об этом твоему отцу, - Лабарт отвел взгляд от фигуры юноши,

признавая свое поражение.

- Не приводите его сюда, - спокойно попросил Мая, - и передайте ему мои слова. Пусть доверится мне. Я знаю, что делаю.

Перед закатом в хижину пришел Коин. Лицо его было непроницаемо, на нем нельзя было прочесть ни торжества, ни раскаяния, молодой воин вел себя отстраненно, словно чужак. Приказав Мае подняться на ноги, он первым делом сорвал с его шеи ожерелье – символ, который имел право носить только сын вождя. Ожерелье было отброшено в сторону, наземь, Мая не следил за его полетом, он смотрел в холодные глаза своего врага.

Только что он потерял свою семью и свой статус: мысленно он попрощался с ними, но ненадолго. Придет время, и он вернется, обязательно вернется.

Коин не отрывал от него своего непонятого, невыразительного взгляда. О чем он думал сейчас? Что чувствовал, когда до момента, которого он так страстно желал, осталось совсем немного времени?

Коин шагнул вперед, приближаясь к юноше вплотную. Его руки поднялись, и ладонями он обхватил исхудавшее, бледное лицо своего пленника, так бережно, словно держал в руках драгоценный хрупкий цветок. Затем его губы приблизились, и Коин поцеловал Маю, но в поцелуе этом не было привычной жестокости и напористости. Воин никуда не торопился и не давил, отнимая волю и забирая чужое дыхание.

Этот поцелуй был... нежным.

«Он успокоился», - понял вдруг Мая.

«Теперь, когда он уверен, что получил то, что хотел, он успокоился... надолго ли? Как скоро его безумие снова возьмет верх над его разумом?»

Поцелуй продолжался, но Мая не отвечал на него, ничего не чувствуя и погрузившись в свои раздумья. Нежность Коина ничего не меняла, он мог быть сколь угодно ласковым, но это ничего уже не изменит, Мая никогда не ответит ему. Никогда не посмотрит на него иначе, чем с холодом ненависти и презрением. Он будет прятать их до поры до времени, а пока... достаточно просто того, что Коин не требует от него ответа.

Закатное солнце освещало деревню теплым оранжевым светом. Было приятно наконец-то выйти наружу, почувствовать кожей легкий ветер, вдохнуть полной грудью, пропитываясь запахами луговых трав.

На пути к большому костру им никто не встретился, все жители ожидали их на месте. Обряд – это выполнение традиции, всегда сопровождаемое праздником, но столпотворение на небольшой поляне посреди деревни никак нельзя было назвать праздничным. Шагая

вслед за Коином к вождю, что в окружении старейшин сидел на противоположной стороне поляны, Мая нутром чувствовал десятки любопытных взглядов, устремленных на него.

Многие знали его, сына вождя соседнего племени, а те, кто не знали, спрашивали у тех, кто стоял рядом. Шепотки за своей спиной Мая прекрасно слышал, но ему почти не было дела до того, что подумают о нем эти люди. Он выживает, а для этого все средства хороши.

Лицо Лабарта было непроницаемо, но его молчаливое недовольство происходящим наложило свой отпечаток на всех вокруг. Воистину, это не было праздником, ни для кого из них. Может быть, только для Коина, но тот выглядел слишком уж спокойным и не демонстрировал своей радости.

Мая молча, не поднимая взгляда от вытопанной земли, следовал указаниям.

Встать на колени. На колени... ему не велели уткнуться носом в грязь, значит ли это, что Лабарт нарекает его сейчас не рабом, а всего лишь слугой? В груди Май затеплилась надежда, что во имя своего спасения он падет не слишком низко. Не было ничего постыдного в том, чтобы прислуживать кому-то, в какой-то мере это даже благородная работа... но не для сына вождя. Однако Мая был рад и этому.

Лабарт говорил какие-то слова, незнакомые юноше. Традиции в их племенах были разные, некоторые брали свое начало в совсем далеких племенах, поэтому использование слов другого языка не было необычным явлением.

Пальцами вождь наносил на лоб и на закрытые веки Май краску. Кажется, красную... на груди вывел несколько узоров. Вокруг стояла тишина, все наблюдали за обрядом, не смея проронить ни слова. Когда первая часть обряда закончилась и Лабарт отступил в сторону, уступая место Коину, юноша приподнял потяжелевшие от краски веки и глазами скользнул по ряду ног в стороне от себя. Некоторые люди сидели, и на мгновение ему показалось, что он видит Сорину – в толпе мелькнули светлые волосы цвета соломы. Сердце его пропустило удар, он начал лихорадочно вглядываться в людей, выискивая девушку, но Коин, схватив жесткими пальцами за подбородок, заставил его вернуть голову на место и смотреть прямо перед собой.

В руке Коин держал ритуальный костяной нож.

Мая не знал наверняка, но догадывался, зачем, и его догадки оправдались, когда молодой воин встал позади него и распустил косу. Волосы он намотал на руку, дернув голову Май так, что ему пришлось устремить свой взгляд в темнеющее небо. Юноша стиснул зубы от боли и досады – еще одна жертва, которую он готов был принести во благо своей свободы.

В тишину упали новые незнакомые слова, рука Коина с ножом взметнулась, замерла на несколько вдохов – Мая видел острый конец каменного лезвия, устремленного вниз, почти над его лбом. На мгновение ему показалось, что Коин собирается убить его. Сердце сжалось от ужаса, он судорожно втянул ртом воздух, испугавшись, что вот так

неожиданно и настанет его конец.

Затем лезвие обрушилось вниз.

Мая зажмурился.

Кожу головы неприятно дернуло, потом снова и снова, так сильно, что он прогнулся в пояснице и начал заваливаться назад, но вдруг он почувствовал небывалую легкость и выпрямился, ощущая, как обрезанные пряди щекотно скользят по шее.

Его бледных иссохших губ коснулась легкая улыбка. Не так уж это и страшно – подумаешь, отрезали волосы... его остригли не на лысо, как какого-то раба, Мая может перенести этот позор.

Последняя часть обряда была самой неприятной, пока Коин, присев рядом на корточки, вырезал на его плече знак племени, Мая стискивал зубы и смотрел под ноги, не издавая ни звука. Он терпел и большую боль, когда был с Коином, поэтому вырезание метки вытерпел с достоинством и даже почувствовал что-то, странно похожее на удовлетворение...

Оно же читалось и на лице Коина.

Он сделал Маю «своим», а Мая только кривил губы в едкой усмешке – Коин даже не подозревал, насколько сильно ошибся, и сколько боли принесет ему осуществление его заветного желания обладать им.

Зазвучал бубен, и люди запели какую-то песню. Праздник начался. Сначала хор голосов был нестройным, но позже людям надоело глазеть на светловолосого чужака, ставшего слугой старшего сына вождя, и они принимались веселиться, танцевать и петь песни.

Мая все так же стоял на коленях, но уже в стороне, вокруг крутились дети, хихикая и тыкая в него палками, но он никак не реагировал. Все это – ничто, по сравнению с тем, что ждало его ночью в хижине Коина. К той пытке, тому обряду, который проведет он, Мае действительно стоило подготовиться.

Глава 18.

Мужчины, женщины, дети – все без устали плясали вокруг большого костра под удары бубнов и пели старую песню, благословляющую молодую пару. Лабарт, разукрашенный красками, с цветами и новым ожерельем на шее сидел рядом с вождем, в стороне и чуть позади него, смущенно опустив голову – его первая жена. Совсем скоро их всей деревней проводят в хижину, чтобы молодые уже наедине закончили обряд, а пока Лабарт глазел по сторонам, принимал поздравления и получал удовольствие от праздника.

Его первая жена была девушкой из племени Растущих Семян, поэтому народу на поляне было вдвое больше – на этот раз соседи тоже были приглашены. Вожди тихо, неторопливо переговаривались между собой, Лабарт не прислушивался к их разговорам. Где-то тут, неподалеку, должен быть Имма: Лабарт видел его недавно, видел, как мальчишка накладывал себе в миску горячего мяса.

Сейчас он где-то пропал, среди танцующих сын вождя его не углядел. Но, стоило отвлечься от поисков, как Имма сам возник в поле его зрения – со свежим венком в руках.

- Поздравляю, счастья твоему очагу, - смущаясь под суровым взглядом отца, пробормотал парнишка и протянул Лабарту венок. Лабарт наклонился вперед, позволяя надеть его себе на шею, и так встретился взглядом с Иммой. Тот был немного взволнован, но рад за своего единственного друга.

- Однажды я буду надевать тебе на шею такой же венок, - подбодрил его Лабарт, но мальчик только кивнул в ответ и поспешил скрыться в движущейся толпе танцующих. Он топтался на другой стороне поляны, не решаясь войти в круг и присоединиться к танцу, потом Лабарта снова отвлекли поздравлением, и когда он нашел мальчика взглядом в следующий раз, то обнаружил, что зардевшийся Имма переглядывается с какой-то девичьей одного с ним возраста. Девчонка была из племени Лабарта, но юный воин не мог припомнить ее имени – была слишком мала, чтобы старшие мужчины начали ею интересоваться. А вот для тихого Иммы – в самый раз.

Они оба мялись на своих местах, бросая друг на друга заинтересованные и смущенные взгляды, и на губах всегда серьезного Иммы можно было разглядеть мягкую довольную улыбку. Он теребил в руках маленький бубен, потряхивал им в такт музыке, но подойти к незнакомке все никак не решался. Девочка, неотрывно глядя на него, сделала шаг к танцующим, потом еще один, словно приглашая, Имма, улыбнувшись ярче, смело вошел в круг и начал танцевать. Несколько вздохов, и вот они уже кружатся вместе, смеются, подпрыгивают и взмахивают руками.

Внезапно праздник перестал приносить Лабарту одно лишь удовольствие. Ему захотелось разогнать всех по хижинам, очистить поляну, увидеть, как разочарованный Имма вслед за мужчинами своей семьи уходит домой. Но мальчишка плясал, крутился на месте, смеялся в лицо незнакомой девчонки – так, как никогда не смеялся при Лабарте. И чувствовал себя безопасно, раскованно, не страшился ни братьев, ни отца.

Никому не было до них дела. Кроме Лабарта. Тот следил за ними тяжелым взглядом, за

каждым движением, и даже когда дети утомились танцевать и сели на бревно, касаясь друг друга плечами, глаз от них не отвел. Он желал им обоим подавиться, когда они ели, и желал, чтобы боги неба ниспослали внезапный дождь, когда они все говорили и говорили без остановки, глядя друг другу в глаза. Лабарт думал, что у мальчишки не было друзей, кроме него. А то, что Имма так быстро спелся с какой-то девчонкой, больно резануло по его гордости.

Лабарта тронул за плечо отец – пора.

Нехотя юный воин поднялся, отвернулся от костра и помог своей молодой жене подняться. Люди вокруг собирались и кричали им пожелания «урожайной» ночи, явно стараясь смутить молодых, но Лабарт совсем не волновался и не стеснялся того, что должно было скоро случиться: Тинна не была его первой женщиной. То, что он испытывал, было скорее досадой – теперь он вынужден уйти и уделить ей время и силы, пока Имма развлекается тут и болтает со своей новой подружкой. К тому же, больше он не мог следить за тем, чем они занимаются...

Рука об руку молодожены шли к хижине Лабарта, отец запирает за ними дверь, и в тишине и темноте они дожидались, пока люди разойдутся и оставят их наслаждаться друг другом в одиночестве.

Лабарт слышал, как тяжело и напугано дышала его жена. По правилам, она была девственницей, а для любого мужчины большая честь быть у женщины первым. Но Лабарт думал вовсе не об этом, а о том, что Имма вряд ли успел вкусить прелести общения с мягким женским телом. Как любой мальчишка его возраста, наверняка бесцельно трогал себя руками, пока еще не понимая, зачем это нужно...

Мысли об этом пробудили в Лабарте странное волнение. Он тоже тяжело задышал и почувствовал, как часть него наливается мужской силой.

Затем его охватила злость, когда он подумал, что невинный Имма прямо сейчас может знакомиться с еще маленькими, не оформившимися грудками той девчонки, и может, даже полезет к ней под юбку. Рассердившись из-за чего-то, Лабарт схватил свою жену за плечи и повалил ее на подстилку. Женщина испуганно вскрикнула, Лабарту был противен ее голос и он ладонью заткнул ей рот.

Он был слишком взбешен для предварительных ласк, поэтому взял ее быстро и грубо, выплескивая свой гнев. Невинное лицо Иммы, ласкающего девичье тело, все время стояло у него перед глазами, а на пике страсти Лабарт представил себе его измученное и скорченное в судороге удовольствия лицо, представил его извивающееся в его руках тело, и с яростным рыком кончил.

Наваждение тут же спало.

Женщина под ним плакала, и Лабарту стало противно. Он оттолкнул ее, вытерся и ушел на свое ложе. Он долго не мог уснуть, все вокруг раздражало его: и жалобные всхлипы жены, и пение, доносившееся от костра, и образ содрогающегося в его объятиях Иммы.

Ровно год прошел со смерти Бизона, и первая женитьба Лабарта, назначенная именно на

то же время, казалась Имме знаком крайнего неуважения к ушедшему старшему брату. Но поделиться своими мыслями ему было не с кем, в племени никто с его мнением не считался, а омрачать радость Лабарта своими замечаниями Имма считал невежливым.

Он очень обрадовался, когда Лабарт сам пригласил его на церемонию. И был благодарен своему старшему другу за то, что тот продолжает приходить к нему тайком и общаться, хотя у первого сына вождя наверняка и без этого хватало дел.

Умения Иммы в стрельбе заметно улучшались, но соревноваться с опытными охотниками и братьями он пока не мог. Да и не стремился – ему хватало того, что теперь он наравне со всеми приносит в племя дичь, пусть мелкую, лишь ту, что мог дотащить сам, но свой вклад в общий труд племени он вносил.

- Сегодня утром Савана обещал уговорить своего отца взять меня с собой на охоту, - едва сдерживая улыбку, похвастался Имма, когда весть о женитьбе друга улеглась у него в голове. Лабарт одобритительно кивнул.

- Это хорошо, - только и смог сказать он. Ведь это и вправду было хорошо – если мальчика возьмут на общую охоту, значит, ему доверяют и его умения признают.

- Но я немного волнуюсь, - признался Имма, искоса глянув на друга. – Ты любишь ее?

- Кого? – Лабарт не уследил, как беседа снова сменила свое направление.

- Тинну. На которой женишься.

- Я видел ее пару раз, - уклончиво ответил Лабарт, - она красивая.

- Она хорошая, - с напором выпалил Имма, врать и скрывать своих чувств он все еще не умел, и Лабарт следил за ним с искренним удовольствием и любопытством. Даже дети лгали, чтобы добиться своего, а уж взрослые и подавно, а Имма всегда был честен, слишком честен и мягкосердечен. За это его и считали слабаком. Но Лабарту именно это в нем и нравилось, Имма был чистым, как новорожденная душа.

- Она тебе нравится? – догадался старший сын вождя, замечая излишнюю суетность в действиях мальчишки.

- Она никогда не задирала меня, - так же уклончиво ответил Имма. Лабарт улыбнулся и потрепал мальчика по волосам. – Обращайся с ней по-доброму, - добавил Имма.

«Странный сон приснился», - подумал Лабарт в утро после своей первой брачной ночи. И не сон даже – правда, ведь был этот разговор. С чего бы он вдруг о нем вспомнил? Да еще и во сне?

Лабарт оглядел хижину и увидел, что его жена спит на подстилке, укрывшись найденными рядом шкурами. Будить ее он не стал, ему совсем не хотелось с ней разговаривать. Прошлой ночью он дурно обошелся с ней, хоть и обещал Имме... Злость тут же снова схватила его за горло. Он вспомнил о той вертихвостке из его племени,

малолетней потаскухе, ее стоило проучить. Пусть не тянет свои грязные лапы к Имме!

Имени девчонки Лабарт не знал, не мог и вспомнить, из какой она семьи. Потому просто бродил по деревне, смотрел по сторонам, пока не увидел ее, несущую к озеру шкуры в корыте. Лабарт пошел за ней, не торопясь, стирать шкуры ее отправили одну, а потому поговорить на берегу они смогут без лишних глаз и ушей. Когда корыто бухнулось на влажную от росы траву, молодой воин поравнялся с девчонкой.

Та вздрогнула, увидев рядом с собой мужчину, и попятилась назад.

- Зовут как? – холодно спросил Лабарт, словно собирался ее отчитывать. Девочка окончательно перепугалась и осела на траву, прижимая к груди руки.

- Илья, - промямлила она, глядя молодому воину под ноги.

- Отец твой кто? – продолжал допрашивать Лабарт. Девочка еще тише ответила:

- Иримор.

- Годков-то тебе сколько? Замуж еще не пора выходить? Толковой девке дурно сидеть без дела, раз созрела – пора и перед мужем ляжи раздвигать.

- Мала я еще...

- Вижу, - сказал, как плюнул, Лабарт, - титьки-то еще как у мальчишки, не выросли. Ущипнуть не за что.

Девочка тут же плотнее закрылась руками, покраснела до кончиков ушей.

- Что, дойки еще не выросли, а под юбкой чешется уже? Невмоготу стало?

- Что вы такое говорите...

- Или тебя всем племенем уже пользуют? Так чего ж меня вниманием обошла, иль недостаточно хорош для тебя?

- Да что вы... я не...

- Значит, с малых лет этим делом промышляем. Отец знает?

- Нет! То есть, не о чем ему знать, зачем вы на меня наговариваете?

- А то как же? Все племя видело, как ты вчера с задохликом соседским сплясалась, вот молва и пошла. Если ж ты с незнакомцем в первый день так обтираешься, не сложно догадаться, в чем промысел твой. Теперь вся деревня шепчется, что девка еще кровью не пошла – а уже с мужиком спуталась.

Илья в ответ не нашлась, что сказать, и только расплакалась.

- Кто ж тебя замуж-то теперь возьмет? – продолжал давить с насмешкой Лабарт, сверху вниз глядя на расстроенную девочку. Потом наклонился, схватил за волосы.

– Не встречайся больше и не разговаривай с ним, - прошипел он злобно, - иначе молва дальше пойдет, а нам в племени потаскухи ни к чему, выгоним. Возьмет он тебя к себе? Сомневаюсь. Все поняла?

Илька испуганно закивала, и Лабарт ее отпустил. Сплюнул на землю, развернулся, и со спокойной душой пошел по своим делам.

Глава 19.

Он дико устал стоять на коленях к тому времени, когда праздник завершился и Коинн за подрезанные волосы потянул его за собой. От всполохов костра и мельтешащих перед светом фигур в глазах Май рябило и он ничего не видел перед собой, когда воин отвел его от огня в ночную мглу деревни. Он кое-как переставлял затекшие ноги, то и дело спотыкаясь, но Коинн вел его протоптанной за года тропинкой и на ней не встречалось неожиданных преград.

В хижине уже ждали все три его жены, их испуганные лица бледнели в свете лучины.

- Всем спать, - приказал Коинн, и женщины тут же заворочались, укрываясь шкурами. Мая был растерян. Неужели они будут жить тут все вместе? И он – раб и слуга, - был допущен в дом? И Коинн собирался... делать свои грязные вещи у них на глазах?

Мая думал, что хуже уже ничего не может быть, но Коинну удалось неприятно удивить его. Опрокинутый на шкуры сына вождя – самое почетное место в хижине, юноша боязливо оглядывался на замершие под шкурами фигуры невольных зрителей отвратительного действия, что сейчас случится. Он давно перестал испытывать смущение и стыд, привыкнув к извращенным ласкам Коинна, но сейчас эти позабытые чувства снова нахлынули на него. Мая готов был унижаться перед своим врагом, но быть распятым и использованным на глазах у женщин казалось ему нестерпимым.

- Послушай, - шепотом обратился юноша к воину, когда тот опустился рядом с ним и тяжелые грубые руки заскользили по исхудавшим плечам. – Ты хочешь сделать это при своих женах?

- Они спят, - равнодушно бросил Коинн, склоняясь к шее Май и касаясь кожи влажными губами. Юноша был уверен, что женщины не спят и все слышат и даже могут увидеть, если на миг отвернутся от стены, и это не давало ему покоя.

- Коинн, - мягко позвал Мая, боясь разозлить своего нового хозяина. – Делай со мной все, что хочешь, но только не при них... Ты уже достаточно унижил меня перед всеми!..

- Не ставь мне условия! – отрезал воин. – Они спят! Ну?!

Он обернулся на женщин, но ни одна из укрытых шкурами фигур не пошевелилась. Мая чувствовал, что они боятся не меньше, чем он сам – боятся мужа. Мая Коинна не боялся – ненавидел, но не боялся. Страшился он только боли, которую враг мог причинить, но готов был ее терпеть. Он мужчина и стерпит все, что может сделать ему Коинн – тем более теперь, когда он так далеко зашел ради своего спасения.

- Ты чудовище, - зло прошептал Мая, пряча взгляд, и в следующий миг его повалили на шкуры и заткнули рот поцелуем, но не грубым, как ожидал юноша, а мягким. Вскоре он понял, что Коинн решил переменить свое поведение в любовных играх: все его прикосновения, иногда неуклюжие, несли ласку и желание доставить удовольствие.

Мая гадливо кривил губы в темноте, чувствуя, как сухие шершавые ладони растирают его

тело, как влажный язык неумело лижет шею, оставляя неприятно холодящие влажные полосы, как сильный рот больно всасывает его соски.

«Соси, сколько хочешь, в них все равно не будет молока!» - усмехался юноша, разглядывая невидимый в темноте потолок. Руки Коина гладили его по ногам, затем коснулись члена, яичек. Мая чувствовал его прикосновения, но никак не отвечал на них. Ему не было приятно. Мужская сила покинула его, сам Мая давно это понял, а Коин все пытался возбудить его и усиленно тер вдоль вялого ствола, постепенно раздражаясь.

В тишине, нарушаемой только шумом его сбивчивого дыхания, раздалась звонкая пощечина. Мая поморщился от боли, вернул голову на место.

- Почему? – натужно дыша, спросил Коин. Мая радовался, что не может сейчас видеть его лица – ему и так было противно.

- Потому что я не хочу тебя. – Просто объяснил он.

Коин ударил его еще раз. Маяе показалось, что в хижине стало еще темней, перед глазами заиграли солнечные всполохи.

- Почему?

- Потому что я ненавижу тебя, - прохрипел он, слизывая кровь с рассеченной губы.

Он слышал, как замахнулся Коин, слышал, как свистел воздух под его летящей рукой, он готовился к боли, но легче от этого не было. Он весь поджался, широкая тяжелая ладонь вмазала по щеке. В ушах зазвенело.

Несколько вдохов Мая ничего не чувствовал кроме огня на щеке и звона в ушах, потом сознание вернулось к нему и он увидел, как Коин раздвигает его ноги. Мая дернулся, понимая, что сейчас начнется самое страшное, но воин прижал его, навалившись сверху. Юноша почувствовал его горячее дыхание на лице и прикосновение чужого члена к внутренней стороне бедра.

- Будь ты проклят!.. – выдохнул он прежде, чем Коин ворвался в него.

Мая вскрикнул надорвано, жалобно, все тело словно занемело от боли. Он тут же сжал зубы, слезы навернулись на глаза, но все, что он мог, это вцепиться ногтями в плечи своего врага и отчаянно драть его кожу.

Его повреждения не зажили за одну ночь, а Коин больше не пытался быть нежным. Мая сдавленно всхлипывал при каждом толчке, не в силах терпеть эту пытку, закусил зубами собственное запястье. Обычно это помогало перебить другую боль, но на этот раз та, что раскаленным кинжалом терзала его внизу, была слишком сильна.

И все же Мая думал о том, что их могут услышать. Он сдерживал слезы и крики изо всех сил и хрипел, как умирающее животное, взывая к предкам, моля, чтобы Коин закончил это быстрее.

Предки услышали его. Несколько последних мгновений своей агонии Мая улыбался, предвкушая освобождение от боли и отдых. Наконец, Коин скатился с него и отвернулся в сторону, не желая видеть и слышать его.

Усталость и боль боролись между собой, юноша хотел бы провалиться в сон, но боль не позволяла ему отвлечься и расслабиться. Коин тоже долго не мог заснуть, и те женщины, что лежали неподалеку – Мая слышал их дыхание и, казалось, слышал и их мысли. Насколько быстро распространятся слухи? Как быстро дойдут до его родной деревни? Если об этом узнает отец, то бросит все силы на его выручку, а Мая не хотел, чтобы в бесполезной кровавой битве погибали люди. Погибали из-за никчемного него.

Утро Мая встретил в одиночестве. Когда он открыл глаза, в хижине никого не было. Юноша попытался сесть, но боль резанула старым тупым кинжалом, и Мая с хриплым стоном опустился обратно на шкуры. Судя по лучам солнца, пробивающимся через щели в стенах хижины, был уже полдень. Мая хотелось пить и есть, к тому же, не помешало бы справиться нужду, но выбраться наружу самому казалось невозможным.

Плетеная дверца зашуршала. Мая испугался, что это Коин вернулся, чтобы продолжить мучить его и отвернулся к стене, притворяясь спящим. Приближающиеся шаги были другими, никогда прежде юноша не слышал их. Рядом с ним опустилась на колени женщина, одна из жен Коина.

Юноша взглядом спросил ее, что ей нужно, но женщина избегала смотреть на него. Вокруг было сумрачно, Мая не мог разглядеть ее лица. Ее руки дрожали, когда из-под края шкуры она доставала маленькую чашку с пахучим горячим отваром и протягивала ее пленнику. По запаху Мая понял, что в чашке был заварен зверобой.

Он с благодарностью принял чашу и стал медленно пить – отвар был горячим, терпким и горьковатым на вкус, благодаря ему Мая до вечера не будет чувствовать боли. Женщина так же не глядя протянула ему другую чашку с травяной мазью, юноша успел принять ее и прилечь, когда у входа снова зашуршало.

Женщина быстрым движением выбила отвар из руки Мая и кинулась в сторону, хватаясь за какие-то тряпки и шкуры. Юноша, сердцем почувствовав, что это идет его новый хозяин и давний враг, торопливо перевернул мокрые шкуры, чтобы не так сильно пахли, и ловко спрятал под ними мазь, и в тот же момент в хижину заглянул Коин.

- Проснулся? – спросил он, увидев приподнявшегося на локтях Мая. Затем взгляд его упал на копошащуюся в тряпках жену. – А ты что здесь делаешь? Иди работай!

Женщина тут же, спотыкаясь, покинула хижину.

- Кое-кто хочет увидеть тебя, - проговорил Коин странным голосом, наполовину задумчивым, наполовину насмешливым. – Помнишь, я обещал?

Мая продолжал смотреть на него вопросительно. Никакого обещания он не помнил и не имел ни одной догадки о том, кто в чужом племени захотел вдруг его повидать.

- Заходи, - крикнул Коин кому-то снаружи, и через несколько мгновений в хижину пробралась женщина. Мая сразу узнал в ней Сорину.

Несколько дней назад, когда Коин обвинял ее, а Мая инстинктивно защищал, для него все было просто. Он считал ее невиновной, глупой, обманутой женщиной. Но потом он не думал о Сорине, погрузился в собственные переживания, и сейчас был сбит с толку ее приходом: не знал, что теперь думать. Ему и не хотелось об этом думать, не хотелось решать, виновна она или нет, не хотелось видеть ее и говорить с ней.

Сорина прошла в хижину с гордо поднятой головой, как жена самого вождя, и села на шкуры в нескольких шагах от юноши, не пряча горделивого и холодного взгляда. Меньше всего она была похожа на обманутую и глупую.

- Ты ничего не хочешь у меня спросить? – задала она вопрос. Мая глядел в ее колючие глаза, которые раньше светились и улыбались ему, и понимал, что ничего не хочет спрашивать. Ничего не хочет знать. Если все не так, как он думал... то Мая предпочел бы остаться в неведении.

Он покачал головой и отвернулся, показывая, что разговор его не интересует, и он не намерен его продолжать. Но Коин скомандовал Сорине «говори», и она заговорила.

- Ты, наверное, винишь во всем меня, думаешь, что я подлая? – догадалась она. – А мне все равно, что ты обо мне думаешь. Просто я была умнее тебя, Мая. Ты очень глупый и недалёковидный, ты никогда не задумывался всерьез о будущем своего племени. Что будет, когда вождя не станет? Ты займешь его место? Из тебя никудышный вождь... но не это главное.

Она замолчала, ожидая от Маи хоть какой-то реакции на свои слова, но юноша по-прежнему лежал, отвернувшись от нее, и будто не слушал. Это злило Соринку, в тайне она хотела, чтобы бывший возлюбленный рассердился на нее, накричал или даже ударил – тогда бы она полностью искупила перед ним свою вину.

Но Мае было все равно. Он боялся, что слова эти причинят ему боль, боялся признания девушки, которую любил, в предательстве, но когда она говорила, он не почувствовал ровным счетом ничего. Наверное, Коин убил в нем все чувства к этому миру, кроме ненависти к нему самому.

- Самое главное, - продолжила Сорина со злобой в голосе, словно обвиняя в чем-то юношу, - что ты настолько глуп, что никогда не думал о том, кто станет вождем наших соседей.

Тут Мая вздрогнул. Действительно, он никогда не размышлял об этом. Он пока еще не понимал, к чему клонит Соринка, но предчувствие чего-то нехорошего, что он упустил из виду, появилось в груди.

- После Лабарта вождем станет Коин, - девушка озвучила всем известную истину. – Сейчас власть обоих вождей еще сдерживает его, но когда все поменяется – он

поработит все наше племя, потому что по сравнению с ними, воинами, мы слабаки, а ты ни на что не годен и не сможешь защитить нас! Как Имма этого не понимает! Тогда мне пришлось взять все в свои руки. Я спасла все наше племя ценой одного обмана, - в ее голосе прозвучало торжество, - Коин всю жизнь охотится за тобой. И в нашу деревню он пришел бы за тобой. И все были бы несчастны. Поэтому я решила, что будет мудро просто отдать ему тебя, тогда он успокоится и не тронет нашу деревню. Это часть нашего договора: я отдаю тебя ему, он помогает мне бежать, выдает замуж за своего младшего брата и обещает никогда не трогать наше племя. Теперь ему и незачем – теперь он имеет тебя.

Мая удивленно молчал, ошарашенный известиями. Весь план Сорины не укладывался в голове, ему с трудом верилось, что все это правда. Он взглянул на Коина, стругающего ножом палку неподалеку, и Коин улыбнулся ему, подтверждая слова девушки. Так это правда... Он правда собирался идти на их племя войной. Лишь для того, чтобы добиться его, Май.

Теперь юноша был окончательно уверен, что Коин выжил из ума. Они никогда не были дружны, иногда дрались, вечно задирали друг друга, но Мая не предполагал, что эта детская вражда может зайти так далеко.

Еще было неприятно от осознания того, что Сорина оказалась умнее. Не только Май, их всех. Ему вспомнились слова Коина в тот вечер, когда он похитил его: «она достаточно умна, чтобы понимать, что происходит, но недостаточно мудра, чтобы скрывать свой ум от мужчин».

- Поэтому не вини меня, - сквозь раздумья Май прорезался холодный голос Сорины, - я не сделала ничего плохого. Просто обменяла жизнь одного дурака на жизни всего племени. Единственный, кто в чем-то виноват, Мая, это ты.

Она рывком поднялась с места и покинула хижину, не удостоив юношу и взглядом. В этот момент Мая был окончательно растоптан и не мог поверить, что так жестоко ошибался всю жизнь. В себе, в их безобидном, как ему казалось, соперничестве, в уверенности отца в светлом будущем племени под руководством мягкосердечного сына. В чувствах Сорины. Было похоже, что сейчас она ненавидела его...

- Не убивайся.

Задумавшись, Мая совсем забыл про Коина. Тот все еще стругал свою палку, не торопясь приближаться к юноше.

- Ты все равно ничего не мог сделать. Так что, наверное, стоит сказать ей спасибо... Все-таки, никто ведь не пострадал.

«Кроме меня», - мысленно ответил ему юноша.

«Значит, я все равно был обречен?»

Отчаяние снова подступило, схватило его своими уродливыми, холодными руками за

сердце. Но Мая, зажмурившись, гнал его прочь. Может, он и был обречен рано или поздно попасть в лапы Коиина... но сейчас все было в его руках. Это испытание, которое послали ему духи предков. В котором он должен доказать, что способен быть хорошим вождем – сильным, храбрым, выносливым. Справедливым и милосердным. Он простит Соринку за обман и предательство, и воздаст Коину по заслугам, и тогда вернется в свое племя с гордо поднятой головой, как благословенный предками, окрепший духом вождь.

- Ну и как тебе быть молодоженом? – хитро спрашивает Имма, пихая острым локотком в бок. У реки они стояли вдвоем: Лабарт помогал мальчишке раскинуть самодельную сеть. Своим вопросом Имма застал старшего друга врасплох – тот был сосредоточен на неправильно завязанных узлах и думать не думал о своей недавней женитьбе. А мальчишка все смотрел, хитро прищурился, словно подначивал.

Лабарт как-то странно улыбнулся: то ли растерянно, то ли смущенно, то ли затравленно. И пожал плечами.

Он правда не знал, каково это – для него в жизни ничего не изменилось. Да, он спал со своей женой в одной хижине, теперь она, а не мать, готовила ему еду, но Лабарт вовсе не был счастлив. Или наоборот – он вовсе не был несчастен. Для него не изменилось ничего.

Он не задумывался о том, что что-то идет не так. Не задумывался, почему не резвится со своей красавицей-женой каждый свободный миг, и почему из общего дома его тянет сюда, на эту сторону долины, к сопливному мальчишке, который даже толком не знал, как взрослые заделывают детей.

- Не слишком ли много времени ты проводишь со мной, а, женишок? – Имма продолжал безобидно подкалывать его, Лабарт улыбался, но в сердце его прокралась тревога. И правда. Он ведь должен быть сейчас там, со своей женщиной...

Эти думы показались юному воину слишком тяжелыми, и он отмахнулся от них.

- Не слишком ли дерзок ты задирать старшего, хотя сам еще и не целовался ни разу? – Лабарт подразнил в ответ.

- А с чего ты взял, что я ни разу не целовался? – возмутился Имма.

- А что, целовался? – усмехнулся воин. – Ни в жисть не поверю!

- Почему это? – сердито поинтересовался Имма. Лабарт понял, что задел его больное место. Наверняка все его сверстники уже целовались, у многих были подружки, а Имма был изгоем, с ним никто никогда не считался, никто из девушек не обратил бы на такого хлюпика внимания. Конечно, Имме было обидно и перед старшим другом – единственным другом, на которого он равнялся, - ему хотелось выглядеть достойно.

- Я целовался! – заявил Имма с вызовом. – И не один раз!

- Да? – Лабарт не удержал смешок, - И с кем же?

Мальчишка зарделся, глаза его забегали.

- Это неважно, - отрезал он. Видно, как в ясный день, что врет, и пора было бы Лабарту остановиться и не доводить дружеский спор до ссоры, но в нем вдруг разыграл охотничий азарт.

- Значит, ты утверждаешь, что умеешь целоваться?

- Да!

- По-взрослому? В губы и с языком?

- Да!

- Тогда докажи, - просто сказал Лабарт. Имма посмотрел на него удивленно.

- Как?

- Ну... поцелуй, например, меня. Или при мне поцелуйся с девчонкой. Тогда я сразу пойму, умеешь ты или нет.

- Вот еще! – Имма покраснел еще больше, задержал остервенело сеть, расправляя и собирая в руки края. – Больно надо!

- Что, нет у тебя девчонки? – догадался Лабарт. – Ну, тут нет никого, можно не бояться, что нас увидят. Целуй меня!

- Да ты с ума сошел? – обиженно заговорил мальчик. Похоже, что сейчас он не на шутку испугался, что его вранье разоблачат. – С чего это я буду с тобой целоваться?

- Чтобы доказать мне, что умеешь, - доходчиво пояснил Лабарт.

- Не буду я тебе ничего доказывать... - еще тише проворчал Имма. Лабарт понял, что никаких действий от него не дождется. Это других мужчин можно дразнить с уверенностью, что те поведутся, уязвленная гордость заставит их выполнять то, чего ты хочешь, а Имма слишком сильно трусил и шел на попятную.

Ни на мгновение Лабарт не задумался – что именно он собирается сделать? И с кем?

Он просто бросил сеть, шагнул к мальчику, схватил его за голову, разворачивая к себе, и впился губами в испуганно поджавшиеся мягкие губы. Имма сначала уставился на него своими широко распахнутыми глазами, потом, поняв, что происходит, затрепыхался и протестующее замычал, но Лабарт держал его крепко.

Он умел целоваться. И сейчас был намерен продемонстрировать глупому несмышленишу все свое умение в этом деле. Одних движений языка было мало, Лабарт ласкал и губами, и телесный контакт тоже был важен – он прижал мальчика к себе, крепко, но бережно удерживая его голову на месте и широкими жестами поглаживая напряженную спину.

Когда Лабарт отпустил его, то увидел, что в растерянных глазах Иммы обида борется с интересом. В тот же момент Лабарт понял, что зашел слишком далеко – одно дело дразнить, совсем другое - целовать кого-то насильно. Следовало немедленно обратиться все в шутку.

- Вот как это делают взрослые! – дружелюбно улыбнувшись, сказал он и похлопал мальчика по плечу. – Учись, в следующий раз удивишь свою девку!

Он снова принялся за сеть, как ни в чем не бывало. Имма ничего не ответил ему, замешкавшись, тоже схватился за сеть, которую выронил от неожиданности. Они вместе раскинули ее на заводи – лодки не было, чтобы плыть далеко. Лабарт как мог старался выглядеть непринужденным, болтал на разные темы, поучал, рассказывал о повадках рыб, Имма довольно быстро оттаял и тоже стал вести себя как прежде. К разговору о поцелуях они больше не возвращались.

Глава 20.

Утром Маю никто не растолкал. Он проспал непривычно долго, а когда проснулся, солнце стояло уже высоко. Сидеть в темной хижине ему надоело, поэтому, не обращая внимания на боль и слабость во всем теле, Мая пробрался ко входу и выглянул наружу через неплотно прислоненную дверцу.

Первым его порывом было отпрянуть и метнуться обратно вглубь хижины, притвориться спящим или просто отдыхающим. Но Коин заметил или услышал его, поднял взгляд от котелка над небольшим очагом, велел тихо:

- Проснулся? Вылезай.

Мая помешкал с минуту, но от котелка шел такой густой аромат, а в животе его было так пусто, что он все же решился и выбрался наружу.

Вокруг было пусто. В середине дня все племя было занято кто на охоте, кто в хозяйстве, только у хижины неподалеку сидела пожилая женщина с корытом. Иногда она бросала на двух молодых мужчин любопытные взгляды, а больше вокруг не было никого.

Мая сел у костра, не слишком близко — не знал, как должен вести себя теперь. Коин налил густой наваристой похлебки в чашку и протянул ему, выудил откуда-то свежую лепешку.

- Ешь, - приказал он и отвернулся.

Именно это Мая и собирался делать. Мясная похлебка оказалась такой же сытной, как и казалась по запаху. Мая быстро и жадно ел, с удовольствием разжевывая большие сочные куски мяса, но глиняная чашка оказалась слишком большой и он не справился со всем ее содержимым.

Когда он отставил в сторону посудину, Коин недовольно посмотрел на него.

- Съешь все!

- Но я больше не хочу. Мне не нужно столько...

- Доешь все, что осталось, - Коин был непреклонен.

Юноша не стал спорить дальше, ему не хотелось злить своего врага с самого утра. Он давился остатками похлебки, а когда закончил, почувствовал себя слабым и усталым.

- Пойдем, - Коин поднялся, подхватил что-то с земли и кинул в руки Маи. - Надень это.

Мая послушно развернул и надел на себя легкую накидку из тонко выделанной кожи. Коин не ждал его и уже шагал прочь, поэтому юноше пришлось поспешить за ним, преодолевая боль в бедрах и между ягодиц.

Коинн шел неспешным шагом. Они покинули деревню, прошли вдоль опушки и края озера и углубились в лес. Мая никогда не был в этих местах раньше, охотиться на земле другого племени было запрещено, все тропы и деревья выглядели для него ново. С тихим любопытством озираясь по сторонам и запоминая путь, юноша шел, с трудом переставляя ноги, изредка утыкаясь взглядом в широкую обнаженную спину своего проводника.

- Куда мы идем? - не выдержал Мая, когда потерялся в поворотах и в очередной раз споткнулся о торчащий из земли корень.

- Гулять, - глухо отозвался воин. - Тебе надо дышать свежим воздухом.

«Какая забота!» - Мая, пользуясь тем, что идет позади и его лица не видно, закатил к небу глаза.

Копье в правой руке, короткий кинжал в ножнах в набедренной повязке, лук перекинут через грудь и колчан с пернатыми стрелами за спиной — Мая не понимал, зачем Коинн так вооружился, словно шел на охоту. У него самого не было даже костяного ножа, и чувствовал он себя крайне уязвимо и неудобно. Если на них нападет дикий зверь, он даже не сможет защититься...

Но оказалось, что Коинн просто проверял расставленные ловушки. Первые две оказались пустыми, а в третьей в петлю угодил кролик. Коинн подхватил отчаянно дергающееся в воздухе животное за уши, стянул с вытянутой лапки петлю и ловко, мягко опустил зайца на землю. Тот, не долго думая, дал деру в ближайшие кусты.

- Этим летом мы поймали много зайцев, - зачем-то пояснил молодой воин, заново устанавливая ловушку и прикрывая петлю сухой травой и листьями. Мая отвернулся от него. Понятное дело, что Коинн отпустил добычу не по доброте сердечной — он должен был отпустить, чтобы оставшиеся зайцы расплодились осенью.

Прогулка быстро утомила Мая, но при этом он странным образом почувствовал себя лучше. От сидения взаперти его преследовала постоянная, почти незаметная, но надоедливая головная боль, и теперь, казалось, она наконец-то прошла.

По возвращении в деревню Коинн снова обильно кормил его, следя за тем, чтобы Мая съел каждую ложку. На этот раз у очага они сидели вместе с его женами, однако Мая лишь раз встретился взглядом с одной из них — это была та самая женщина, что позаботилась о нем после той страшной ночи.

Мая не стоило труда понять, что все они до дрожи во внутренностях боятся своего мужа. В отличие от Майи, они ничего не могли сделать, из года в год страдая под его гнетом — жалость затопила сердце Майи, потребность защитить этих несчастных женщин вспыхнула в нем, открыв неведанный ранее источник силы, а ненависть к Коинну росла и увеличивалась в разы.

«Такие, как он, не должны жить на этом свете!» - решил юноша, проглатывая последнюю ложку супа. Сидевший рядом Коинн закурил костяную трубку, выдохнул в небо сизое

кольцо. Приторно-сладкий дым разъедал глаза и раздражал ноздри, но Мая не смел сдвинуться с места без разрешения воина.

- Если захочешь пройтись, можешь смело бродить по окрестностям, - заговорил Коин, откинувшись на локти. Солнце медленно клонилось к земле, народу в деревне заметно прибавилось. - Ты здесь не пленник. Только не уходи далеко.

«Интересно, если я не пленник, то кто же? Для тебя?» - хотелось спросить Мае, но ни звука не сорвалось с его губ. Он думал о том, что уже вечер, и скоро пора ложиться спать, и что Коин наверняка захочет его тела, а тело Маи было измучено и еще одной такой пытки не выдержит.

Однако страхи юноши не оправдались. Он и женщины легли рано, Коин пришел гораздо позже и просто улегся, подоткнув под себя шкуры, даже не притронувшись к дрожащему от нервного ожидания Мае. Юноша долго не мог поверить, что сегодня его не будут мучить, прислушивался к ровному дыханию своего ненавистного врага, но, похоже, все было правдой. И Мая сегодня ночью мог просто спокойно спать.

И так продолжалось несколько дней. Коин ни жестом, ни словом не намекнул на то, что желает близости с Маей, ни разу не видел его юноша и с женами — словно Коин внезапно потерял интерес к телесным утехам. Это было так странно для Маи, что он попросту не верил. Не верил доброму отношению Коина, не верил в его затянувшееся воздержание и все время ждал, что Коин проявит грубость и жесткую напористость самовлюбленного самца, которую демонстрировал на протяжении многих ночей.

Это мирное сосуществование вместе казалось ему обманом, приманкой, на которую Коин хотел его поймать. Он не верил ни единой улыбке, ни единой ночи он не заснул вперед своего врага, ожидая подвоха. Но Коин не менял своего дружественного поведения, они по-прежнему ходили на прогулки, Коин поручал Мае какие-то несложные дела, брал его с собой на охоту, но никогда не давал в руки оружия, и не настаивал, когда пытался поцеловать, а Мая отворачивался от него.

Мая легко догадался, чего он хотел. Ввести в заблуждение, запутать своей лаской, привязать к себе, войти в доверие. Но ничего этого никогда не будет! Никогда. Что бы Коин не делал, Мая никогда не поверит ему.

Со временем он снова привык просыпаться с восходом солнца. Коин не спросил ничего, когда в предрассветный час Мая зашевелился на своем ложе и вскоре покинул хижину.

В утренних сумерках юноша прошел через деревню, слушая редкое чириканье птиц. Ноги сами принесли его к озеру, на высокий берег, с которого днем отлично был виден другой, заросший камышами и осокой край.

Эти мгновения одиночества и покоя нравились Мае больше всего — вокруг не были ни души, он был один, наедине с этим миром и со своими мыслями. И порой ему казалось, что слышит голоса — в шелесте травы, в шуме ветра в верхушках деревьев, в плеске воды от играющих рыб. Он не знал, кому принадлежали эти голоса, он так же не мог расслышать, что они говорили, но ему казалось, что они успокаивали его. И на душе в самом деле

становилось немного легче.

Солнце медленно поднималось над вершинами скал, обращая свой теплый и ласковый взор на пробуждающуюся ото сна долину. Мая закрыл глаза и подставил лицо под его лучи. Прохладный утренний ветер обдувал его со спины, по коже ползли мурашки, трава под ногами холодила утренней росой, а в кустах вокруг озера и в лесу неподалеку задорно выкрикивали приветствия местные маленькие пичуги.

В это утро Мая впервые почувствовал себя умиротворенным и уверенным в себе. Мир по-прежнему просыпался по утрам, был по-прежнему спокоен, радовался новому дню, ничего не изменилось вокруг. И в жизни Маи рано или поздно все вернется на круги своя. Не стоило изводить себя и волноваться.

«Все не так уж и плохо», - улыбался Мая самому себе, открывая глаза и встречаясь взглядом с замершей в нескольких метрах маленькой пушистой лисой. Несколько вздохов они смотрели друг на друга, Мая улыбнулся ей, как своему давнему другу. Лиса отвернулась, спустилась к воде и долго пила, а потом потрусилась вдоль берега к лесу, смешно виляя пушистым рыжим хвостом.

- Ты простынешь, - услышался сзади голос, чуть хриплый после сна. Впервые Мая не почувствовал раздражения, услышав его. И не дернул брезгливо плечами, когда Коинн накинул на них тонкую шкурку, задержав ладони чуть дольше положенного.

- О чем ты думаешь? - тихо поинтересовался Коинн. - Я давно не видел, чтобы ты так улыбался.

- Ну уж явно не о тебе, - Мая не удержался от колкости, а улыбка его приобрела ядовитое выражение.

Коинн ничего не ответил. Его тяжелые ладони снова опустились на плечи Маи, сжали сильно, но не больно. Как ни старался, Мая не смог прочесть в этом жесте угрозы. А когда Коинн приблизился, согревая жаром своего тела, и его губы коснулись шеи юноши, Мая не пошевелился.

Коинн вобрал в рот тонкую кожицу, ласкал губами, провел языком, оставляя влажную полоску. Несколько дней воздержания тут же дали о себе знать — близость и доступность желанного тела разожгли в нем готовый полыхнуть всепожарившим пламенем огонь. Коинн ткнулся в упругие ягодички своего возлюбленного вставшим колом членом и тяжело выдохнул, зажмуривая глаза.

- Ты больше не сопротивляешься? - с сомнением спросил он, обхватив юношу за грудь, с силой прижав к себе и не получив никакого определенного ответа.

- Ты же для этого привел меня сюда, - безразлично ответил Мая. И безразличия этого Коинн боялся больше всего. Его хватка ослабла, тяжелое дыхание прервалось и стало скорее гневным, нежели возбужденным.

- Нет, - его голос задрожал от скрываемой злости.

- А разве я не твоя четвертая жена? - спросил Мая с горькой усмешкой.

Коин отпустил его и отступил назад. Какое-то время он молчал, а потом обогнул юношу и стал спускаться к воде, чтобы умыться.

- Нет, - услышал Мая его сдавленный голос.

Он смотрел на широкую загорелую спину, на мускулы, перекатывающиеся под тонкой кожей, и представлял, как подходит сзади и пинает своего насильника ногой, а потом хватается за волосы и держит его голову под водой до тех пор, пока Коин не захлебнется.

Но это было невозможно — Коин намного сильнее его. Может быть, Мае и удалось бы подкрасться к нему незаметно и пнуть, но после Коин с легкостью отразил бы атаку и поменялся с ним местами.

Мая вдруг ужаснулся собственным мыслям.

«Я не могу мारать руки его кровью... я не должен. Иначе я стану не лучше него!» - думал он, невидящим взглядом уставившись перед собой. Затем он резко развернулся и пошел куда-то, не разбирая дороги.

«Я не смогу убить его, не смогу...» - билось в голове юноши, пока он двигался в сторону деревни. Неизвестно как он оказался у хижины и нырнул внутрь, желая спрятаться от всего мира. Но в хижине были женщины — расчесывали волосы и заплетали в косы крашенные ленты. Бежать обратно было бы глупо, поэтому Мая прошел к своему месту и упал на шкуры, отвернувшись к стене. Спиной он чувствовал чей-то назойливый взгляд, и, не выдержав, обернулся.

На него смотрел одна из жен Коина, по виду самая младшая. И смотрела она с нескрываемой ненавистью во взгляде больших карих глаз.

Мая решил не придавать этому значения, ему стоило сначала разобраться в себе. Он отвернулся обратно к стене и лежал так, даже когда женщины вышли наружу.

От очага потянуло едой. Мая не чувствовал себя голодным, да и Коина видеть ему не хотелось. Он снова был подавлен и опустошен, и погружен в тяжелые мысли, поэтому не заметил, когда в проходе показалась одна из жен Коина.

- Держи, тебе надо поесть.

Мая пораженно поднял глаза - женщина впервые заговорила с ним за эти дни. В руках у нее была дымящаяся чашка с кашей на молоке. Мая несмело принял ее, поблагодарил кивком и принялся есть, а женщина опустилась рядом с ним и рассматривала его. По правде говоря, юноше казалось, что Коин запретил своим женам разговаривать с ним, и сейчас забота женщины настораживала его. Он покосился на заслоненный плетеной дверцей проход.

- Коин ушел на охоту со всеми, его не будет до самой ночи, - женщина поняла его взгляд

и успокоила. - Хими́на последняя его жена, она его любит и ревнует к тебе. Но ты не обращай на нее внимания, она ничего не сделает.

Мая вспомнил ту девушку, что с ненавистью глазела на него с утра. Значит, ему не показалось, и не он один видел этот взгляд.

- А ты? - спросил он равнодушно, боясь быть слишком дружелюбным с незнакомкой, хоть та и помогла ему один раз, и сейчас принесла еды.

- А я уже слишком стара для этого, - горько засмеялась та.

Мая с любопытством посмотрел на нее – через пару лет эту женщину можно было бы назвать зрелой. Очевидно, она была гораздо старше Коина. Почему он взял ее в жены? Другие две его жены были явно молоды, последняя, Хими́на, совсем недавно созрела для того, чтобы делить с мужчиной ложе.

Замешательство отразилось на его лице, женщина с легкостью прочитала его и улыбнулась.

- Мой муж умер, никто не хотел брать меня к себе. Если бы не Коин, я бы жила одна в хижине на отшибе и стала бы «общей» женщиной. Не самая завидная судьба, - она снова печально улыбнулась. Мая подумал, что вряд ли она горела желанием стать женой самоуверенного и заносчивого сопляка, каким, несомненно, был Коин несколько лет назад и коим оставался и теперь. Но у нее не было выбора и она смирилась со своей участью, не такой уж и плохой, если задуматься.

Хозяйка в доме, первая жена будущего вождя – чем не удачное положение?

- Давно я не видела Коина таким увлеченным... - тем временем говорила женщина, словно вела беседу со своим давним другом, перебирая прядки на хвосте длинной косы. - Это чувство сводит его с ума. И он делает тебе больно, хотя хочет совсем другого... прости и пожалей его, дурака.

- Нет, - отрезал Мая грубее, чем следовало. Женщина ничем перед ним не провинилась. – Он не заслуживает ни моей жалости, ни прощения.

- Может, ты прав, - женщина улыбнулась, продолжая теревить свою косу. А потом подняла голову, взглянула на него, протянула руку и мягко потрепала волосы. – Ты сильный.

Искренняя ласка подействовала на измученного юношу как дурман-трава. Он замер под тонкой женской ладонью, прикрыл глаза – так гладила его мать, даже сейчас, когда он уже не был ребенком. Прикосновение напомнило ему о доме, сердце Май охватила тоска и странное волнение. Неужели есть кто-то, кто понимает его? Кто пожалеет, не унизив этим чувством, кто готов разделить его горе и его печаль.

И поцелуй в висок, целомудренный, полный материнской заботы и тепла, стал последней каплей для юноши. Он обессилено прижался щекой к горячей вздымающейся груди и

стиснул зубы, сдерживая слезы, пока чужие пальцы неторопливо перебирали пряди его волос.

- Поплачь, - тихо проговорила женщина, баюкая его на руках, словно ребенка.

«Не буду!» - отчаянно думал Мая, стараясь дышать так, чтобы она ничего не услышала.

- Ты красивый и сильный, - приговаривала женщина, лаская его волосы, - ты со всем справишься, духи дадут тебе столько терпения, сколько понадобится, и ты выдержишь все, что тебе уготовано испытать.

Потом она запела что-то тихо, успокаивающе. Мая сам не заметил, как слезы на щеках высохли, и как безразлично стало на душе – будь, что будет, он справится со всем, он сильный, он идет по своему пути, а духи не посылают испытаний тех, к которым живые еще не готовы.

Прямо под ухом слышалось тяжелое биение большого и любящего сердца. Мая внезапно осознал, что лицом прислоняется к женской груди, но не испытал ни капли смущения, как было раньше с Соринкой. Еще пару седмиц назад он бы устыдился этой близости, но сейчас ему было спокойно и приятно здесь.

- Ты когда-нибудь был с женщиной? – послышался такой же убаюкивающий голос сверху. Мая замешкался, пытаясь решить, стоит ли сказать правду или соврать, но женщина решила за него: пока он думал, осторожно взяла его руку и прижала к своей мягкой, упругой груди.

Мая сжал пальцы почти рефлексивно. Он уже позабыл, какое мягкое и манящее женское тело... в ладонь упирался твердый крупный сосок. Женщина гладила его по плечам, ласкала лицо, ее бедра были округлыми и зовущими. Мая тяжело задышал и повалил ее на шкуру, нависая сверху. Рука его скользнула к юбке, он не отрывал взгляда от возбужденно блестящих глаз, женщина кивнула ему, одобряя его действия.

Его руки исследовали ее тело — теперь никто не запрещал ему. Мая был возбужден и преисполнен любопытства, он знакомился с новым для него, искал, как сделать приятно. Но когда его руки легли на ее живот, Мая замер. Несколько мгновений понадобилось ему, чтобы понять, что именно он нащупал.

Он неверяще и вопрошающе посмотрел на женщину — зачем?

- Ничего, - прошептала она одними губами, - все в порядке, продолжай.

Возможно, оправившись от шока он бы продолжил. Но духи распорядились по иному. В момент его замешательства плетеная заслонка исчезла, впуская в хижину дневной свет, и проход загородила фигура.

Мая тут же испуганно метнулся в сторону, женщина кинулась в другую, одергивая юбку, но было слишком поздно. Коин медленно распрямылся, окидывая их угрожающим взглядом.

Сердце бешено стучало в висках, Мая не помнил, когда в последний раз ему было так страшно. Все события последних дней меркли перед тем ужасом, что он испытывал сейчас, глядя на застывшего у входа Коина. «Это конец!» - мелькнула паническая мысль, - «теперь он убьет меня...»

Женщина, имени которой Мая так и не спросил, загнанно дышала, не отводя напряженного взгляда от лица своего мужа — она ждала расправы, знала, какой она будет, но не была готова к ней. Рваные вздохи срывались с губ Маи один за другим, но ничего не происходило, никто из них не двигался, а Коин, прекрасный охотник с животными рефлексам, словно не верил своим глазам.

Затем он шагнул вперед, неуверенно, как будто под ногами его была не земля, а ненадежный, прогнивший деревянный мост. Потом еще, пока не оказался в середине хижины, между провинившимися, и вдруг кинулся на напряженного, как тетива, юношу.

С яростным рыком Коин обрушил на скорчившегося Маю кулак, тот успел закрыться руками, но был тут же схвачен за волосы и вздернут вверх. Он готовился к страшным, смертоносным ударам, но получил звонкую пощечину, от которой из глаз невольно брызнули слезы.

- Значит, на нее у тебя встает?! - рыкнул Коин ему в лицо. Мая зажмурился, чувствуя на коже брызги его слюны, снова поджался, ничего не отвечая. От него и не ждали ответа. Коин рассвирепел и стал бить его обеими руками, повалил на землю — Мая сжался в комок, думая, что сейчас его забьют насмерть.

Женщина жалобно вскрикнула, наблюдая за ними. Зря.

Коин услышал ее, резко повернулся, оставив юношу в покое, и двинулся к ней. Замахнулся и ударил, и женщина упала.

- Потаскуха! - прорычал он, снова заводя руку.

- Нет! - хрипло выкрикнул Мая, кидаясь вперед и хватаясь за ноги Коина. Посмотрел с мольбой вверх, в пылающие яростью глаза. - Не бей ее... Накажи меня, это моя вина!

Коин грубо отшвырнул его ногой, но Мая не сдался и снова обхватил его ноги руками.

- Не бей ее!.. - взмолился он, стоя на коленях. Мая никогда не стал бы молить Коина о пощаде для себя, но ради женщины готов был это сделать. - Она беременна!

Молодой воин замер, с неверием глядя на него. Затем перевел взгляд на испуганно вжавшуюся в стену женщину.

- Это правда? - хрипло спросил он. Та неуверенно кивнула.

Коин опустил руку, что все это время держал взнесенной для удара. На лице его читались растерянность, злость и досада.

- Прочь, - сдавленно проговорил он и толкнул Маю ногой, чтобы отцепился. Юноша послушно отпустил его и отполз в сторону, надеясь, что больше его не будут колотить. Воин развернулся и, пошатываясь, пошел к выходу, его сутулая фигура загородила проход, и вот он исчез, оставив юношу и женщину в хижине.

Мая тут же выдохнул нервно, с облегчением, ему не верилось, что все обошлось малой кровью. Он хотел спросить бедняжку, в порядке ли она, но женщина резко вскочила и убежала, не сказав ему ни слова. Когда Мая остался один, он смог наконец-то перевести дух. Тело снова болело, на следующее утро наверняка проступят синяки, но на этот раз они были честно заслуженными.

Почему Коинн вообще оказался здесь? Разве женщина не сказала, что он ушел со всеми на охоту? Почему же вернулся?

Этот вопрос не давал юноше покоя, но он и помыслить не мог о том, чтобы высунуть нос из хижины и пристать к своему врагу с расспросами. К тому же, его беспокоило чувство, что эта история еще не закончена, и Коинн вернется, как только переварит неожиданную весть и снова вспомнит об измене своей первой жены.

Глава 21.

Время шло быстро, осень сменилась зимой, по обыкновению теплой в закрытой со всех сторон долине, а следом пришла и весна. Солнце быстро прогрело землю, в плодородной почве всходили ростки, цвели луговые травы и деревья, повсюду стоял необыкновенный сладкий аромат, жужжание шмелей и веселые трели птиц доносились отовсюду.

Никто не ожидал, что очередная весна принесет еще одно горе в племя Растущих Семян. Впрочем, племени до смерти одной женщины не было дела, траур по ней носил только Имма, о котором та заботилась всю жизнь, словно о родном.

Когда Лабарт узнал о кончине тетки мальчика, шел уже второй день после погребального сожжения. Лабарт разозлился, что никто из его друзей ни разу не упомянул при нем этого, и, покинув недоумевающих братьев, отправился искать самого младшего. Тот нашелся в крошечной лачуге на самой окраине, где жил вместе со своей теткой.

- Почему ты сидишь здесь один? - спросил Лабарт, забираясь внутрь хижины и садясь рядом с понурым юношей.

- А где, по-твоему, я должен быть? - слабо поинтересовался он в ответ. Лабарт тяжело вздохнул, не зная, что ответить. Траур носили всей семьей или всей деревней, но, похоже, кроме мальчика случившееся никого не заботило: женщина была чудаковатой, никто не брал ее в жены, детей своих у нее не было, и от тоски она начала разговаривать с собой, пугаться чем-то, что видела она одна, а порою бредила во сне. Местный шаман считал, что разум и душа покинули ее, но так как женщина продолжала упорно работать и следила за мальчиком, про которого все забыли, ее не трогали и позволяли жить в племени дальше.

- Похоже, что горюешь ты один, - тихо заметил Лабарт. - Но хорошо, что у этой бедной женщины есть хотя бы один человек, который скорбит и будет о ней помнить.

- Она оставила эту хижину мне, - сказал Имма, потухшим взглядом уставившись на старшего друга. - Теперь я буду жить здесь. И сам заботиться о себе.

- Ты ночевал тут один? - догадался Лабарт и поежился от неприятных ощущений, когда Имма кивнул в ответ. Спать одному в хижине, где умер близкий человек — даже Лабарт не постеснялся бы признаться, что стучал бы зубами от страха всю ночь напролет. Души умерших иногда возвращались в свои дома и говорили с живыми, но у простых людей, в отличие от шаманов, не было никакого желания общаться с призраками мертвых.

- Сегодня я останусь тут с тобой, - Лабарт протянул руку и потрепал мальчика по голове.
- Нельзя быть одному, когда кто-то умирает.

И он остался на ночь. Они долго сидели у очага, грея руки, иногда молчали, иногда говорили о чем-то, и обоим было хорошо. Имма засомневался, стоит ли Лабарту оставлять свою жену без присмотра, но молодой воин заверил, что одну ночь та переживет. Проводить эту ночь с Тинной ему не хотелось, семейная жизнь не слишком ладилась и

вовсе не была медом, как о ней говорили старшие.

- С завтрашнего дня будем встречаться за деревней, на опушке леса, - сонно проговорил Лабарт.

- Зачем? - так же сонно пробормотал Имма.

- Я должен кое-чему тебя научить.

Юноша собирался спросить, чему именно друг собрался учить его, но пока размышлял над этим, усталость последних дней сморила его. Он уснул головой на коленях Лабарта, а тот глядел на его худые плечи, тонкие руки, отмечал, что мальчик начинает потихоньку развивать свои мышцы, но вряд ли когда-нибудь станет таким же крупным, как его братья или отец. Это немного все усложняло, но Лабарт не собирался менять своего решения.

- ... не опирайся сразу на обе ноги. Балансируй, тогда в нужный момент сможешь перенести вес и уклониться от удара.

Смазанное от скорости движение вперед, и кулак Лабарта замирает на расстоянии волоска от носа растерявшегося Иммы.

- Что ты стоишь? - пожурил Лабарт, - Видишь, что я собираюсь бить правой, уходи вниз.

- Но я не успеваю, я не вижу, ты слишком быстрый, - жаловался Имма, неосознанно отступая назад, когда друг стал снова нападать.

- Это придет с опытом, надо тренироваться, - выпад, еще один, но Имма продолжал пятиться, вздрагивая каждый раз, когда костяшки пальцев проносились у самого лица.

- Зачем вообще все это?

Мальчик устало опустил руки и выпрямился, выходя из надоевшей уже боевой стойки.

- Пригодится в будущем, - отрезал Лабарт. - Давай, еще раз!

- Зачем? Чтобы драться? Это плохая идея...

- Чтобы защитить себя!

- Если я буду сопротивляться, мне только достанется больше! - воскликнул Имма сердито.

- Как ты не понимаешь?!

- А если ты хоть раз надерешь одному из них жопу, никто больше не посмеет задирать тебя!

- За драку с братьями отец меня не похвалит, ты же знаешь, что он не любит меня...

- Никто не заставляет тебя драться с ними. Не они твои главные враги, а ты сам. Ты уже привык жить изгоем, быть вечной жертвой... ты вырастешь. Пора научиться постоять за себя. Защищайся!

И Лабарт снова напал, на этот раз не щадя мальчика. Уклониться тот не успел, удар пришелся в плечо, Имма вскрикнул и, потеряв равновесие, упал на землю. Тяжело выдохнув, Лабарт присел рядом с ним на корточки.

- Ты должен понять, что они так и будут считать тебя заморышем. А ты достоин большего. Ты можешь гораздо больше, чем быть просто мальчиком на побегушках.

Он протянул мальчику руку, чтоб помочь подняться. Несколько вздохов Имма обиженно смотрел на него, но потом, закусив губу, все же упрямо взялся за протянутую ладонь.

Их тренировки проходили почти ежедневно с того утра. Имма медленно учился всему понемногу, отражать удары и наносить их, Лабарт даже учил его некоторым своим секретным приемам: как ненадолго сбить противника с толку, оглушить его, как правильно поставить подножку. Не все эти приемы были честными, но Лабарт говорил, что в бою на жизнь все средства хороши, а мертвый тебя уже не осудит.

Имма не понимал, к чему все эти упорные занятия, зачем Лабарт так старается натаскать его. Но он становился сильнее, быстрее, ловче, и ему нравилось это чувство. И нравилось ощущение тайны, которую он хранил — никто в селении не догадывался о том, что хилак Имма не такой уж теперь и слабак.

- Не ввязывайся в споры и драки, - наставлял Лабарт после очередной тренировки, когда они полоскались в прохладной воде лесного ручья, смывая с себя усталость и пот. - Если кто-нибудь прицепится к тебе, лучше стерпи.

- Почему? - удивлялся Имма. - Разве не для этого ты меня учил? Чтобы я мог себя защищать?

- Да, - неуверенно отозвался друг. - Но неожиданность — сильнейший из твоих союзников, лучше ее побереги.

- Для чего? - спрашивал Имма. Но Лабарт не отвечал, ограничиваясь расплывчатыми пояснениями, что «в будущем это может пригодиться и даже спасти его жизнь».

Впрочем, у Иммы и без того не было желания ввязываться в ссору с кем либо. По своей природе он был тихим и никогда не держал зла на людей, а в последнее время у других не находилось повода на него сердиться: Имма исправно приносил пищу в племя, выполнял поручения старших, заботился о своем маленьком хозяйстве и хозяйстве своего племени.

Единственные, кому перемены в мальчишке не пришлись по душе, были его старшие братья. Насмешки, что то и дело слышались с их стороны, Имма пропускал мимо ушей, считая их обыкновенной дурачливостью и иногда — проявлением зависти.

В день летнего солнцестояния в племени Растущих Семян проводился обряд. Старшего сына вождя определяли наследником и будущим вождем, церемония длилась весь закат до темноты, а после захода солнца из своей лачуги на отшибе показывался шаман.

Лабарт был заранее извещен и приглашен на обряд, как хороший друг старших сыновей. В тот вечер он наблюдал за обрядом, сидя у самого огня, и недоумевал, почему на почетном месте находился Клеб, расписанный красками, в ожерельях из костей и венках из священных трав, а не Гирда, старший из всех оставшихся братьев.

- Я отказался, - прошептали над самым ухом Лабарта, и через мгновение рядом опустился Гирда.

- Почему? - так же шепотом поинтересовался юный воин.

- Это не мой путь, - просто ответил ему друг. Лабарт пытливо посмотрел на него, но по расслабленному лицу понял, что больше тот не будет ни о чем говорить. Что ж, особой разницы не было, кого выберут наследником нынешнего вождя... для Лабарта не было.

Стемнело. Ритуальные пения и пляски вокруг огня стихли, люди застыли, оборачиваясь назад, к окраине деревни, откуда медленно плелся древний старец. Никто не проронил ни звука, пока старик, опираясь на свою длинную кривую палку с черепом какого-то хищного животного на конце, не подошел к самому огню. Все молчали и когда он запел что-то сиплым голосом, вытягивая из-за пояса сушеные травы и кидая их в костер. Травы вспыхивали, тлели и дымили резким, противным запахом.

Старик продолжал петь, запрокидывая седую голову к звездному небу и возводя вверх сморщенные ладони. Лабарт видел, что глаза у него мутно белые, как молоко. От резких запахов и протяжного скрипучего пения ему стало не по себе, он прикрыл веки и положил голову на руки, чтобы удержаться в одном положении.

Пение вдруг прекратилось. Любопытствуя, Лабарт поднял взгляд на шамана — тот стоял, по прежнему обратив лицо к небу, и ничего не говорил.

«Слушает, что говорят ему духи», - догадался юный воин.

И вдруг старец опустил голову и посмотрел прямо на него своими пустыми белыми глазами. Лабарту показалось, что в них плещется белый дым, как от тех трав, что еще тлели и смердели на углях, на мгновение ему даже померещилось, что этот дым выплескивается из пустых глазниц и как туман через горы течет по старческому сморщенному лицу.

Лабарта пробил холодный пот, его затошнило. Голову словно придавило камнем, он содрогался от ужаса, но не мог отвести взгляд от пугающих молочных глаз старого шамана. Тот отвернулся сам, обращая свой слепой взор на ожидавшего его решения Клеба. За пояс его была заткнула обточенная кость, которой он должен был нарисовать знак на лбу будущего вождя, но шаман так и не взялся за нее.

- Духи уже выбрали будущего вождя племени.

Проговорил он ровно и, покрепче ухватившись за свой посох, развернулся и побрел прочь, обратно к своей одинокой хижине.

Женщины вокруг заохали, окидывая окаменевшего Клеба жалостливыми взглядами, мужчины зароптали. Духи не одобрили выбора Трерона, более того, решение уже было принято, и это значило, что вождь ошибся.

Трерон смотрел в след шаману сверкающими глазами, затем схватил своего сына за руку и велел идти домой. Гирда молча поднялся и последовал за братом, Лабарт оглянулся по сторонам, но Иммы нигде не нашел. Трерон говорил что-то людям, успокаивал, оправдывался за свою ошибку. Доверие к нему теперь было подорвано — вождь не имеет права ошибаться ТАК. Когда люди начали расходиться, Трерон направился в сторону жилища шамана.

- Что это значит? - воскликнул он, врываясь в крошечную лачугу старца.

- Это значит, что ты сделал неверный выбор, - терпеливо ответил старик.

- Твои духи ошибаются! - категорично заявил Трерон.

- Духи никогда не ошибаются, - так же спокойно возразил старик.

- Тогда ошибаешься ты! - вырвалось у мужчины. На это шаман ничего не ответил, продолжая слепо пялиться в огонь. - Если не он, кто тогда? Гирда? Он не поведет за собою людей, он во всем полагается на своих братьев...

- Значит, это не он будущий вождь твоего племени.

- Тогда кто?

- Этого духи мне не поведали.

- Не Гирда, не Клеб... Но Бизон умер! Я сам разжег под ним погребальный костер! Кто же? Имма? Твои духи вздумали подшутить надо мной? Или мне следует зачать еще одного сына?

- Может, будущим вождем должен стать вовсе не твой сын, - шаман пожал плечами. - Кто знает?

Предположение совсем не обрадовало Трерона, но оно по крайней мере все объясняло. Не его сын, а другой человек, со стороны... значило ли это, что вождю стоит начать присматриваться к молодым мужчинам племени и своим советникам? Чувство досады охватило Трерона — не для этого он растил трех своих старших сыновей. Он молча покинул хижину, забыв поблагодарить шамана, это тоже было ошибкой, недостойной вождя. Но о ней знал разве что сам старик, а он не собирался об этом болтать.

Глава 22.

От Автора: маленькая, да удаленькая. До конца осталось совсем немного)

Когда Мая наконец-то решился показаться из хижины, селение оказалось непривычно тихим и пустующим. Вокруг юноша не углядел ни одного мужчины – кажется, все действительно ушли на охоту, тут жена Коина не соврала. Но и других женщин поблизости не виделось, и это насторожило Маю.

Он не торопясь прошелся вдоль деревни, покружил у огромного кострища, где по вечерам собиралось все племя и где всегда находились женщины и дети, но так никого и не встретил. Преисполненный тревоги, юноша спустился к озеру и там, на берегу, обнаружил понурого глядящего на водную гладь Коина.

Казалось, что во всей деревне остались одни они – он и будущий вождь племени. Памятуя о том, в каком бешенстве видел Коина нынешним утром, Мая долго топтался на одном месте, не решаясь подойти ближе. Если молодой воин еще не успокоился, юноша рисковал попасть под горячую руку и огрести еще больше, но и возвращаться одному в пустую, словно покинутую племенем деревню Мая не хотел.

Решившись, он спустился к берегу, намеренно не тая своих шагов. Коин не обернулся. В то, что он не расслышал его приближения, Мая не верил – Коин был прирожденным охотником и наверняка уловил его присутствие еще когда Мая в нерешительности мялся на холме. Вернее всего было предположить, что будущий вождь не желал ничьей компании.

Маю мучило столько вопросов, но он не решался их задавать. Неловкость и опасение, что Коин все еще злится и снова ударит его, заставляли юношу кусать губы и с опаской поглядывать на широкую сутулую спину врага. Но время шло, в кустах настойчиво чирикали птицы, Мая уже устал стоять и мяться на одном месте, а Коин так и не поворачивался, делая вид, что не замечает его. Тогда Мая решил, что молодой воин все-таки не злится, иначе давно уже набросился на него.

- Почему ты не ушел со всеми? – спросил юноша осторожно, внимательно глядя на медленно и почти незаметнодвигающиеся плечи своего врага. Коин дышал глубоко и ровно.

- А ты рассчитывал, что я уйду? – вопросом ответил он.

- Нет, - Мая покачал головой, хоть Коин и не мог этого видеть. – Я ни на что не рассчитывал. Давно перестал.

- Тогда к чему этот вопрос? Ты явно не ожидал меня увидеть.

- Я спросил из чистого любопытства, - Мая раздраженно покривился. Разговор был глупым и злил его. – Так почему ты вернулся?

Внезапно его посетила внезапная догадка, совсем неприятная. Неужели, его обманули, подставили? Кто, та женщина, или другие две жены?

- Или ты и не собирался никуда уходить?

- Я собирался взять тебя с собой, - тяжело ответил Коинн, не замечая перемен в лице задумчивого юноши. – Но ты и без меня нашел себе развлечение.

- Это получилось случайно, - Мая булькнул это прежде, чем задумался, а почему вообще должен оправдываться перед Коинном. Он ничего ему не должен и уж тем более ему не за что чувствовать себя виноватым. Какую бы гадость он теперь не сделал – Коинн ее заслужил. Гораздо интереснее были слова молодого воина: действительно ли тот хотел взять его с собой на охоту? Значило ли это, что теперь Мае доверят оружие и доверят прикрывать спину врагу? Предположение было сомнительным, но именно это приходит на ум, когда слышишь от кого-то приглашение присоединиться к общей охоте.

- Она нравится тебе?

Вопрос Коинна застал юношу врасплох. Пока он размышлял, будущий вождь развернулся к нему лицом и поднялся на ноги, и теперь смотрел сверху вниз, но в его темном взгляде не было угрозы или ненависти.

- Кто? – рассеянно переспросил Мая.

- Моя жена.

- Нет, - юноша смутился и пожал плечами, - не знаю. Я никогда не обращал на нее или других особого внимания.

- Раздевайся, - послышался неожиданный приказ. Кажется, приходить сюда в самом деле было ошибкой. Мая поежился как от холода, по спине пробежала дрожь омерзения. Коинн собирался сделать это прямо здесь, у всех на виду? Пусть в деревне и было пусто, к озеру в любой момент мог кто-то прийти.

- Зачем? – горло пересохло и голос Маи прозвучал надломлено. Он попятился назад, спотыкаясь о кочки. – Тут?

- Да, - кивнул Коинн, приближаясь, - тут. Снимай одежду.

Мая побоялся возражать молодому воину, настроенному совсем не дружелюбно, и потянул с плеч накидку. Ну и что, что их кто-то увидит. Он и так замарался в этом по уши, главное для Маи было перетерпеть и выбраться из плена живым. Коинн тем временем отошел в сторону, наклонился и обмотанной шкурой рукой стал рвать траву. Когда он выпрямился, Мая увидел пышный пучок остролистой огонь-травы.

Страх его тут же сменился возмущением и обидой. Его что, сейчас будут пороть, как маленького непослушного ребенка? Да лучше бы Коинн ударил его! Это было бы наказанием, достойным мужчины! Мая снова попятился, торопливо натягивая

набедренную повязку обратно.

- Стой! – хрипло проговорил он, следя за приближающимся воином с недоверием. – Ты же не будешь...

- Буду, - заверил Коинн, - еще как буду! Становись на четвереньки!

Мая всерьез вознамерился бежать, но Коинн оказался проворнее: неизвестно как очутившись рядом, он поставил юноше подножку и тот плюхнулся на колени как раз в нужной позе. Огладив обнажившиеся круглые ягодицы ладонью, Коинн звонко шлепнул своего неверного любовника и замахнулся другой рукой.

- Ух! – сдавленно вскрикнул Мая, почувствовав, как обжег кожу пучок ядовитой травы. Само наказание можно было перенести молча, стерпеть, но самое страшное будет после того, как порка закончится. Представляя, что ждет его впереди, Мая кусал губы и тяжело дышал, считая удары и слушая наказания Коинна.

- Будешь еще на чужих жен заглядываться... - цедил он сквозь зубы, ритмично стегая жгучим пучком по красным ягодицам. – Щенок! Решил хоть так нагадить, отомстить? Я тебя проучу! Еще хоть раз рядом с бабой увижу, буду каждый вечер яйца в траве полоскать, не до баб тебе будет!

Угрозе Мая внимал, хоть и без того не собирался с чужими женщинами заигрывать. Да и не посмотрит на него тут никто, ведь он всего лишь слуга, помощник, в этом племени он даже не мужчина. И клялся себе, что подобного больше не повторится.

Позже Коинн все же ушел на охоту, не удостоив забравшегося в воду Маю и взглядом. Юноша просидел на глинистом берегу почти до полудня, стараясь притупить жжение, но то и дело морщился и ругался шепотом, натирая холодной глиной зад.

После полудня в племя вернулись женщины, неся в руках корзины, полные фруктов, трав, корешков и ягод, и принялись за готовку обеда. Мая спрятался ото всех в хижине, устроившись на самодельной подстилке из свежих прохладных листьев, и не покидал ее до самого вечера. Когда стемнело, зад его все еще горел.

Ночью Коинн к нему не притронулся, женщины улеглись тихо, зная, что муж нынче не в духе. На следующий день все снова покинули деревню, и Мая остался один. Вылез из укрытия на свежий утренний воздух, сел у маленького кострища перед хижинкой и принялся стругать камешком фигурку из куска дерева, который нашел неподалеку. Полено это наверняка предназначалось для выделки стрел, но Мая взялся за него из вредности и стал вырезать медведя.

Тяжелые шаги позади себя он услышал издали, и, обернувшись из любопытства, нахмурился и вернулся к своему занятию. Видеть Соринку он хотел даже меньше, чем самого Коинна. К тому уже как-то привык, да и с мыслью сроднился, что рано или поздно освободится от него и пойдет своей дорогой, а Коинн поплатится за все, что сделал. Соринка тоже расплатится за свое предательство, но разговаривать с ней Мая все равно не хотел. Не о чем им было разговаривать.

Девушка подошла к кострищу и тяжело опустилась на бревно напротив юноши. Мая не взглянул на нее, показывая тем самым свою крайнюю занятость и нежелание с кем-то общаться. Но Соринку его желания и нежелания волновали мало, она все сидела молча, сгорбившись, и смотрела на черные давно остывшие угли.

- Что, злишься на меня? – промолвила она сдавленно. Видно было, что не в настроении с самого утра. Зачем пришла?

Мае этого знать не хотелось. Он не стал отвечать и ничего спрашивать. Если она и вправду стала женой кому-то из племени, находится здесь ей было не положено, но это уже не его дело и не его вина.

- Вижу, злишься... - усмехнулась девушка и пошевелила ступнями, зарываясь пальцами в примятую траву. – Может, и есть за что...

Признание это Маю откровенно шокировало. Неужели, Соринка сожалеет о содеянном? Но прощать ее он все равно не собирался, ведь ничего уже назад не воротишь, как бы ты не сожалел. Предательство есть предательство, свидетельство продажной и гнилой души.

- Но знаешь, твой Коин не такой уж и плохой, - вздохнула вдруг Соринка, а Мая нахмурился еще больше. Только таких вот разговоров ему и не хватало... Он подавил в себе желание встать и молча уйти, и продолжил водить острым краешком камня по дереву.

- С придурью он, конечно, - продолжала Сорина, будто размышляя вслух. Сам Коин ее что ли, подослал? – Но поладить с ним можно. За таким мужиком как за горой.

«Сама бы с ним ладила!» - чуть было не вспылил Мая, но вовремя успокоился. Разговор этот начинал его откровенно злить. Дураки неисправимы!

- И он любит тебя, - добавила девушка тихо.

«Любит, - губы юноши тронула горькая и ехидная улыбка, - благо, хоть не каждую ночь... подавился бы он своей любовью!»

Но вслух он ничего не сказал.

- А я беременна, - бросила вдруг Сорина странным голосом.

Тут Мая не выдержал и все же подал голос:

- Поздравляю, - сказал он. От всей души. Ему-то об этом зачем сообщать? Но в следующий момент он понял, почему Сорина пришла сюда и почему сидела тут, пустыми глазами глядя на угли.

- Не любят меня здесь, - проговорила она дрожащим голосом. – Терпят.

Мая продолжал заниматься своей фигуркой – теперь в бесформенном куске древесины можно было распознать медвежью голову с небольшими круглыми ушами и очертания разинутой зубастой пасти. Жаловаться пришла Сорина. На несчастную жизнь свою, на судьбу, а Мая ее жалеть не собирался.

- Не догадываешься, почему? – с насмешкой спросил он у девушки. Та подняла на него вопросительный взгляд, и ему пришлось пояснить. – Наверняка знают, как мы сюда попали. А гнилую душу любить не будут, в лучшем случае – станут терпеть.

Соринка протестующее замотала растрепанной светловолосой головой.

- Не знают, не могут они знать. Это все Лабарт, он меня на дух не переносит... и муж мой. И Коин... А у них знаешь, сколько власти? Остальные это видят и меня тоже... за человека не считают.

Голос девушки задрожал от слез. Чего она хотела от Майи? Чтобы тот заступился за нее? Юношу такое предположение рассмешило.

- А ты не заслуживаешь этого, так? – догадался он. Сорина молчала. Чувствует себя виноватой, уже хорошо. – Чтобы к тебе по-человечески относились, самой надо человеком быть, - наставительно сказал Мая. Соринка понуро опустила голову и затряслась, утирая слезы руками.

- Я все правильно сделала! – почти выкрикивала она. – Так было правильно! Если бы все оставила, как есть, всем было бы хуже... я ведь уже говорила тебе. Коин твой... с придурью!

- Так если все правильно сделала, - Мая не на шутку разозлился, даже голову поднял и посмотрел на зареванную предательницу, - чего тогда сидишь тут и сопли по лицу размазываешь?

- Ууу, - отозвалась Соринка и долго сидела плакала, ничего не говоря. Мая к тому времени достругал свою фигурку и с досадой отложил ее в сторону – медведь получился огромным и угловатым, страшным, и ему не нравился.

- Я убежать хочу, - донеслось тихо от девушки. Мае слушать ее уже надоело, он поднялся, собираясь уйти обратно в хижину.

- И куда пойдешь, брюхатая? Кому будешь нужна? Или ты просишь моей помощи? Это ты зря. Меня это больше не касается, я сам тут в неволе, по твоей, между прочим, вине. И дома тебя тоже не примут... впрочем, как и меня.

Он оставил Соринку одну, не намереваясь больше портить себе настроение такими разговорами. Жалко ее ничуть не было, напротив, Мая чувствовал что-то, похожее на торжество: радовался, что видит, как мерзавка получает по заслугам. Девушка сидела на бревне, обняв себя руками, и раскачивалась из стороны в сторону, глядя прямо перед собой. Мая спрятался в хижине и больше оттуда не выглядывал.

Глава 23.

Имма летел через сгущающиеся сумерки леса, от страха не чувствуя под собой ног. Спотыкаясь о невидимые в темноте корни, он бежал вперед без остановки уже долгое время, тревожно глядя только перед собой и не решаясь оглядываться. Руки его были изодраны в кровь, но он не чувствовал боли, снова и снова отталкиваясь от возникающих прямо перед лицом стволов. Ему казалось, что за ним гонятся, и погоня следует по пятам – стоит помедлить хоть мгновение, и он снова окажется поваленным на землю и... и только духам известно, что тогда случится.

Он заметил, что в последние дни его старший брат Клеб смотрит в его сторону как-то странно. Привычного презрения в его взгляде не убавилось, но угроза и ненависть, искрами сверкавшая в темных глазах, заставляла Имму вздрагивать и зябко ежиться, поспешно отворачиваясь и убегая прочь. Однако мальчик совсем не ожидал, что однажды вечером брат явится в его маленькую хижину на окраине и, не промолвив и слова, примется избивать.

- За что?! – хрипло вскрикивал Имма, закрываясь руками, а Клеб продолжал бить его, методично и зло, сверкая глазами. – За что ты...

- Это ты, - схватив за волосы, Клеб выплюнул прямо ему в лицо. – Это можешь быть только ты, и я не позволю какому-то полудохлому сопляку встать у меня на пути и взять власть в свои руки!

- О чем ты говоришь? – растерянно пролепетал Имма, огромными глазами вглядываясь в перекошенное от ярости лицо брата.

- Может, ты пока этого не знаешь... - пробормотал тот, встряхивая его в руках, - но это дела не меняет. Ты мешаешь!

Имме казалось, что Клеб помешался рассудком. Другой причины, по которой родной брат мог так внезапно наброситься на него, мальчик просто не видел. Ему всегда было страшно, когда старшие били его, но сейчас от ужаса даже в глазах потемнело – хижина на обочине, если Клеб не опомнится, то забьет его до смерти, и вряд ли во всей деревне кто-то спохватится о нем скоро. Разве что Лабарт, но и тот не приходил к ним каждый день...

Он забился в руках брата, силясь вырваться. Клеб отпустил его, и Имма упал на землю, тут же разворачиваясь, чтобы убежать, но удар ногой сбил его с намеченного пути. Мальчик взвыл от боли, скрючившись у стены.

Клеб приблизился к нему. В руках брата мальчик разглядел костяной кинжал, и в ужасе замер.

- Ты вообще не должен был родиться, - проговорил старший, подступая ближе. – Ты слабак, сплошное недоразумение... таких душат в младенчестве, не понимаю, почему мать не сделала этого. Они думали, что ты не выживешь, а ты выжил, и теперь присосался к нам, как паразит. Так умри!

Клеб замахнулся. Повинуясь инстинктивному порыву, Имма со всех сил ударил его под колено и дернулся вперед, чтобы не оказаться под тяжелой тушей старшего брата. Не дожидаясь, пока Клеб опомнится, мальчик ломанулся сквозь стену, с треском проломив сплетенные ветки, и пустился в укрытие леса, не разбирая дороги.

Так он и несся, не смея замедлиться и обернуться. Он не слышал ничего, кроме оглушительного биения в голове и груди, собственного тяжелого дыхания. Окрик брата эхом раздавался в ушах Иммы: «Беги! Беги и не возвращайся!», и он бежал.

Когда силы окончательно покинули его, мальчик упал на мягкий холодный мох и огляделся, но вокруг были только смутные очертания стволов. В деревне и на полях, может быть, было еще достаточно светло, но здесь, под кронами могучих деревьев, совсем стемнело.

Имма поежился от холода и страха.

В лесу обитали свои жители, многие из которых были не прочь закусить безоружным одиноким мальчишкой. Сидеть дальше и переводить дух было нельзя. Имма снова поднялся на ноги и стал бродить вокруг, пытаясь найти дерево, на которое смог бы взобраться. Найти путь домой посреди ночи он не сможет, да и вообще возвращаться в ближайшее время не рискнет.

Вскарабкавшись по стволу как можно выше, Имма расположился на расходящейся ветке, одну руку подложив под подбородок, другую свесив вниз. Сама ветка и ее разветвления были достаточно широкими и крепкими, чтобы не опасаться случайно упасть.

Долгое время мальчик вслушивался в тишину спящего леса: изредка где-то внизу шуршал ночной зверек, шелестела над головой листва от ночного ветра. Он замерзал, и холод не давал ему заснуть. К середине ночи он слегка задремал, но под утро, когда в предрассветный час на траве оседал легкий налет инея, проснулся снова, и сидел, прислонившись к стволу дерева, до тех пор, пока не рассвело.

После побоев тело его ужасно болело. Не удержавшись по пути вниз, он все же свалился на землю, больно приложившись о корни спиной. Опыта в выслеживании добычи у него было немного, но по собственным следам мальчик все же нашел путь обратно к деревне: проложенную им тропу было несложно разглядеть.

Появляться в самом селении Имма не решился. Он обогнул деревню, стараясь держаться подальше, и побрел к середине Долины, где в ручье напился прохладной воды и в густом кустарнике, прячась от опаляющего солнца, свалился спать.

Лабарт наткнулся на него совершенно случайно. Старший сын племени Глубоких Озер направлялся в деревню Растущих семян, когда на полпути услышал шорох в кустах и остановился, хватаясь за костяной нож.

Шевеление в кустах повторилось. Лабарт приблизился, готовый напасть на куропатку, подбирающую опавшие сморщенные ягоды в зарослях давно отцветших кустов, но вместо

этого наткнулся на перепуганного и чумазого мальчишку.

- Ты что тут делаешь? – оторопело спросил Лабарт, раздвигая ветви шире и оглядывая фигурку Иммы удивленным взглядом. Тот был вскочен, как после драки, на скуле наливался здоровый синяк, губы разбиты. По всему телу, где кожу не скрывала одежда, тоже ползли припухлости и синяки. – Что случилось?

Несколько вздохов мальчишка смотрел на него пронзительным испуганными глазами, будто ждал, что Лабарт набросится на него, а когда понял, что перед ним друг – кинулся вперед и вцепился в молодого воина обеими руками. По тому, как вздрагивали худые расцарапанные плечи, Лабарт понял, что Имма плачет.

Он обнял мальчика в ответ, стараясь не задевать израненные плечи.

- Ну-ну, тише, - пробормотал Лабарт, смущаясь собственной нежности, и погладил беднягу по голове. – Что с тобой приключилось? Кто обидел тебя?

Имма рассказал ему все, захлебываясь слезами. Как Клеб пришел в его хижину и набросился на него, как нес какую-то чушь, которая для Иммы не имела никакого смысла, а для Лабарта оказалась вполне ясна, как брат собирался его убить и он убежал, и как ночевал один в лесу, взобравшись на дерево, и как на утро побоялся возвращаться назад. Лабарт на протяжении всего рассказа рассеянно поглаживал мальчика по худой и гладкой спине и отстраненно о чем-то думал.

- Но почему он это сделал? – спросил Имма, закончив свою историю. – Почему накинулся на меня и захотел убить?

- Не знаю, - осторожно ответил Лабарт и посмотрел на него странно, словно что-то прикидывал в уме. – Пойдем со мной. Я покажу тебе место, где можно спрятаться, пока все не утрясется... И не волнуйся. Я со всем разберусь. Наверное, Клеб просто был не в себе и не осознавал, что делал.

Имма поверил ему.

Вместе они углубились в лес, что находился на ничьей земле, и Лабарт вывел их к небольшому лесному озеру.

- Как красиво, - вздохнул Имма, все еще икая после долгих слез.

- Вода здесь теплая, искупайся, - велел Лабарт. – А я пока схожу в деревню и поговорю с твоим братом. Но никуда отсюда не уходи и ни с кем не разговаривай!

Имма послушно кивнул и стал стягивать с себя одежду, не стесняясь присутствия старшего друга. Зато Лабарт внезапно смутился. Казалось бы, почему? Он и раньше купался со своими друзьями, стесняться друг перед другом им было нечего. А сейчас Лабарт чувствовал, как горит лицо и как утяжеляется его дыхание.

Он смотрел на обнажающегося мальчика, стоящего к нему спиной, и не мог оторвать

взгляда. Стройное молодое тело вызывало у него странное чувство, желание прикоснуться, смять в руках упругие круглые ягодицы... Лабарт сглотнул ставшей вязкой слюну. Совсем недавно он смутился своего порыва обнять мальчишку, а сейчас всей душой и всем телом желал приласкать его, успокоить, лаской заставить забыть все невзгоды и защитить его собой, пометить, чтобы больше никто не смел к нему прикоснуться.

Лабарт опустил взгляд вниз, и, заметив, что его набедренная повязка оттопырена налившимся силой органом, попятился назад. Имма не должен этого увидеть! Он ломанулся сквозь кусты, громко ломая ветки и сухие корешки под ногами. Имма удивленно обернулся на шум, но увидел только удаляющуюся спину своего товарища.

Лабарту потребовалось время, чтобы привести себя в порядок. К тому времени, как он ступил в деревню Растущих Семян, ничто во внешнем облике молодого воина не выдавало его недавнего смятения.

Он застал братьев за заточкой ножей. Присел рядом, как ни в чем не бывало, и завел разговор. Гирда и Клеб вели себя как обычно, кажется, исчезновение Иммы еще не было никем замечено, а их самих волновало мало.

- По пути сюда я видел вашего младшего, - обронил Лабарт как бы невзначай посреди разговора. Клеб встревожено глянул на него, Гирда не отрывался от своей работы.

- И что? – в голосе Клеба прозвучал вызов. Лабарт пожал плечами.

- Ничего, - ответил он. – Просто удивился, что отлынивает от работы. Он явно направлялся к реке, купаться.

- Разберемся с ним, когда вернется, - пообещал Клеб и снова вернулся к заточке ножа, но вскоре вспомнил о каком-то срочном деле и удалился. Гирда и Лабарт остались наедине, и от Лабарта не скрылось то, как задрожали руки его друга.

- Что? – с усмешкой спросил молодой воин, - Хочешь мне что-то сказать, Гирда?

- Нет, - парень покачал головой. За все время он ни разу не поднял на друга взгляда.

Лабарт тоже молчал, раздумывая, как именно лучше действовать. Было очевидно, что это Гирда натравил своего недалекого и алчного брата на мальчишку, непонятно только было, зачем он это сделал. Но спросить прямо Лабарт не решался. Пока. Да и засиживаться тут не стоило...

Выждав еще немного, молодой воин тоже сослался на дела в своем селении и покинул деревню. Однако путь его лежал не домой, и не к лесному озеру, где его дожидался Имма, а к реке, куда, несомненно, попавшись на хитрую уловку, отправился Клеб.

- Можешь возвращаться домой, - голос Лабарта вынудил задремавшего от скуки Имму покинуть царство сладких снов. Мальчик поднял голову и недоверчиво воззрился на своего старшего друга, присевшего рядом.

- Тебе больше нечего бояться, - заверил Лабарт.

- Ты поговорил с ним? – догадался Имма.

- Да, он больше и пальцем тебя не тронет.

- Он сказал, почему так разозлился на меня?

- Да, - кивнул молодой воин, отводя в сторону взгляд, - он был расстроен из-за того, что обряд посвящения сорвался и его не нарекли будущим вождем. Поэтому он разозлился на тебя, подумал, что ты собираешься занять его место.

- Но ты же сказал ему, что я не собираюсь? Какой из меня вождь! Это глупо...

- Он был не в себе, но сейчас со мной согласился. Давай, иди домой и ни о чем не беспокойся.

Вопреки словам друга, которому доверял больше, чем кому либо, Имма все же встревожено озирался по сторонам, когда шел по деревне к своему дому. Но никто не обращал на него никакого внимания, будто его отсутствие не было замечено за весь день. По пути он не встретил ни Гирду, ни Клеба, ни отца, и порадовался этому. Наскоро залатав проделанную в стене дыру, Имма принялся за приготовление ужина. Со вчерашнего дня он ел только ягоды и фрукты, найденные в лесу, и очень проголодался.

Ранним утром юношу разбудил непривычный шум. Выглянув из своего крохотного жилища, Имма увидел, что все селение гудит, как улей, а воины снуют туда-сюда. «Неужели на нас напали?» - первая мысль повергла его в шок, Имма подобрался, схватился за свой лук и выбежал из хижины. Он кинулся к большому кострищу, где собирались жители деревни, но на него по обыкновению никто не обращал внимания.

- Что происходит? – спросил Имма, привлекая внимание стоящего рядом воина прикосновением к предплечью.

- Клеб, - коротко ответил мужчина. – Он ушел прошлым утром и не возвращался.

Несколько вздохов Имма молчал, рассуждая об услышанном. Первым порывом его было сказать старшему воину, что стоит спросить Лабарта, ведь он разговаривал с братом вчера, но что-то остановило Имму. Не произнося ни звука, он стоял, окруженный гомоном мужчин своего племени.

Стоит ли упомянуть о том, что накануне Клеб пытался убить его и прогнал из деревни? Похоже, что никто об этом происшествии не знал. В таком случае, что бы там не приключилось с Клебом, подозрения в первую очередь падут на него. А может ли быть, что Клеб отправился искать его, чтобы вернуть домой, и поэтому до сих пор не вернулся? Лабарт сказал, что сейчас брат сожалеет о содеянном. И бродит по лесу в поисках его, а Имма стоит тут, сытый и выспавшийся, и ведет бессмысленные диалоги с самим собой.

Тем временем поляна стремительно пустела – люди отправлялись на поиски сына вождя. Помощи Иммы в этом деле не спросили, но он, не обидевшись, решил поспособствовать поискам сам и отправился в лес, повторяя свой недавний путь сквозь страх и сумерки. До вечера он бродил по чаще, углубившись в заросли, куда вел его собственный след, но ничего, напоминающего присутствие в лесу другого человека, не обнаружил.

Когда же он вернулся к дому, в деревне было подозрительно тихо. Чувствуя недоброе, Имма пошел прямо к дому своего отца, чтобы там выяснить, чем увенчались поиски его непутевого брата. У входа в одну из хижин, что принадлежала Клебу, толпились люди.

Догадаться о случившемся было несложно. Но Имма, не веря своему предчувствию, подошел ближе и второй раз за день задал тот же вопрос:

- Что случилось?

На мальчика обернулись и посмотрели странными, мутными взглядами.

- Твой брат утонул в реке, - нехотя ответили ему.

Новость ударила, как гром среди ясного неба. Имма не верил своим ушам: Клеб отлично плавал, такого просто не могло случиться! Но мрачные лица вокруг словно говорили – может, и это случилось. Клеб утонул.

Не чувствуя ног, Имма побрел по деревне и в растерянных чувствах опустился у общего костра, где женщины собирались готовить ужин. На миг его посетила нелепая мысль: «не мог же он так расстроиться из-за ритуала, что решил свести счеты с жизнью...», но, испугавшись, поспешил отбросить ее.

Утром следующего дня Лабарта растрясла его молодая жена.

- Чего тебе? – спросил он грубо, с трудом разлепляя глаза. Ночью он плохо спал, снились ему дурные сны, туманные и холодные, но ничего из своих кошмаров Лабарт не запомнил. Судя по темноте, царившей в хижине, снаружи еще только светало.

- К тебе пришли, - пробормотала девушка, отстраняясь. Отношения у них не ладились, Тинна не любила находиться слишком близко к нему и все время сторонилась.

Проклиная раннего гостя, Лабарт поднялся с лежанки и выбрался из хижины. Удивление при виде Гирды, отрешенно застывшего в стороне, сразу же прогнало остатки сна из разума молодого воина. Внутреннее чутье подсказывало ему, что Гирда не просто так пришел к нему в столь ранний час. Молча он справил нужду, умылся холодной водой, запасенной с вечера, и присел рядом.

Гость пошевелился, по прежнему избегая смотреть на него.

- Прежде всего, - голос Гирды прозвучал странно тихо и бесцветно, - я хочу, чтобы ты знал, что я сказал всем в своей деревне, что иду сюда. Так что если со мной что-нибудь случится...

Он не закончил, но Лабарт прекрасно понял, о чем говорил друг. Догадался. Конечно же, догадался, ведь Гирда не дурак.

- Умно, - только и обронил будущий вождь племени Глубоких Озер.

- Я не враг тебе, Лабарт, - покачал головой Гирда. Лабарт усмехнулся себе под нос:

- Смею надеяться.

Некоторое время они молчали. Лабарту не терпелось узнать, зачем же пришел друг. Почему просто не рассказал о своих подозрениях в деревне? Затянувшееся молчание он использовал, чтобы подумать о том, что теперь делать с Гирдой и своим планом. Рисковать дальше было нельзя.

- Я знаю, что мои братья умерли не случайно, - так же бесцветно проговорил Гирда. Лабарт наконец озаботился взглянуть на него, но то, что увидел на лице друга, ему не понравилось. Лицо Гирды было лицом совершенно другого человека, не только выражение его, но и сами черты заметно изменились. Бесстрастная маска зрящего навечно застыла на нем.

- К обеим смертям ты приложил руку... - продолжил юный шаман, и только в этот момент его голос дрогнул.

- Значит, ты понимаешь, что тебе не стоит стоять на моем пути, - скорее заявил, чем спросил Лабарт. «Друг» был навсегда для него потерян, не только для него – для всех. Как только мужчина испытывал первое видение, он терял свое имя и положение в семье и становился отшельником, тем, кто живет на отшибе и почти не покидает прокуренной пахучими травами хижины.

Но Гирде удалось еще больше удивить Лабарта.

- Я ухожу из деревни, - сообщил он. - Мой путь сокрыт от меня, но я чувствую, что в нем будет много скитаний, и сейчас правильное время, чтобы начать искать свою собственную тропу.

- Так ты пришел попрощаться...

- Да, - Гирда кивнул. - Прощаться. И кое-что тебе сказать... я видел, кто станет вождем нашего племени. Твое появление в деревне не случайно. Ты убил моих братьев, но на это была воля духов, и я должен смириться. Никто не узнает о поступках, совершенных тобой.

- Значит, по-твоему, меня ведет воля предков? – предположение показалось Лабарту глупым, он чуть не засмеялся, скрывая волнение, которое охватило его после слов бывшего друга. Имя, ему нужно только имя, чтобы надежды подтвердились, или чтобы в мгновение рассыпались прахом... От одного только имени зависело все: будет ли он продолжать свой путь, или отступится, забыв о невозможном.

- А по-твоему, что ведет тебя?

- Кто станет вождем? – Лабарта волновало только одно. Он с нетерпением и внутренним трепетом ждал ответа.

- Тот, чьего становления ты добиваешься, - голос Гирды эхом повторил самые желаемые им слова.

Лабарт в облегчении прикрыл глаза и выдохнул. Имма будет вождем. Значит, все его старания не напрасны. И его поступки были predetermined, и за них не последует страшной расплаты... Теперь Лабарт был уверен в своей победе, в победе Иммы. Он был на верном пути!

- Сделай одолжение, - проговорил он, чуть свыкнувшись с радостной новостью, - когда будешь уходить из деревни... расскажи о своем видении отцу. Вождь должен начать готовить его.

Кажется, Гирда ничуть не удивился расчетливости друга и не расстроился, что Лабарт даже взглядом не удостоился поблагодарить его.

- В деревне Имму недолюбливают, - заметил юный шаман. - Ему придется тяжело.

- Это сделает его только сильнее, - Лабарт улыбнулся и покачал головой. Никто и не говорил, что путь к победе будет легким и ровным, порой, чтобы достигнуть цели, приходится переплывать бурные реки и преодолевать горные гряды. - Иди. И, Гирда, лучше не возвращайся назад.

Но Гирда покачал головой.

- Мне было еще видение. Не пойму, относится оно к будущему или прошлому... - он бросил на молодого воина туманный взгляд и тут же снова отвернулся, будто вид бывшего друга утомлял его, - но не все твои грехи предречены духами, а это значит, что расплачиваться за них будешь ты. Много людей пострадает. И тот, кто будет тебе дорог, тоже. И те, кто будут дороги тому, кто дорог тебе... до встречи, Лабарт.

Гирда развернулся и пошел прочь. А Лабарт глядел ему в спину. Догонять друга не имело смысла, больше им было нечего друг другу сказать, а последняя фраза, сказанная юношей, предполагала, что когда-нибудь они еще встретятся. Не скоро. В далеком-далеком «потом».

Лабарту очень хотелось верить, что оно никогда не наступит.

Глава 24.

От Автора: возвращаюсь к рассказу после длительного перерыва, чувствую, что повествование теперь немного выбивается из общего стиля. Ну да простят меня читатели) Предупреждение: кровавые и жестокие сцены в этой главе!

- Собирайся, - глухо бросил Коин, пиная еще спящего Маю под ребра. – Мы идем на охоту.

Услышав последние слова своего истязателя, юноша тут же распахнул глаза и сел на лежанке. Не послышалось ли ему? Но Коин ходил по хижине, подвизывал на щиколотках шкурки – явно собирался куда-то.

- Что? – Переспросил Мая хрипло. Нет, все-таки, ему послышалось... или Коин окончательно выжил из ума. Брать его на охоту? Давать в руки оружие? Доверить рабу, ненавидящему тебя, прикрывать твою спину? Не мог же Коин быть настолько самоуверен!

- Мы идем на охоту, - раздраженно повторил тот. – Что вылупился? Что-то не устраивает?

- Нет... все устраивает, - Мая завозился, нащупывая на полу свою одежду. – Просто странно это... кто же со мной идти согласится?

- Идем только я и ты, - бросил Коин и вышел из хижины.

Мая собрался так быстро, как только мог. Неверие и любопытство мешались в нем: что молодой воин задумал? Разве не боится, что оставшись с ним наедине с оружием в руках, Мая попытается убить своего врага?

Преисполненный недоумения и недоверия, Мая показался из хижины. Женщины варили похлебку в котле, Коин затачивал один из костяных ножей.

- Возьмешь его, - велел будущий вождь, протягивая нож Мае. Не веря тому, что видит и слышит, юноша покорно принял его в руки. И что дальше?.. – Поешь как следует, мы уходим на целый день.

Не чувствуя вкуса, Мая ел. Возможно ли, что это тот самый шанс, которого он так долго ждал... если они уходят только вдвоем, то у убийства не будет свидетелей. Юноша тряхнул головой – какие глупости в голову лезут от безысходности, он и раньше-то уступал Коину в честной драке, а теперь, измученный и исхудавший, даже подкрасться сзади без лишнего шума не сможет. Да если и подкрадется, и ему будет сопутствовать удача, и он завалит мучителя, убить не убьет – побоится грех на душу брать.

Они двинулись в лес, вдвоем, как Коин и говорил. Молодой воин шел впереди, открывая беззащитную спину плетущемуся сзади Мае. Юноша несколько раз касался прохладной рукояти ножа, воткнутого в короткие ножны на поясе, дрожащими пальцами, но никак не

решался... духу не хватало. И подсказывало что-то, что делать этого никак нельзя, по крайней мере, пока.

Мая доверял своим чувствам.

Вскоре у него получилось отвлечься от мыслей о мести и побеге, и пленник начал оглядываться по сторонам, наслаждаясь относительной свободой и прелыми запахами леса. По пути они наткнулись на полянку черники и ненадолго остановились, срывая кисло-сладкие ягоды и пачкая пальцы и губы в темном соку.

- Скажи, Коин... - неуверенно позвал Мая.

- Что?

- Ты доволен?

Вопрос пришел ему в голову неожиданно и еще большей неожиданностью стал для молодого воина.

- О чем ты?

- Ну, ты добился своего, притащил меня сюда, сделал своим рабом... я служу тебе, послушно раздвигаю ноги. Ты же этого хотел? Так теперь ты доволен?

Коин долго не отвечал, продолжая поглощать ягоды. Лицо его помрачнело.

- Нет, - наконец, выдавил он.

- А чего же ты хотел? – насмешливо поинтересовался Мая. Он уже наелся ягод и теперь сидел на земле, скрестив ноги, и глядел на неуклюжую массивную фигуру Коина.

- То, чего я хотел, уже никогда не будет... - отозвался враг. Мая хмыкнул – конечно, не будет. Ничего уже теперь не будет.

Внезапно Коин поднялся на ноги и шагнул к нему – огромный и грозный. Мая в ужасе дернулся в сторону, испугавшись, что его сейчас будут бить, но Коин опустился рядом с ним на колени и властно притянул к себе, смял сжатые в тонкую линию губы. Удивленный, Мая даже не трепыхался.

Коин прижимал его к груди, давил на спину, кусал за губы и терся о него пахом, и во всех движениях его чувствовалось некое отчаяние, как будто он ласкал своего любовника в последний раз. Мая по привычке уже не сопротивлялся, но и не отвечал. Даже когда его спиной уложили на мягкий мох и раздвинули ноги, молчал, безразлично глядя на просвечивающее через зеленые кроны высокое голубое небо.

Говорят, когда люди умирают, души их птицами возносятся туда, в самую высь, и оттуда наблюдают за живыми.

Пальцы Маи осторожно коснулись ножа, но дрожа, не двигались дальше. Должен ли он

сделать это? Хотят ли этого предки, это ли его и Коина судьба?

Будущий вождь враждебного клана целовал и ласкал его, как женщину, так нежно, словно он был сделан из хрупкого озерного льда. Трогал мягкие соски, прикусывал остро выступающие ключицы и все гладил живот и бедра, водил ладонями кругами вокруг понурого естества.

- Ну же, ну же! – хрипло шептал Коин, осторожно поглаживая вялый член юноши. Мая гаденько ухмылялся в небо. Тогда Коин наклонился и взял его в рот, заглотил, засосал, вырвав у юноши вздох не удовольствия, но крайнего удивления. Мая чувствовал, что его ласкают «там» так, как он и мечтать не мог, но тело его совсем не отзывалось на мягкие прикосновения языка. Наверное, потому что это был его враг, тот, кто столько раз унижал, истязал и насиловал его.

Он все ждал, когда же Коину надоест, когда он приступит к основному действию, и все это закончится.

Коин довольно скоро понял, что никакие его манипуляции не заставят юного любовника испытать возбуждение. Рыкнув раздосадовано, он придвинулся ближе, раскинул ноги юноши в стороны и лег сверху, рукой направляя себя внутрь.

Тут выдержка Май отказала, он вздрогнул и попросил слабо:

- Только осторожнее...

Боли он боялся по-прежнему.

Возможно, именно за этим Коин и затеял охоту? Ждал, что в лесу, за привычным занятием, юноша расслабится? И был так нежен именно поэтому... Осторожно вводил стоящий колом член, внимательно наблюдая за лицом пленника, смазывал слюной, не забывая поглаживать яички. И двигался медленно, желая доставить удовольствие, но тем самым причинял только больше мучений. Под его весом бедра Май болели так, что неудобство в терзаемом проходе казалось сущим пустяком.

Мая мужественно терпел, стиснув зубы.

- Давай уже, - не выдержав, прошипел он. – Двигайся быстрее!

- Тебе нравится? – Коин взглянул с надеждой. Мая закивал, уповая на то, что это поможет врагу спустить поскорее. Коин закачал бедрами быстрее, всаживая член в онемевшую от боли задницу юноши, и все смотрел в лицо, что хотел там увидеть? Мае было неудобно от его пристального взгляда и он закрыл глаза, откидывая голову на землю.

- Обними меня, - хриплый голос мучителя донесся сверху. Мая молча облапил его плечи руками и мысленно подгонял. – Скажи, что тебе нравится... скажи!..

- Мне нравится, - выдавил Мая через силу, морщась, так как Коин задолбился в него

сильнее, и дышать стал рвано, тяжело. Значит, уже близко! – Очень нравится... ужасно нравится... кончай, скорее...

Коин глухо взвыл, глаза его закатились. Он задрожал, вдавливая юношу в землю, конвульсивно двигая бедрами.

Мая выдохнул с облегчением. Ну вот и все... Коин обмяк на нем и закрыл глаза, пытаясь отдышаться. Рука его бестолково путалась в обрезанных волосах любовника, гладила возле уха, щекоча, вставать он не спешил.

- Ты тяжелый, - решил напомнить Мая, получилось сдавленно – воздуха в груди не хватало даже чтобы нормально дышать. Коин пошевелился на нем, вытянул из тугого прохода уже упавший член, и вдруг замер. Взгляд его наткнулся на безжизненный комок вялой плоти, лежавший на животе Маи. Но Коин ничего не сказал, отвернулся, стал поправлять одежду. Затем поднялся рывком и собрал с земли брошенные вещи: копье, мешок с водой и съестными припасами на день.

- Идем, - велел он и пошел по тропинке.

Мая торопливо поднялся с земли: спина затекла, бедра ломило, а в попе саднило, но он, не обращая на это внимания, не отставал от Коина. Взглядом он окинул полянку, оценивая нанесенный зарослям черники урон, и чуть сбился с шагу. То, что Мая увидел под одним из кустов, ему совсем не понравилось.

- Ну, чего ты? – окрикнул его воин, и Мая отвернулся, продолжая путь.

- Ничего, - покачал он головой. Коин зашагал вперед слишком быстро, будто торопился куда-то или от чего-то бежал. Тоже заметил следы? Вмятина в земле, широкая, с четырьмя углублениями – такая огромная лапа могла быть только у одного зверя, и тот давно не захаживал в Долину после того, как всю стаю извели.

Мая засомневался в том, что увидел. Могло ли ему показаться? Ведь он видел след издали, не подошел, не рассмотрел как следует. Может быть, какой-то другой зверь топтался на месте, взрыл землю, вот юноше и причудилось...

Они шли дальше, углублялись в лес без видимой цели. Вел ли их Коин куда-то или просто шел, выгуливал своего пленника? Зачем тогда дал тому нож? Солнце уже стояло высоко, когда Мая почувствовал голод.

- Не остановимся? – спросил он неуверенно в широкую спину Коина. Тот резко замер, опустил неслышно занесенную в шаг ногу назад и жестом показал «тихо, опасность».

Мая уверенно схватился за нож, чуть присел и стал озираться, ища неведомый источник опасности. Но, как ни старался, ничего не видел и не слышал.

Видимо, Коин был гораздо лучшим охотником, чем он. Через множество вздохов, застыв все в той же позе, Мая, наконец, услышал – хруст веток, странное поскуливание. Звуки приближались. Мая уставился в ту сторону, с которой они доносились, и вскоре среди стволов деревьев разглядел бегущего человека. А еще через несколько вздохов понял,

что это женщина – волосы ее, выбившиеся из прически, развевались от бега.

Вскоре Мая увидел и Рыжего Медведя, преследующего ее. След на черничной поляне ему не померещился, он принадлежал вот этому огромному мохнатому чудовищу. И это чудовище быстро догоняло женщину (Духи, что забыла так далеко в лесу?!)

В горле у Маи внезапно пересохло.

- Сорина! – выкрикнул он хрипло и рванул вперед, мимо замершего каменным изваянием Коина.

- Стой! – рывкнули сзади, но он не слышал. Какой бы дрянью Соринка не была, она не заслуживала такой смерти, и ребенок ее – тоже. Мая почти ускользнул вперед, однако Коин оказался проворнее – схватил своего непутевого любовника за волосы и дернул назад, кидая на землю.

- С ума сошел?! – рыкнул Коин приглушенно, опускаясь рядом на корточки и оглядываясь назад.

- Это ты... пусти! Она погибнет! – Мая всеми силами рванул из каменной хватки врага, понял, что не сможет вырваться и замолотил руками и ногами, пытаясь освободиться. Сердце его заходилось и обливалось кровью. – Коин, умоляю, пусти!

- Ты ей не поможешь, - Коин попытался отрезвить любовника. Издалека послышался отчаянный женский вопль, хруст ломаемых костей и довольный рык медведя, настигшего свою жертву.

Мае показалось, что в этот миг сердце его остановилось навсегда. Но в груди что-то медленно, тяжело бухало, отравляя все тело слабостью, болью и тошнотой. Кое-как Мая поднялся на ноги – Коин уже не держал его. Через заросли кустарника, в котором они скрылись, он разглядел, как огромный Рыжий Медведь с хрустом отрывает русоволосую голову, держит в окровавленных желтых зубах и небрежно отбрасывает в сторону.

- Идем, - Коин требовательно потянул Маю за руку. – Идем, скорее, пока он не заметил нас. Надо поднять тревогу! Идем же!

Коин дергал юношу, тащил за собой, но тот словно врос в землю. Этого промедления оказалось достаточно для того, чтобы зверь учуял новые запахи и повернул мохнатую голову к ним.

- Бежим! – закричал Коин и дернул Маю за собой. Юноша запутался в ногах и упал на землю. Послышался рев медведя, его тяжело свистящее дыхание – зверь бросился к ним.

«Возможно, именно так все и кончится...» - отстраненно подумалось Мае. Он совсем не боялся зверя, и смерти тоже. Он исполнит свой долг, Коин получит по заслугам – от Рыжего Медведя ему не уйти, слишком быстр и тяжел был древний обитатель лесов.

Коин взвыл бессильно, топчась на месте – он тоже это понимал, только, в отличие от

своего пленника, отчаянно хотел жить.

Мая, распростертый под его ногами, даже не собирался подниматься с земли. Перед глазами его было растерзанное тело Сорины, из распоротого живота виднелся шевелящийся еще человеческий плод, а голова, с распахнутыми в застывшем ужасе глазами, лежала чуть поодаль и смотрела прямо на него.

Глава 25.

Меньше всего Мая ожидал, что Коин не перешагнет через него, спасовавшего в минуту опасности, не бросит на растерзание, не кинется обратно в деревню, а встанет на его защиту лицом к зверю. Так уверенно, будто по-другому просто и быть не могло. Мая смотрел на спину Коина, своего врага, широкую спину, расцарапанную его когтями, и не верил своим глазам. Кем-кем, а трусом сын вождя племени Глубоких Озер точно не был.

Зверь тоже почуял это и остановился на приличном расстоянии, стал возбужденно обходить их по кругу, поворачиваясь боком, чтобы показать свои размеры, и присматривался к строптивой добыче. Эта не сдастся ему так просто, но инстинкт хищника заставлял медведя хотя бы попытаться начать охоту. Лютый голод загнал его так глубоко в Долину, и этот же голод не позволит ему убежать, трусливо поджав хвост при виде малейшего сопротивления и зримой опасности острого копья.

- Вставай, - рыкнул Коин своему пленнику, внимательно следя за зверем и переступая по кругу вслед за ним, чтобы не оказаться в один прекрасный момент спиной к острым когтям и пасти. - Вставай, бери лук!

Мая повиновался его командному голосу и кое-как поднялся с земли, не чувствуя под собой ног. Он подобрал брошенный Коином лук и попытался приладить стрелу, но его руки так дрожали, что вряд ли Мая смог бы попасть даже в мохнатую махину медведя. Он со страхом посмотрел на животное, собиравшееся полакомиться ими на обед, и понял, что не хочет быть растерзанным его когтями и клыками. Не такой смерти он хотел себе, нет!

- Давай, стреляй, - Коин поторопил юношу. И тот вскинул лук дрожащими руками - кто бы подумал, что на деле Мая такой трус! Или же это его исхудавшее и измученное любовным натиском здорового мужика тело отказало ему тогда, когда больше всего нужны были силы.

Он спустил стрелу и ожидаемо промахнулся. Медведь ревел и бил в землю тяжелыми лапами, взрывал когтями чуть влажную в тени леса почву - пугал добычу. Уши зверя были прижаты к голове, шерсть на загривке поднялась, придавая ему угрожающий, "горбатый" вид, а это, Мая знал по рассказам старших, совсем дурной знак - медведь полон злобной решимости и готов напасть.

- Еще! Целься в голову, в глаз, - услышал Мая голос Коина и снова вскинул лук. На этот раз ему повезло больше - стрела просвистела прямо над ухом зверя, и тот предостерегающе взрыкнул, демонстрируя острые желтые клыки. Маленькие темные глаза опасно блеснули.

- Давай, Мая, давай!

Но прежде, чем юноша спустил третью стрелу, медведь с коротким грозным рыком кинулся к ним. Коин не двинулся с места, только пригнулся ниже к земле, врываясь босыми стопами в землю, готовый отразить атаку, и выставил копье. Медведь несся на них огромной мохнатой тушей и замахнулся мощной лапой, чтобы ударить, но Коин

извернулся и воткнул копьё прямо в толстошкурый бок, рванул обратно, отбегая в сторону, но древко выскользнуло из рук. Мая же, оказавшись лицом к лицу с лесным чудовищем, шарахнулся назад, таращась на темную ревущую от боли морду с маленькими злыми глазами, но споткнулся и упал спиной на ствол векового исполина, корой раздирая кожу в кровь.

Медведь развернулся к Коину, снова бросаясь на человека, и встал на задние лапы, в мгновение ока возвысившись над головами двуногих. Копьё, торчащее из бока, волочилось за ним по земле, и обезоруженный Коин отступал назад, переводя взгляд с древка на морду чудовища и обратно. Вытащить копьё не представлялось ему возможным, а это значит...

"В рукопашном бою Коин его не победит", - обреченно понял Мая, глядя на разыгравшуюся перед ним сцену. "А потом он примется за меня. Я слишком слаб, я от него не убегу, он догонит меня, как догнал Соринку, и растерзает так же... и голову оторвет".

Умирать таким страшным образом юноше не хотелось, хоть и натерпелся он боли от Коина, к этой, смертельной, был не готов. Не так все должно закончиться, не так!

Медведь с ревом обрушился на Коина передними лапами, сбивая того с ног всем своим весом. Пасть клацнула в опасной близости от лица молодого воина, но он успел перехватить и удержать мохнатую морду.

Сотрясаясь в ужасе от того, что вот-вот увидит очередную страшную смерть, Мая шагнул в сторону. Ослабевшими руками и ногами он обхватил ствол дерева и, не чувствуя боли от царапающей кожу коры, полез вверх. Он не знал, откуда у него взялись силы вскарабкаться на такую высоту, наверное, это страх подгонял его, заставляя спасаться, как может. Когда Мая, совсем обессилев, уселся на крепкую ветку, руками цепляясь за ствол, и глянул вниз, то увидел, что Медведь и Коин все еще борются, елозя по земле, и оба режут, как дикие звери.

Даже с высоты Мая видел, что и руки, которыми Коин удерживал морду медведя, и его лицо залиты кровью.

"Ему ни за что не выжить" - пронеслось в голове Маи, и в тот же миг Коин с рыком перехватил медвежью пасть, надавил, разводя челюсти в стороны, и через несколько вздохов послышался хруст ломающихся костей. С воем медведь соскочил с человека, пьяно кинулся в одну сторону, другую, и сам глубже напоролся на копьё. Грузно упав на землю, зверь еще долго хрипел и дергал лапами, мучаясь в агонии, и стал постепенно затихать.

Мая не верил своим глазам. Он кинул взгляд на Коина - тот повернулся на бок, попытался приподняться, но сил его на это не хватило. Так и остался лежать неподвижно, распластанный на холодной земле.

Мая долго не решался двинуться с места. Медведь давно смолк и больше не шевелился, но юноша опасался, что стоит ему спуститься, как тот внезапно оживет и бросится на

него, чтобы добить. Слышал он и такие истории от старших... счастье, что рыжих медведей извели из Долины еще до его появления на свет, и Мая никогда с этими тварями не встречался.

Коин был все так же неподвижен. Мая не знал, жив ли он еще, но в напряженной тишине леса слышал чье-то хриплое дыхание - то ли медведя, то ли Коина, то ли свое собственное. Только спустя долгое время он решился и стал спускаться вниз, неверными руками цепляясь за ветки и норовя свалиться мешком с костями в любой момент.

Когда ноги его коснулись мха, устилающего подножье дерева, сердце невольно остановилось в груди. Несколько вздохов Мая напряженно прислушивался, не сводя взгляда с огромной туши медведя, но тот, похоже, в самом деле был мертв. Тем сильнее был испуг Май, когда что-то холодное вдруг сомкнулось вокруг его ноги.

Он отпрыгнул в сторону, готовый скончаться от страха, но это была всего лишь рука Коина, теперь безвольно упавшая на мох. Молодой воин смотрел на своего пленника мутными от боли глазами, и смотрел так, будто хотел что-то сказать. Грудь его была рассечена тремя широкими полосами, как и изувеченное правое плечо, а на голове виделся явный след от клыков - медведь все же дотянулся до Коина и здорово его потрепал, чуть ли не сняв с человека скальп. Губы Коина шевельнулись, выпуская смешанную с кровью слюну, и Мая с трудом разобрал в булькающем звуке свое имя.

"Удивительно, что он все еще жив",- отстраненно подумал юноша. Он ничего не чувствовал сейчас, глядя на растерзанного зверем врага. Кара настигла его, но был ли Мая доволен? Нет. Он не ощущал ничего, кроме сосущей пустоты внутри. Ему не было ни жаль Коина, ни радостно от того, что Духи наказали насильника за его деяния, и наказание это было в высшей мере справедливым.

- Все кончено, Коин, - проговорил Мая тихо, еще не в силах сам этого осознать. - Ты получил по заслугам. Теперь я свободен.

Холодные пальцы Коина снова сомкнулись на лодыжке юноши, словно воин, будучи при смерти, все еще не желал его отпускать. Мая без капли сочувствия выдернул из слабого хвата ногу, развернулся и пошел прочь, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Подернутые пеленой глаза Коина смотрели ему в спину с выражением отчетливо осознанной жалости и мольбы.

Глава 26.

Нет лучшего занятия для человека, в крови и боли ожидающего своей кончины, чем глядеть на проблески алеющего неба за высокими кронами деревьев и думать о жизни. О том, что он сделал за отведенное ему время и чего не успел, о чем сожалеет и какими свершениями гордится, что оставил после себя своей семье, своему племени. В предзакатный час, когда в полях еще светло, а тени леса уже начинают сгущаться, Коинн пришел к неутешительному умозаключению, что гордиться ему решительно нечем, а вот сожалеть стоит об очень многом. Чувствуя на лице морозное дыхание смерти и оглядываясь на прожитую жизнь, молодой воин понимал, что слишком многое в его поступках, в его убеждениях было неверным. Но еще горше этого вывода было понимание, что ничего уже не изменить и, того хуже, даже не извиниться.

Если бы кто-то спросил его короткое время назад, Коинн не смог бы ответить, чего именно боялся больше: того, что Мая бросит его умирать или того, что его жизнь в самом деле вот так оборвется. Пожалуй, первого, ибо о смерти Коинн в тот момент не думал, он думал о своем пленнике, вззирающем на него без капли жалости в безумном взгляде.

На что он надеялся, на доброту Маи? На то, что человек, которого он так долго мучил и держал в неволе, приложит усилия к тому, чтобы его спасти? Оказывается, Коинн был достаточно глуп или достаточно самонадеян, чтобы рассчитывать на такой исход. Но только Мая отвернулся от него, вместо того, чтобы помочь, и, не оборачиваясь, ушел прочь, чтобы вернуться к своей жизни. К жизни без его, Коинна, в ней участия.

Злость ли на себя или любовника, или искреннее раскаяние в содеянном, или же отчаянное нежелание мириться с тем, что все кончено - что-то из этого, а может и все вместе, помешало Коинну просто взять и тихо умереть. Не тем он был человеком, чтобы сдаться вот так и отпустить душу, пылающую неразделенной любовью, болью предательства и раскаянием в совершенных ошибках.

Такая душа, отягощенная порочными земными чувствами, не сможет подняться под небеса к Великим Предкам и обрести Мудрость. Коинн страшился, что навеки станет злым духом и будет преследовать бедного мальчика даже после смерти, мучить его во сне и наяву, являясь призрачной кошмарной тенью повсюду, куда бы юноша ни пошел. Тогда он сам, скончавшись, никогда уже не обретет покоя, и Мая продолжит страдать из-за него. Коинн при жизни был так несправедлив к Мае и изменить этого уже не мог, но он мог позаботиться о том, чтобы не превратиться в мертвую тень, не знающую ничего, кроме ярости и боли, и не остаться скитаться по этому лесу во веки веков, тревожа потомков.

С огромным трудом, надрываясь из последних сил, молодой воин поднялся на четвереньки. Рваная рана на его груди все еще кровоточила, роняла густые горячие капли на прелую примятую листву, но боль эта, режущая словно кинжалом по живому мясу, была наказанием Коинну и в то же время доказывала, что он все еще жив.

Сумрак торопил приближение ночи, сгущаясь вокруг одинокого воина. Воздух стремительно холодел, окрашивая дыхание раненого в молочно-белый пар. Коинн со стоном поднялся на слабые ноги, ухватившись за ствол ближайшего дерева. Некоторое

время он стоял, борясь с головокружением, тошнотой и черными пятнами перед глазами – то сама Смерть плясала вокруг него, неосязаемая и черная как смоль. Плясала свой ритуальный танец, дожидаясь, пока человечиска упадет в ее объятия.

Коин не собирался падать, не собирался сдаваться просто так. Он должен был дойти до деревни, увидеть отца, увидеть шамана, признаться во всем и молить о прощении, надеясь, что этого хватит для того, чтобы утишить боль его души, и только тогда испустить ее, прощенную и избавленную от чувства вины, в небо.

Сначала Мая брел, не разбирая дороги и не чувствуя сухих корешков и веток, впивающихся в босые ступни. Не чувствовал, как колючки кустарников цепляют за кожу и царапают до крови, как липнет на лицо паутина – он слышал только глухое, болезненно тяжелое биение в груди и собственное надорванное дыхание. Он просто шел вперед, подальше от тяжелых воспоминаний, от боли, от чего-то тяжелого, что тащилось вслед за ним, петлей повиснув на шее и не позволяя вздохнуть.

Затем он остановился, оглянулся назад и не узнал леса вокруг. Темный и недружелюбный, он казался зловещим и угрожающим, а там, за спиной, откуда он пришел, что-то опасное смотрело на него, следило, выжидало, когда можно будет наброситься. Мая почувствовал, как невидимая петля душит его, и поднял руку, ладонью обхватывая шею. Никакой веревки не было, но почему-то он едва мог вдохнуть и чувствовал, как его тянет обратно, во мрак прошлого, как затягивало в болото неосторожного зверя.

Мая рывком развернулся и побежал прочь, глотая слезы, стремясь вырваться из невидимых, но крепких, как плетеные из листьев одного растения, пут. Тяжелой поступью, отбивая пятки о землю, он обезумевшим от страха оленем несся вперед, задевая руками деревья, жмурясь, когда ветки хлестали его по лицу, и думал, никогда прежде ему не было так тяжело бежать. И чем дальше он уходил, тем сильнее становилось чувство, что тьма невидимыми лапами тянет его назад, туда, где издыхал раненый медведь, где лежало растерзанное тело Сорины и ее оторванная голова с широко распахнутыми, навечно застывшими с выражением ужаса глазами, где его ненавистный мучитель Коин умирал в муках, в одиночестве, окруженный сумраком и резким запахом крови.

«Никогда, никогда я туда не вернусь!» - беззвучно кричал Мая, но казалось, картина, увиденная раз, теперь будет вечно преследовать его.

Ночь опускалась на лес, текла темными потоками сквозь листву деревьев, холодало. Мая уже ничего не видел вокруг и бежал вслепую, выставив вперед руки, когда лес внезапно кончился и он очутился на поросшем высокой травой лугу.

Стоявшее высоко ночное светило проливало на него ровный бледный свет, луг, по сравнению с темным лесом, казался спокойным и безопасным. Мая устало шагнул в траву, удаляясь от мрачной кромки леса, и пошел вперед, спотыкаясь о кочки, не заботясь о том, куда приведут его ноги.

Луг тем временем жил своей жизнью: последние кузнечики стрекотали то тут, то там, шуршали в траве маленькие ночные грызуны, копошились под землей кроты и землеройки. За спиной, из леса, тревожно ухнула сова, собираясь на охоту. Человеку тут нечего было бояться – крупных хищников в поле не водилось, разве что на гадюку можно наступить, но Мае сейчас было не до мерзких извивающихся тварей, чей яд останавливал в жилах кровь.

Он услышал шум воды, доносящийся издалека, и пошел в ту сторону. Через некоторое время, уже очоленев от ночного холода, Мая вышел к берегу широкой и бурной реки. Он не помнил, зачем и без того замерзший, полез в ледяную воду и плескался на мели, зачем остервенело тер кожу руками, смывая пот и грязь. И как шатался потом по берегу, собирал сухие ветки, опавшие с редких березок и разводил костер, как сидел у огня, согреваясь, и вздрагивал от холода и каждого шороха.

Умом Мая понимал, что никто за ним не гонится – некому было гнаться, но воображение упорно рисовало огромного мохнатого медведя с развороченной пастью, на задних лапах вздымающегося за его спиной, или окровавленного Коина, молча заносящего топор для смертоносного удара.

Он так же не помнил, как, окончательно обессилев, заснул на голой земле и до самого утра спал беспробудным тяжелым сном, не очнувшись по привычке с первыми лучами солнца.

Первое, что увидел Мая, когда открыл глаза, был полевой кролик, настороженно глазающий на него из зарослей травы. Кролик был маленький и тощий, смешно дергал розовым носом и через несколько вдохов как ни в чем не бывало поскакал вдоль берега, решив, по-видимому, что человек не представляет для него никакой угрозы.

Мая тяжело приподнялся на локтях и сел. За ночь сна на холодной земле тело промерзло и болело, голову словно раскололи пополам. Некоторое время Мая провел на берегу, снова развел огонь и согрелся, затем поднялся на ноги и, прикрывая глаза от солнца, огляделся.

Родная Долина осталась далеко позади, окруженная высокими, неприступными с виду горами. Зеленъ леса выплескивалась из нее, как вода из кувшина, и растекалась неровными краями, резко переходя в цветущие луга.

Туда Мая вернуться не мог, да и не хотел. Не хотел он и думать о том, что случилось накануне, поэтому потушил костер и не раздумывая отправился вверх по течению реки.

Он шел несколько дней и ночей, не имея особой цели, никуда не спеша и не ища ничего конкретного. В пути он старался ни о чем не думать и забыть поскорее все, что случилось с ним. Прошлое должно остаться в Долине и никогда больше не тревожить его. В этом добровольном паломничестве вникуда Мая надеялся забыть, отпустить свою ненависть и боль и начать жить новой жизнью, где есть место радости и счастью.

С собой у юного воина не было ничего: кинжал он потерял где-то в лесу в стычке с медведем, так же, как и лук. Не было у него ни съестных припасов, ни даже шкур, которыми можно укрыться в морозную ночь.

Первое время Мая собирал ягоды и орехи, съедобные корнеплоды и сладкие корешки, сплел накидку из широких листьев приречной травы, и даже соорудил кинжал из старательно заточенного камня и древка. С кинжалом и копьем ему удалось поймать дичь и рыбу и наесться досыта несколько раз.

Чем дальше уходил Мая, тем легче ему становилось дышать, тем реже снились ему кошмары о темной пещере, где он, связанный, дрожал от холода и страха, о боли между ягодиц, что испытывал столько раз, об унижении, которое он перенес и об ужасе, пережитом в лесу. Удушье и несуществующие пути, утягивающие его душу назад, в Долину, постепенно ослабевали. Временами мысли о том, правильно ли он поступил, бросив раненого Коина умирать, одолевали юношу и долгое время он проводил, размышляя над своим поступком.

Ему казалось, что действиям его причиной была трусость, и только. Что если бы он не смалодушничал и не убежал, поддавшись слабости, если бы помог Коину, тот бы выжил.

«И что? В знак благодарности он бы тебя отпустил?» - насмешливо спросил голосок в голове.

«Нет», - Мае пришлось признаться самому себе. «Коин бы не отпустил».

«Значит, это был твой единственный шанс обрести свободу. На кону была либо твоя, либо его жизнь, а Коин не сделал ничего, чтобы ты стал жертвовать собою ради него. Ты сделал правильный выбор».

И Мая вроде бы понимал, что это правильно, что это правда, но сердце все равно не желало успокаиваться.

«А как же Сорина?..» - спрашивал он, тайно виня себя и в ее смерти.

«А что Сорина? Она сама сделала выбор – предать тебя, предать свое племя, и поплатилась за это. Ее смерть никаким образом не связана с тобой».

В то утро, когда Мая решил свернуть от реки, он долго смотрел на свое отражение в тихой заводи. Угловатое, осунувшееся лицо в отражении совсем не походило на него прежнего – улыбающегося, румяного, довольного жизнью. Это было лицо уже не юного мальчика, а взрослого мужчины, прошедшего через череду тяжелых испытаний и справившегося со всем, что послали ему Великие Духи.

В то утро Мая в последний раз посмотрел назад, туда, откуда пришел – ни гор, ни Долины давно уже не было видно на горизонте, - и окочательно попрощался с прошлым. Его было на удивление легко отпустить, Мая даже не жалел, что покидает отца, мать и родное племя.

Своим самодельным кинжалом он под корень срезал волосы, до едва ощутимой для ладони щетины, пересек реку вброд и отправился к рассвету, туда, где начинался новый день.

Глава 27.

С той ночи, как стража обнаружила Коина на подходе к деревне, шаманы и знахарки не отходили от сына вождя ни на миг. Тяжелые раны его были тщательно обработаны, молитвы Великим Духам Предков пелись без перерыва, целебные травы курились в хижине днем и ночью. Коин лишь несколько раз открывал глаза на следующий день и все раскаивался в ошибках, молил о прощении, и все, кто мог, кто был близок к нему или был причастен – все прощали, понимая, что первый сын вождя готовится умереть.

Отец простил его за все содеянное и в ответ просил простить за то, что вовремя не остановил, но Коин к тому времени снова провалился в беспамятство. На вторую ночь у него началась лихорадка, и больше он не говорил и не открывал глаза.

Время тянулось медленно, вождь племени Глубоких Озер убивался горем, каждый миг ожидая дурного известия от знахарок, что сновали из хижины туда-сюда, меняя повязки. К счастью, рана Коина не гноилась, но была слишком большой и глубокой, и молодой воин потерял слишком много крови, пока добирался домой. Все в деревне скорбели вместе с Лабартом: никто не пировал у большого костра, не радовался жизни, дети не веселились у домов и не слышался их задорный смех. Даже сторожевые собаки притихли и не лаяли, не виляли хвостами, завидев хозяев.

Лабарту было тяжело видеть, как в муках умирает его сын, но в груди его теплилась слабая надежда, что все обойдется... что Коин окажется сильнее Смерти и вырвется из ее цепких лап, что его время еще не настало. Негоже это, когда раньше отца умирает сын! Вождь племени Глубоких Озер не переставал надеяться на чудо.

Да, Лабарту было тяжело, но все же он проводил большую часть времени в хижине с Коином, стремясь побыть с сыном как можно дольше, пока не разрешится его судьба, и выбирался наружу лишь для того, чтобы решить какие-нибудь неотлагательные дела. В один такой день, когда Лабарт обсуждал с воинами своего племени, где теперь лучше охотиться, так как Рыжий Медведь успел опустошить леса Долины до того, как столкнулся с человеком, к нему и подбежал стражник.

- Чужак в деревне, - сообщил он, приблизившись к вождю. Голос его был приглушен – все знали, что Коин вот-вот умрет, а это значило, что над деревней витало множество Духов Предков, чтобы принять его душу и вознести ее в небеса. Тревожить их громким голосом и привлекать внимание к живым боялся даже Лабарт. – Говорит, что Ваш давний друг и Вы будете рады его увидеть.

Лабарт немедленно покинул воинов и отправился посмотреть, какого такого старого друга нелегкая принесла в столь неподходящее время. Человека, стоявшего, опершись на посох, он узнал не сразу – все-таки, друг действительно был давний, и много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз, к слову, в этой самой деревне... но когда узнал, Лабарт встал как вкопанный, не веря своим глазам.

- Гирда? – с сомнением спросил вождь. Человек напротив заулыбался, показывая, что Лабарт не ошибся. Постаревший, ссохшийся, обросший седой бородой, сын Трерона совсем не походил на того мальчишку, которым его запомнил Лабарт.

Вождь племени Глубоких озер неторопливо приблизился к страннику, одновременно и радуясь неожиданной встрече, и подозревая, что появление скитающегося шамана в их деревне – дурной знак.

– Что привело тебя сюда? Я думал, ты давно сгинул в степях... От тебя не было вестей много лет.

- Я странствовал и набирался мудрости, Лабарт. Вижу, ты стал достойным вождем.

Лабарт сморщился, как от режущей зубной боли.

- Да, - сдавленно проговорил он, думая о том, что хорошим отцом ему стать не удалось. - Пойдем, друг, ты, наверное, здорово устал с дороги. Я велю накормить тебя, и после мы поговорим о том, зачем ты вернулся в Долину.

Но странствующий шаман отрицательно покачал головой.

- Я пришел не к тебе, Лабарт. Я пришел увидеть твоего сына.

Хижина деревенского шамана, в которой лечили Коина, была густо прокурена целебными травами. Гирда, войдя внутрь, велел проветрить помещение и даже не взглянул на хозяина дома, захлебнувшегося негодованием из-за такого пренебрежительного отношения к своим стараниям.

Лабарту было не до разборок между шаманами, он приказал знахаркам открыть окно в крыше и оставить дверную заслонку в стороне. Густой молочный дым быстро рассеивался, казалось, что вместе с ним из Коина уходит и жизнь.

Гирда опустился на колени рядом с раненым и положил руку тому на влажный лоб.

- Ты сможешь его вылечить? – с надеждой спросил Лабарт. Он не мог перестать верить, что что-то все же может спасти его сына даже с такими ранениями... не зря же он продержался столько времени, несмотря на всю потерянную им кровь!

- Нет, - Гирда покачал головой. – Никто и ничто не сможет вылечить такие глубокие раны. Как долго его лихорадит?

- Сегодня будет третья ночь.

- Значит, все решится до рассвета.

«Что это значит?» - хотелось спросить Лабарту, но глаза шамана подернуло дымкой – верный знак, что шаман погрузился в транс и его нельзя теперь беспокоить, иначе разгневаются Духи и не отпустят душу шамана обратно на землю живых. Лабарт молча попятился к выходу и встал снаружи, загораживая вход в хижину спиной.

«Все решится до рассвета», - эхом звучало в его голове. Коин или умрет к утру, или... лихорадка его отпустит?

Зная, что ждать осталось недолго и что вскоре решится судьба его сына, Лабарту было тяжело вернуться к повседневным делам. Он отсылал прочь всех, кто подходил к нему с вопросами и бродил по деревне мрачной тенью, молясь о том, чтобы Духи позволили его сыну жить.

Внезапно вождь племени Глубоких Озер остановился. Его осенило. Не все было сделано для того, чтобы душу Коина пощадили: он получил прощение отца и шамана племени, но не получил прощения Май, перед которым больше других был виноват... Найти сбежавшего мальчишку спустя несколько дней было возможно, если пустить по его следу лучших охотников и следопытов и лучших собак, но времени у них оставалось только до утра – погоня и нагнать его не успеет, не то, что бы привести обратно в деревню.

Но вместо Май, которого не было, возможно, прощение сможет дать его отец?..

- Куда Вы? – окликнула стража, когда Лабарт спешным шагом покидал деревню. Он махнул рукой, приказывая оставить его одного. Путь вождя лежал к селению племени Растущих Семян, что расположилось в другом конце Долины.

Чем ближе Лабарт подходил к владениям Иммы, тем неуверенней становились его шаги. Столько лет после той ночи они почти не разговаривали, обменивались только теми необходимыми фразами, которые положены вождям, и лишь однажды их беседа не относилась к делам народов – когда Имма приходил и требовал вернуть ему сына. А теперь, после всего, что было между ними и после всего, что случилось между их сыновьями, Лабарт шел просить прощения для Коина, хотя за всю жизнь ни разу не просил его для себя.

Что ответит ему Имма? Даже слушать не станет...но Лабарт не мог просто бросить затею и трусливо повернуть назад.

- Кто идет? – грозно спросила стража, когда вождь враждебного племени ступил на чужую землю.

- Лабарт, вождь племени Глубоких Озер. Я должен срочно повидать Имму.

Его не пустили дальше ни на шаг: таков, возможно, был давний указ Иммы. Вождь появился на поляне нескоро, явно не торопился лицезреть старого врага.

- Что тебе нужно? – недружелюбно спросил Имма, останавливаясь рядом со своими воинами. Лабарт, оставшийся стоять на другой стороне поляны, был один – его свита не последовала за ним.

- Я должен сказать тебе кое-что, вождь племени Растущих Семян, кое-что, предназначенное только для твоих ушей.

- Не желаю слушать ничего, что не касается моего сына, - отрезал Имма.

- Это касается твоего сына. И моего.

Несколько вздохов Имма сверлил Лабарта колючим, недоверчивым взглядом, затем, решившись, подал знак своим людям оставаться на месте и вышел на середину поляны. Лабарт шагнул ему навстречу, приближаясь медленно и собираясь с духом, чтобы просить о невозможном.

- Несколько дней назад на наших сыновей напал Рыжий Медведь, - приглушенно начал Лабарт, открыто глядя в глаза Иммы. Лицо того не дрогнуло, когда прозвучала дурная весть, но Лабарт почувствовал, как его воспитанник внутренне напрягся. – Не знаю, как он очутился в Долине, наверное, его пригнал сюда голод... он гнался за сбежавшей Сориной и догнал ее. Сорина погибла.

- Что с Маей? – резко спросил вождь.

- Они оказались там случайно и пытались ей помочь. Коин заборол медведя, в одиночку, - Лабарт не отрывал взгляда от карих глаз, - Мая не помог ему и сбежал. Никто не знает, где он сейчас, мы его не преследовали.

По этим же глазам, мгновение назад взволнованным, а теперь – равнодушным, Лабарт понял, что остальное Имму не волнует. Главное, что его сын жив. А вот Коин...

- Коин был тяжело ранен и умирает, все решится до рассвета, - отчаянно выпалил Лабарт, сжимая кулаки. - Если в тебе есть хоть капля милосердия, Имма... молю тебя, пойди и прости его вместо своего сына!

Вождь племени Растущих Семян полоснул его полным жгучей ненависти взглядом как раскаленным на углях ножом, и Лабарт понял, что для Иммы его просьба так же нелепа, как то, что человек когда-либо сможет летать в небе, как птица. Но Лабарт не попятился назад, как бы не хотелось сделать это под тяжелым взглядом бывшего воспитанника.

- Твой Коин разрушил жизнь моего сына, растоптал его честь мужчины... а теперь хочет упокоиться с миром? И ты смеешь просить меня о таком? – прошипел Имма, надвигаясь на старого врага гранитной скалой. Лабарт, не выдержав напора, все же отступил на шаг назад.

- Я молю, если в тебе есть хоть капля милосердия...

- Есть, но не для насильника и подлого ублюдка, каким был Коин. Ты просишь прощения для него за все, что он сделал? Этому не бывать. Надеюсь, твой сын сдохнет в муках, как бешеная собака.

В другой раз Лабарт не простил бы таких слов в адрес своего сына, но в этот момент он был слишком опустошен, чтобы реагировать на оскорбительную фразу. Имма уходил от него, демонстрируя спину, и Лабарт ничего не мог сделать, чтобы его вернуть.

Он побрел прочь, и ноги сами вынесли его к маленькому лесному озеру, спрятанному в чаще, к месту, о котором знали только они двое и где все началось. Именно здесь Лабарт впервые почувствовал «это» по отношению к Имме, тогда еще несмышленому, угловатому и затравленному старшими братьями подростку. И именно здесь Лабарт совершил самую большую ошибку в своей жизни, о которой не переставал жалеть даже спустя два десятка зим.

С тех пор озеро совсем не изменилось – не обмельчало, не осыпались его края, даже кусты водяной травы торчали там же, где их помнил Лабарт. Сколько раз он повторял в голове эти сцены здесь, у воды? Сколько сокрушался и ненавидел себя за то, что продолжал вождель, даже зная, что причинил боль и не должен был этого делать?

Сейчас, спустя два десятка зим, он видел все, что творил, как наяву.

В тот день Трерон объявил, что выберет будущего вождя из самых лучших воинов племени. С десяток мужчин собрались возле большого костра в центре деревни, чтобы сразиться и показать, кто из них больше других заслуживает этой чести.

Лабарт примчался в племя Растущих семян сразу, как только услышал новость, и обнаружил Имму в толпе собравшихся поглазеть на поединок. Он схватил мальчика под локоть и оттащил в сторону.

- Это твой шанс, - заговорчески прошептал Лабарт на ухо удивленному подростку.

- Шанс на что? Ты лишился ума?!

- Иди, вызовись поучаствовать, - наставлял тем временем Лабарт, краем глаза следя за теми, кто уже вышел добровольцем к костру. Большую часть составляли опытные и матерые войны, был и молодняк, однако, уже занимавший в деревне уважаемую роль. Имма тоже смотрел на них – с нескрываемым ужасом, слишком силен был в нем страх забитого старшими ребенка. Несмотря на годичные тренировки под руководством Лабарта, мальчик так и не научился верить в себя.

Лабарт схватил его за подбородок, заставляя взглянуть на себя.

– Твоя сила в том, Имма, что никто не воспринимает тебя всерьез. Никто не вызовет тебя на бой первым, потому что никто не знает, насколько ты силен. Никто не видит в тебе достойного соперника, и все они будут расслаблены, уверенные, что уложат тебя одним пинком. Дождись, пока кто-то из них не победит, и тогда нападай – не жалея, не щади, потому что никто в этой деревне никогда не пощадит тебя. Бей сразу насмерть. Ты понял?

Имма глядел на него во все свои оленьи глаза и мирился с тем, что у него не было выбора. Лабарт безжалостно вытолкнул его через толпу к костру, мальчишка запутался в собственных ногах и растянулся на земле под дружный гогот желающих стать вождем.

- Что, Имма, и ты решил попытать счастья? – ядовито спрашивали мужики. Имма залился

краской, но поднялся на ноги и встал в сторонке, опустив взгляд на сцепленные пальцы рук.

Как и предвещал Лабарт, никто не вызвал Имму на бой. Он так и простоял в стороне до самого конца, пока не остался один победитель, но Раккти, хоть и дышал тяжело, все равно выглядел устрашающе огромным и полным сил. Имма бросил растерянный взгляд на людей вокруг, нашел Лабарта – тот коротко кивнул, разрешая воспитаннику сразиться, и Имма вступил в круг.

Нападать на Раккти, опытного в рукопашном бою воина, в открытую, он не рискнул. Как, впрочем, и отражать атаки, раскрывая перед всеми свои знания и умения. Долгое время он только ускользал из-под ударов, нырял под руку, крутился вокруг могучей фигуры воина. Лабарт все время подчеркивал, что при комплекции Иммы скорость – его самое мощное оружие, и целенаправленно тренировал мальчика на юркость и ловкость.

Теперь Имма мог применить все свои навыки на деле, и, с легкостью уходя из-под тяжелой руки опытного вояки, испытывал неверие и восторг одновременно, удивляясь самому себе. И, помятуя наставления друга, наблюдал за соперником, изучал его, выжидал момент, когда тот израсходует все свои силы.

Толпа вокруг заливалась смехом глядя на то, как младший сын вождя ужом извивается и скачет белкой вокруг лучшего воина племени, и как тот, как бы ни старался, не может коснуться его и пальцем. Потеха была что надо! А Раккти, сначала улыбавшийся, как и все, теперь начинал злиться. Ему не нравилось быть посмешищем для всей деревни.

Выбрав нужный момент, когда Раккти чуть замешкался, пытаясь отдышаться и прогнать головокружение, Имма ловко перехватил руку мужика, летящую прямо в лицо, извернулся, выворачивая конечность из плечевого сустава, швырнул весь свой вес под колени противника и уложил того на лопатки, взяв безвольно повисшую руку в захват ног.

Раккти тяжело хрипел под хор удивленных вздохов вокруг, пытаясь вырваться, но мог сделать это только сломав себе руку. Наконец, смирившись с поражением, он в примирительном жесте поднял свободную ладонь.

Имма тут же отпустил его и откатился в сторону, опасаясь, что это всего лишь уловка. Раккти тяжело поднялся на ноги, покачнувшись, развернулся всем телом к Имме и неожиданно растянул губы в улыбке.

- Я признаю поражение, мальчик. Ты победил в честном бою.

Трерону ничего не оставалось делать, как признать право младшего сына на наследование титула вождя. Обряд провели следующим же вечером, и на этот раз шаман нарисовал на лбу Иммы священный знак – это означало, что Великие Духи Предков признали выбор Трерона.

Празднование длилось всю ночь, Лабарт веселился наравне со всеми так, будто это была его собственная победа. Он позабыл про свою молодую жену, про дом и плясал у костра

до самого рассвета, чувствуя будущего вождя Имму.

С тех пор они сблизились еще больше, и не было нужды таить дружбу от других.

Поначалу Трерон сомневался в Имме, но спустя время признал, что мальчик не так уж и безнадежен: Имма оказался преданным, старательным и совсем не глупым юношей. И все было бы хорошо, если бы не то странное чувство, томившееся в груди Лабарта, стоило взглянуть на мальчика или подумать о нем. Чувство это с каждым месяцем становилось все больше, и порою Лабарт чувствовал, что грудную клетку вот-вот разорвет.

Он стал избегать прикосновений Иммы, часто прятал взгляд и мечтал о нем в тайне, грубо лаская свою жену, и стыдился своего чувства.

Так не могло продолжаться долго. Через год, когда вожди заключили «мир» между племенами и устроили пир, на котором собрались все от мала до велика, Лабарт слишком много пил, чтобы заглушить ревность к другу, которого окружили девицы, а когда тот под утро внезапно исчез, Лабарт кинулся искать его по всей деревне. Ни в отцовской хижине, ни в его собственной Иммы не нашлось.

Тогда Лабарт понял, где может найти мальчика в такой час.

Лелея надежду на то, что Имма отправился к их тайному месту в одиночестве, а не в компании какой-нибудь потаскухи, Лабарт мчался через сереющую на рассвете чащу к озеру. Там, на еще влажной от росы траве, к радости молодого воина расположилась только одна фигурка.

Лабарт замер, прислонившись спиной к стволу дерева, и тяжело выдохнул. Имма был тут один, один... он не предал их дружбу, не опорочил это священное для них место, приведя девицу для утех.

Имма не мог не слышать приближение друга, но продолжал сидеть у кромки воды, обнаженный, отжимая перекинутые через плечо влажные волосы.

- Куда так торопишься, Лабарт? – спросил юноша насмешливо и устало.

- Что ты тут делаешь?

- Я устал от шума и людей. Вот, пришел отдохнуть... – Имма обернулся к нему, стараясь разглядеть фигуру Лабарта в тени леса, но ему это не удалось. – Чего там прячешься, выходи.

Лабарт не мог оторвать взгляда от худых острых лопаток на спине своего воспитанника. Сколько раз он их видел и сколько раз желал прикоснуться к ним... провести большой шершавой ладонью по спине.

«Я пьян», - совершенно отчетливо понял Лабарт и сглотнул сгустившуюся во рту слюну.
«Я пьян, я не должен...»

«Какая-то там сисястая дрянь не получит его, я возьму Имму первым», - твердо заявил кто-то незнакомый Лабарту, таившийся все это время в его голове.

- Имма, пришло наше время скрепить союз.

Лабарт накинулся на ничего не подозревающего юношу, повалил на мерзлую землю и терзал его, кусал, слушал, как тот захлебывается мольбами и болезненными стонами, как бешено колотится его сердечко в груди. На глаза наворачивались слезы – обиды, злости на самого себя, раскаяния в том, что делает с человеком, которого так любит, но Лабарт не мог остановиться. В своей недолгой жизни он попробовал много женщин, но ни с кем никогда ему не было так хорошо и так горько от того, что его удовольствие причиняет другому столько боли.

Лабарт помнил каждый вскрик плачущего Иммы, каждый его судорожный вздох. После того утра юноша лишь иногда смотрел на него, но в глазах мальчика Лабарт видел столько боли и ненависти, что поневоле сам отводил в сторону взгляд. Молча, этими взглядами Имма задавал ему простые вопросы: «За что? Почему?», но юный воин, как ни старался, не находил на них ответы.

- Иногда мне кажется, что, когда ты родился, духи забыли поместить в твое тело душу, - проронил Имма однажды, когда каким-то неведомым образом ему стало известно, что это Лабарт был виновен в смерти его старших братьев. Новость эта поразила юношу настолько, что он до рассвета не смыкал глаз, пытаясь поверить в то, что его друг и наставник, к которому он был так привязан, на самом деле жестокое чудовище, готовое на все, чтобы добиться своей цели.

- Ты ошибаешься, у меня есть душа. – Оправдывался Лабарт, застигнутый врасплох внезапным обращением Иммы. - Просто мои чувства... другие.

- Не уверен, что действительно хочу знать о них.

Как бы ни старался Лабарт извиниться потом и загладить свою вину, Имма не желал его слушать. Иногда казалось, что даже не слышал, что ему говорят. Дружбе пришел конец, и кроме как на пассивную недоброжелательность Лабарту больше было не на что надеяться.

Он сдался и ушел, чтобы корить себя всю оставшуюся жизнь и не иметь шанса изменить что-либо. Тогда ему казалось, что это единственный верный выход.

Сейчас, спустя двадцать лет, Лабарт был согласен с собой прежним – у него не было другого выбора.

Сумерки стремительно опускались на лес, сгущая тени под кронами деревьев. Очнувшийся от воспоминаний вождь потрянул головой, развернулся и поторопился обратно в деревню, надеясь, что его сын все еще жив. По пути он еще раз вышел на полянку, где караулили свою территорию стражи племени Растущих семян.

- В моем доме сейчас находится Гирда. Передайте вашему вождю, возможно, он захочет увидеться с братом.

Глава 28.

Известие о неожиданном госте настигло Имму ранним утром. В последнее время вождь племени Растущих Семян и без того плохо спал, переживая за судьбу любимого сына, но в эту ночь ему вообще не удалось сомкнуть глаз. Виной всему было появление Лабарта накануне вечером и его нелепая до абсурдности просьба. Имма не мог перестать думать о том, что Духи наконец-то покарали мерзавца Коина, и о том, что теперь никто не знает, куда направился Мая, и жив ли он вообще? Кто знает, может, Коин убил его в порыве ярости, может, и не было никакого медведя – это их сыновья сцепились в лесу, и только Коину посчастливилось вернуться едва живым.

Имма предпочитал верить, что его сын сейчас жив и находится далеко, в безопасности, куда не дотянутся руки ни живого, ни мертвого Коина. Что его не прикончил выблядок Лабарта и уж тем более не растерзал Рыжий Медведь.

Вождь одним из первых вышел к общему костру, отчаявшись заснуть, и присел на бревно. Разные тревожные мысли не давали ему покоя, но утренняя прохлада не позволяла снова, забывшись, погрузиться в себя.

Там-то и нашел его мальчишка-посыльный. Имма заранее не ждал никаких хороших вестей и встретил его хмурым молчанием.

- Там человек, похожий на шамана, хочет увидеть Вас, - доложил мальчишка, представ перед задумчивым вождем. Мужчина удостоил его коротким взглядом и поднялся с места.

Они встретились с гостем посреди деревни – того уже проводили, на границе держали только старых врагов племени и людей подозрительных. Старец же, обросший седеющей бородой, выглядел как шаман и потому вызывал у разумных людей доверие: к говорящему с Духами Великих Предков следовало проявлять должное уважение, даже если это чужак, иначе велик риск разгневать праотцов своим непочтением.

Имма сразу же вспомнил послание, переданное Лабартом после его ухода, и внимательнее всмотрелся в смутно знакомое лицо. Ошибки не было – Гирда значительно постарел с тех пор, как они виделись в последний раз мальчишками, скудное питание и странствия знатно иссушили его, но Имме не составило никакого труда узнать своего родственника. Гирда приветливо улыбался ему, что вселяло в потерявшего сон и покой вождя надежду, и Имма, приблизившись, сразу заключил старшего брата в объятия.

- Я уже и не надеялся тебя увидеть! – выдохнул он, похлопывая старца по спине.

Вождь пригласил гостя к костру, где накормил и напоил его только что приготовленными блюдами. Гирда коротко рассказал о своих странствиях – оказалось, что он обошел всю землю от одной Большой Воды до другой, преодолел не одни горы и встретил на своем пути несколько небольших деревень, живущих своим укладом.

- Но что привело тебя сюда? – спрашивал Имма, недоумевая, почему спустя столько лет брат решил вернуться.

- Вашему племени разве не нужен шаман? – ухмыльнулся Гирда.

- У нас уже есть один, - счел нужным предупредить вождь, так как в племени мог быть только один шаман, передающий жителям волю Духов. Гирда смотрел на него, лукаво прищурился глазами.

- Давно ли ты его видел?

Имма прикинул – в последний раз он видел шамана пару дней назад. Он послал девицу проверить, как там старец, но та вскоре вернулась бледной и сообщила, что старик оставил не тронутым вчерашний ужин, который приносили к двери его хижины, а внутрь священного жилища она не решилась войти.

Имма пошел туда сам, чтобы удостовериться в том, что старый шаман тихо и безболезненно скончался во сне. Тело его тем же вечером предали огню вместе с хижинкой и всеми его пожитками – такова была традиция племени. Для нового шамана, коим должен был стать Гирда, все жители должны были построить новый дом, каждый отметив веточку капелькой крови.

- Ты знал, что он умер, - совпадение это не давало покоя Имме, и спустя несколько дней он пришел в свеженькую хижину своего брата, чтобы задать крайне важный вопрос. Новый шаман племени неподвижно сидел у очага, глядя на тлеющие угли. На углях дымилась щепотка сушеных трав и распространяла сладковатый, удушливый запах.

Имма присел рядом, не приближаясь к очагу – сделать это можно было только по приглашению шамана. Гирда медленно кивнул головой несколько раз, будто бы смысл слов вождя дошел до него не сразу.

- Значит, тебе открылась Великая Мудрость? – спросил Имма в надежде. Глаза его засверкали фанатичным огнем. Гирда снова кивнул, но прежде, чем Имма успел задать волнующий его вопрос, сказал, разом разрушив все его надежды:

- Я не знаю, где твой сын.

Имма разочарованно опустил голову. Надежда, вспыхнувшая в нем на миг, была затушена одной безжалостной фразой, и вождь вновь ощутил, как на плечи наваливается вся тяжесть его безрадостного бытия.

- Скажи хотя бы – он жив? – Имма задал последний вопрос, который сейчас волновал его больше всего. Были и другие, которыми следовало заняться и обсудить с новым шаманом, как того требовал долг вождя племени, но Имме не хотелось заводить разговор о выборе будущего предводителя. Он всегда верил, что им станет его собственный сын, Мая.

- Он жив, - снисходительно ответил Гирда и больше не проронил ни слова, сосредоточенно прислушиваясь к неслышим Имме голосам Предков. Вождь сидел подле него неподвижно, прислушиваясь к своим внутренним голосам: один из них не переставал волноваться о сыне, другой надеялся, что, обретя свободу от похоти Коина,

Мая сможет быть счастливым, пусть и вдалеке от родного дома, третий же голос напоминал ему, что не стоит забрасывать дела деревни и предаваться собственному горю. Избранный вождь в первую очередь должен заботиться о благополучии племени.

Потому когда прозвучал четвертый голос, Имма не сразу понял, что ему не мерещится, а это шаман обращается к нему наяву.

- Ты никогда не задумывался о том, как много сделал для тебя Лабарт.

Имма так же не сразу понял смысла обращенной к нему фразы. Только что они говорили о Мае, и вдруг Гирда упоминает проклятого Лабарта, да еще и в таких словах, полных укора, предназначенного ни в чем не повинному ему. Может быть, Имма просто не так понял?

- О чем ты говоришь? – спросил он, не веря своим ушам.

- Лелея свою обиду и ненависть к нему в ответ на то, что ты называешь предательством, ты прожил два десятка зим. Но хоть раз ты подумал о том, чего достиг в этой жизни благодаря Лабарту? Он сделал тебя мужчиной, то, что сейчас ты стоишь во главе целого племени - это полностью его заслуга. Но разве нельзя считать предательством то, что ты отвернулся от своего друга, стоило ему оступиться? Разве не предательство это – делать вид, что никогда ни о чем не подозревал? Он предал твою дружбу, но ты – предал его любовь.

Имма почувствовал себя беспечной добычей на любимой лесной полянке, которую внезапно окружили охотники с острыми копьями, готовые напасть и убить. Нелепые слова шамана, слова, полные укора и лишённые всякого смысла, жалили и отравляли не хуже диких ядовитых пчел – так же бессмысленно, беспричинно и беспощадно. Вождь племени Растущих Семян не понимал: он ли надышался сладким дурманом тлеющих на углях трав и теперь воображает этот странный разговор, или же это шаман совсем лишился рассудка в своем трансе и несет уничижительную чушь.

Подобные рассуждения о Лабарте прежде никогда не приходили в голову Иммы и может быть поэтому вызвали в нем такое искреннее, глубинное возмущение. Как можно в чем-то обвинять его!

- Как ты можешь говорить все это?! – резко ответил вождь, бессильно дергая рукой. - Почему защищаешь его? Он убил обоих твоих старших братьев, тебе известно это не хуже меня!

- На то была воля Духов, и я не виню Лабарта в смерти своих братьев.

- Тебе откуда знать? – в отчаянии вскрикнул Имма и вскочил на ноги, испытывая сильное желание немедленно покинуть хижину шамана и никогда больше сюда не возвращаться. То ли от резкого подъема, то ли от внезапной мерзкой нападки со стороны брата его затошнило. Странные и сложные чувства сдавили грудь вождя – страх, злость, обида и ненависть, и это чувство, будто шаман ворошит своей костяной палочкой в его душе, как в разбросанных на разрисованной священными знаками шкурке гадальных костях.

- Я не сбежал из деревни, почуяв опасность, как ты мог подумать тогда, - проговорил Гирда, ничуть не задетый агрессивностью своего младшего брата. - Я ушел, потому что настало мое время – Великие Духи ниспослали мне истины, неведомые живым. Одной из них была истина о пути Лабарта, залитом кровью. Другая гласила, что много людей пострадает, если путь будет пройден до конца, но смертей и несчастий было бы больше, если бы Лабарт отказался от своей судьбы.

- Так ты хочешь сказать, что все, что случилось, оправдано волей Духов? Убийства наших братьев и... И все, что его сын сделал с Маей?

- У Коина был выбор.

- И он поступил так, как поступил!

- Мы говорим не о Коине и Мае, - осадил всплывшего вождя шаман. – Мы говорим о Лабарте и о тебе...

- О нас с ним не о чем говорить, - отрезал Имма и поспешил покинуть хижину брата. То был побег, недостойный вождя племени, но Имма был слишком разгневан и растерян, чтобы пытаться сохранить лицо. Гирда проводил спину вождя долгим, внимательным взглядом и покачал головой.

Вождь пронесся по деревне страшным вихрем, возмущенный тем, что шаман встал на защиту убийцы и предателя и, более того, осмеливается винить в чем-то его, Имму, который тоже пострадал. В мире Иммы не было места Лабарту, но новому шаману племени удалось поселить в его душе семена сомнения.

Значит, он обязан всем, что имеет, одному только Лабарту?

- Что за бред умалишенного?! – рявкнул вождь, спугнув стайку ребятишек, хвастающихся резными фигурками зверей перед друг другом.

Но как ни сердился Имма, как ни старался выбросить задевшие его слова из головы, мысли его то и дело возвращались к укорам старшего брата.

Ночью ему снились странные и путанные сны. В одном Имма увидел себя тринадцатилетним мальчишкой, забитым и запуганным старшими членами семьи, затем – другого себя, гораздо старше, жалкого изгоя и слабака, с которым не считался никто в племени.

«Таким бы я стал, если бы не помощь Лабарта?» - ужаснулся Имма, а на лбу его, спящего, выступил холодный пот. «Нет, это не может быть правдой... может, я не стал бы вождем, но и не стал бы таким... я сильнее, я выше этого!»

Образ того, другого Иммы, который так и остался дрожащим слабаком, ранил вождя племени Растущих Семян в самое сердце.

«Если бы Лабарт не стал учить меня, помогать мне, если бы мы не стали друзьями... я бы, скорее всего, ушел из деревни. Я никогда не стал бы таким!»

Затем Имме показалось, что он проснулся и зажил своей обычной жизнью. Он был самим собой – уверенным в себе вождем, сильным, уважаемым человеком в племени. Мужчиной, который многого добился, который принимал решения и нес ответственность. Правда, Имма не узнавал некоторых людей в своей деревне, да и домов стало значительно больше... а у общего костра в кругу воинов решал какие-то вопросы Лабарт, и чувствовал себя, похоже, как дома. Другие воины смотрели на него с уважением и внимательно слушали, что он говорит.

Имма приблизился к поляне и все поприветствовали его, как вождя. Лабарт тоже склонил голову, но глаза его при этом сверкали незнакомым Имме огнем, а на губах играла хитрая улыбка. После они делили добычу и пировали вместе с незнакомыми Имме воинами и женщинами – то были люди из деревни Лабарта, понял он позже. Их деревни объединились. В этот момент Имма понял, что все еще спит – потому что в его мире, наяву, такого быть не могло.

Не могло быть и такого, чтобы Лабарт, вождь враждебного племени, никем не замеченный кидал на него жаркие и многообещающие взгляды, а потом проникал в хижину вождя под покровом ночи и горячо ласкал его в темноте, с жадной принимающего каждое прикосновение и проникновение, а в душе кричащего от боли и ужаса.

Имма проснулся от собственного крика и сел на лежанке, прислушиваясь к звукам вокруг. В хижине и снаружи было тихо, только его жена ворочалась рядом, разбуженная криком.

Имма тяжело опустился обратно на лежанку и закрыл глаза.

То, что приснилось ему, не было обычным сном – это было пророчеством, пророчеством о прошлом, которое не сбылось. Все это проклятый Гирда со своими шаманскими травами и наговорами, это он все наколдовал... Имма не хотел знать, не хотел видеть всего этого. Ни жалкого, ничтожного себя, которого хотелось убить, чтобы не мучился, ни того довольного жизнью вождя, что каждую ночь ложился, широко раздвигая ноги, и со стонами вождения принимал в себя огромное естество своего ненасытного и коварного врага.

Как удалось шаману засеять в его душу, прежде никогда не колебавшуюся и уверенную в правоте своей ненависти, зерна сомнения и вины? Как ростки полевого вьюнка вспарывали землю, стремясь к солнцу, так и чуждые вождю чувства вскрывали и бороздили привычный ему мир.

До самого утра Имма так и не сомкнул глаз, преследуемый призраками своих кошмаров.

«Лабарт научил меня всему», - оглянувшись на прошлое, пришлось признать вождю. Если бы Лабарт не научил его охотиться и драться, он так и остался бы мальчиком на побегушках.

«Но затем он предал меня, опорочил нашу дружбу... разве можно было поступать так? Если бы все было по-другому, если бы он просто сказал, рассказал мне, что на самом деле чувствует, возможно, все закончилось бы иначе...»

Закончилось бы тем, что Имма увидел во втором своем сне. Они стали бы любовниками, а их племена – объединились. Как не противно было Имме это осознавать, но в том его сне все были счастливы: и люди обеих деревень, и, будь все проклято, они с Лабартом.

Но этого уже никогда не случится, их с Лабартом дружбы уже не вернуть. Да и как бы смог Имма смотреть на него по-другому? После того, как тот, кого он считал своим другом, грубой силой взял его тело, не откликаясь ни на какие мольбы! Со временем ненависть Иммы к бывшему другу утихла, и они просто жили своими жизнями, соблюдая традиции, если приходилось встречаться племенами, но после того, что сотворил с его сыном Коиин... нет, теперь уже ничего не вернуть. Перемирие невозможно.

Спустя несколько дней юноша, стоявший на страже деревни со своими старшими товарищами, нашел Лабарта у озера. Вождь племени задумчиво созерцал водную гладь и мыслями был явно далек от земной суеты. Мальчишка долго мялся за его спиной, боясь потревожить могучего воина, и все не решался подойти. Однако Лабарт был великолепным охотником и приближение живого существа не осталось для него незамеченным.

- Чего тебе? – спросил он ровно, не отрывая невидящего взгляда от воды, будто там, под отражающим покровом, мог разглядеть что-то важное для себя.

- В деревню пришел другой вождь, Имма, и хочет с Вами говорить, - обрадовавшись, что не пришлось принимать сложного решения, выпалил юноша.

- Имма? – переспросил недоверчиво Лабарт. Что могло понадобиться здесь вождю? Разве что до него дошли известия о судьбе Коиина, и он пришел выразить свои чувства в связи с этим.

Хоть бывший близкий друг и занимал в сердце Лабарта особое место, сейчас вождю совсем не хотелось видеть его и говорить о чем бы то ни было. Вождя племени Глубоких озер занимали другие, гораздо более тяжелые и важные мысли.

- Что ж, - тяжело вздохнул Лабарт, поднимаясь на ноги и разворачиваясь к юному стражнику. – Пригласи его в мой дом. Будем говорить.

Имма появился в хижине с огромной плетеной корзиной в руках. Избегая смотреть на хозяина дома, расположившегося у небольшого очага, Имма опустил корзину на землю и сел в строгой, церемониальной позе, сложив ладони на коленях.

Изумленный Лабарт следил за ним внимательным взглядом. Из корзины тянуло аппетитными запахами: свежими ягодами и фруктами, вялым мясом и белой птицей – традиционное благодарственное подношение. Как Лабарт ни старался, так и не смог

вспомнить, чем отличился в последнее время, чтобы заслужить такой широкий жест со стороны непримиримого и гордого вождя.

Вскоре Имма, собравшись с духом, посвятил его в происходящее.

- Гирда открыл мне глаза на некоторые вещи, - тяжело вступил он. Заготовленная заранее речь явно давалась ему с трудом. - Несмотря на все, что произошло между нами, я должен поблагодарить тебя за то, что ты был моим другом и был рядом, когда я в тебе нуждался. Ты многому научил меня и помог мне стать уважаемым человеком. Я приношу свои извинения за то, что лишь лелеял свою злость и упускал это из виду. Прошу, прими эти дары, - Имма указал раскрытой ладонью на корзину, - и кинжал, который я сделал еще до того, как меня нарекли будущим вождем. Он служил мне верой и правдой много лет, пусть теперь послужит знаком моей признательности.

Лабарт молча смотрел на своего старого друга, пытаясь прочесть в его лице, не выжил ли тот из ума, не издевается ли? Но, похоже, Имма был искренним в своем признании и своей просьбе. И ни разу за все время, что произносил речь, он не взглянул в лицо Лабарта.

- Посмотри на меня, - потребовал вождь племени Глубоких Озер. Имма подчинился, сделав над собой огромное усилие, и поднял на него глаза. В них Лабарт прочитал, что друг был искренен, и что несмотря на признание, между ними по-прежнему оставалась только негласная вражда.

Лабарт откинул сплетенную из листьев накидку и заглянул в корзину. В ней, поверх съестных даров, действительно лежал тот самый кинжал – Лабарт прекрасно знал его и вряд ли спутал с каким-либо другим. Он подхватил изделие и бережно подержал его в руках, затем протянул застывшему напротив Имме.

- Я не могу принять это, так как не заслуживаю чести.

- Я не возьму его обратно, - Имма категорично мотнул головой.

- Ты пришел сюда, чтобы очистить свою совесть, не так ли? И тебе неважно, что скажу я.

- Даже в полумраке хижины Лабарт отчетливо видел, как болезненно дернулось лицо мужчины напротив. – Я всегда гордился тобой. Ты много работал для того, чтобы стать тем человеком, каким ты являешься сейчас.

- Зачем ты говоришь это?

- Я говорю это потому, что всегда хотел сказать, но ты не давал мне такого шанса.

Лабарт снова протянул кинжал Имме, и когда тот неуверенно приподнял руку, чтобы забрать его, внезапно крепко схватил друга за запястье.

- Ты не представляешь себе, как я сожалею о том, что сделал. Все могло бы быть по другому.

- Могло бы. Но сейчас уже поздно что-либо менять.

Неожиданно Имма накрыл руку Лабарта, сжимающую кинжал, второй ладонью.

- Возьми его. Я хочу знать, что ты не держишь на меня зла.

- Я никогда не держал на тебя зла, - покачал головой Лабарт. – У меня не было причин. У тебя были. Если бы ты мог перестать ненавидеть меня...

- Это сложно, - Имма отстранился и высвободил свои руки. – Но с этого момента наши племена больше не враждуют друг с другом.

Он поднялся так же церемонно, как и садился, и покинул хижину, не оборачиваясь и ни разу не взглянув на вождя. Лабарт остался один в полумраке своего жилища, наполненного запахами фруктов и мяса, сжимая в руке кинжал и ощущая, как утекает из рук нежданное уже чужое тепло.

Впервые за много лет Имма прикоснулся к нему первый, и этого не требовал никакой межплеменной обряд. То было его собственное желание, и Лабарту хотелось верить, что это добрый и многообещающий знак.

Глава 29.

Незадолго до заката Мая замедлил ход и остановился, ступая на валун, как нельзя кстати подвернувшийся под ноги. Приподнявшись над высокой травой, над бескрайней равниной, молодой воин оглянулся по сторонам и подумал, что вид этот смутно ему знаком – когда-то давно он проходил здесь, а значит, до сих пор ему удавалось держать верное направление. Это была неплохая новость под конец долгого дня, проведенного в дороге.

При чистом весеннем небе солнце светило ярко, да прямо в глаза: Мая прищурился, закрываясь от его жгучих лучей ладонью, и задумчиво взгляделся в даль. Конца лугам с их бушующей цветущей зеленью не виделось. Ветер гулял по просторам, широкой ладонью мял траву, та шуршала отзывчиво и распрямлялась вновь, устремляясь к закатному небу. Мая дернул плечом, когда порыв ветра настиг и его: отросшие за несколько зим волосы, заплетенные в тонкие косички и украшенные цветными бусинами, щекотали кожу, касаясь шеи.

Сзади послышался шорох травы и чьи-то мягкие, неторопливые шаги. Мая обернулся, приветствуя Ланьку короткой бледной улыбкой. Та подошла ближе, протянула руку, касаясь его ноги.

- Тут заночуем, - решил Мая и спрыгнул с валуна. – Устала?

- Нет, - девушка скромно качнула головой и накрыла ладонью круглый животик. – Только есть очень хочу.

Мая снова окинул взглядом пространство вокруг, выискивая еще одну фигурку в густой и высокой траве. Заметив крадущегося неподалеку мальчишку, он сложил руки у рта и крикнул:

- Ямис, не отставай!

Мальчишка вскинул голову, встретился взглядом со старшим мужчиной и кивнул. «Все никак не найдет эту свою ненаглядную куропатку, - думал Мая, сбрасывая с ноющих плеч кульки и помогая Ланьке разбить на ночь лагерь. – Правду ли говорят, что яйца у них голубые, как небесная высь?»

Ямис еще долго шуршал в траве вокруг, выискивая гнездо с необыкновенными яйцами, и к костру пришел, только когда почуял запах горячей еды. Чумазый и насупленный, он принял из рук сестры подогретое кроличье бедрышко и вгрызся зубами в нежное розоватое мясо. Ланька тоже ела с аппетитом, да ей и положено – питаться следовало за двоих. Только Мае кусок в горло не лез. Пожевал лепешку с копченым мясом с отстраненным видом, а после и вовсе потерялся в собственных нелегких думах.

Ланька убирала в мешок остатки еды, отскребала кусочки мяса с удобных палочек для жарки, укладывала упрямого брата спать и все кидала на возлюбленного тревожные взгляды, но помочь ему ничем не могла. Тяжкие думы, что последнюю луну одолевали ее избранника, брали свое начало в туманном прошлом Маи, а женщине не следовало в него

лезть. Когда Ямис наконец-то перестал ворочаться на своей лежанке и ровно засопел, а на луга опустились густые сумерки, Ланька приподнялась над землей и обвила плечи возлюбленного руками.

- Не спится тебе, любовь моя, все думаешь, и думы твои все тяжелей и мрачней с каждым днем. Не поведаешь глупой женщине, о чем душа мается? Я думала, ты уже все для себя решил, раз меня с Ямисом позвал идти с собою...

В ответ Мая глубоко и невыносимо тяжело вздохнул, будто его грудь сдавливали невидимые человеческому глазу оковы.

- Понимаешь, Ланька... – заговорил он приглушенно, затуманенным взглядом уставившись туда, где при свете солнца находился бы горизонт. – Мне хватило храбрости сделать выбор, но чем ближе я к дому, тем меньше решимости я нахожу в своем сердце. Оказывается, я как был, так и остаюсь тем же трусом... не хочу возвращаться туда тем же человеком, каким был.

Ланька помолчала недолго, вглядываясь в темноту, грея спину любимого теплом своего тела. Она тоже сделала выбор, последовав за Маей за родные края, долг ее теперь, как его женщины, был в том, чтобы помогать и поддерживать своего мужчину. Ланька ничего не знала о том, откуда пришел Мая в ее племя несколько зим назад, ни слова молчаливый юноша не сказал о своем прошлом даже вождю. Да ей это было и не важно.

- Пусть я и не знаю, каким ты был до нашей встречи... но ты однозначно уже не тот человек, - прошептала девушка на ухо своему мужчине. – Время меняет всех. А то, что ты пережил, что заставило тебя уйти, не могло не сделать тебя другим человеком. Тебе, должно быть, тревожно возвращаться туда... но, возможно, это и есть последние испытание, в котором ты поймешь, смог ли ты измениться, побороть свои слабости и страхи.

Мая долго молчал, не шевелился и дышал размеренно, обдумывая ее слова. Когда Ланька, устав сидеть в неудобной позе, провела по его плечу рукой и отстранилась, он промолвил едва слышно:

- Наверное, ты права. Не встретить испытание грудью, как воин, и будет означать, что я все тот же ничтожный трус...

- Чего ты боишься, любимый? – спросила Ланька, укладываясь для сна. Мая ответил ей коротко:

- Всего.

Он боялся всего, потому что не знал, что увидит в Долине. Осталось ли все по-прежнему в его деревне, а если нет – придется ли перемены ему по нраву, хватит ли духа смириться с ними? Примут ли его дома? В добром ли здравии отец, не забыл ли его, непутевого сына? Но больше всего Маю страшило зло, обитающее вне его семьи и дома.

Выжил ли тогда Коин? Если да, то наверняка затаил злобу на него и мог отыгаться на

его близких. А даже если мстить не стал, то как Мая посмотрит ему в глаза? Не сможет выдержать его взгляда не из-за не страха – его больше не осталось, Мая знал, что теперь даст достойный отпор любому... не сможет из-за призрачного чувства вины. Тогда в лесу он поступил не по-мужски, но, несомненно, был в своем праве бросить мучителя умирать. Никто не мог осуждать его за трусость. Никто, кроме него самого. А если же Коин умер... Наверное, так было бы проще всего, и Мая бы просто с этим смирился.

Когда он случайно набрел на чужое племя, то и не помышлял о том, чтобы примкнуть к незнакомому народу. Только спустя много ночей, уйдя за холмы, леса и реки, юноша подумал, что встреча не была случайной и, возможно, это был знак: знак, что он ушел достаточно далеко от своего прошлого, что он готов начать жить заново, став другим человеком, став частью другого племени, где никто ничего не ведал о нем.

Поначалу люди не восприняли пришельца с радостью, вождь тоже сомневался, стоит ли впускать в привычный уклад чужака. Не получится ли так, что пригреют на груди змею? Что, если парень послан врагами, чтобы разведать, что тут у них и да как, есть ли чем поживиться и сколько в племени взрослых воинов, способных днем и ночью дать обидчику отпор. Помощь пришла к Мае с совершенно неожиданной стороны: к недовольно ропчущей толпе вышел из своей лачуги шаман и, распахав зевак посохом, встал рядом с вождем.

- Будет вам злословить, - осадил он особо ретиво выступающих против чужака.

- Откуда ж нам знать, что он не передумает нас во сне и не забудет наших детей и женщин? – крикнул кто-то из толпы.

- У воина никогда не поднимется на женщину рука, - ответил Мая негромко, хоть обращались и не к нему, но все вокруг его услышали.

- А ты считаешь себя воином? – спросили его с насмешкой.

- Я собираюсь это доказать, - пожал плечами Мая. – Что могу быть полезен и что буду для вас достойным товарищем.

- Честь достойного воина еще следует заслужить! – смеялись за его спиной.

С разрешения вождя Мая честно заслужил ее, принося в племя добычу, выполняя поручения, помогая всем и во всем, чем мог. Добро и польза, совершаемые им бескорыстно для совершенно чужих и часто настроенных недоброжелательно людей, их благодарность и ответные добрые жесты творили чудеса и неведомым образом залечивали душевные раны Маи. Со временем жители деревни стали проявлять к чужаку дружелюбие, доверяли стоять на страже и присматривать за детьми, не боялись давать в руки оружие.

Позже, следуя праздному человеческому любопытству, стали задавать вопросы: откуда пришел, почему покинул свое племя, зачем остриг волосы? Оказалось, что именно состриженные волосы и насторожили людей: в этой деревне считалось, что обстричь могут только за большую провинность. Пришлось Мае пояснить, что волосы он состриг

себе сам, как символ того, что покончил со своей старой жизнью. А что до шрама на плече, где кожа будто стерта до крови, так это Мае просто не повезло – боком скатился со скалы.

Много времени прошло, зимы, здесь гораздо холоднее и ветренее, чем в родной Долине, летели одна за другой. У молодого воина появились новые друзья, никто в деревне его больше не сторонился, девчушка из семьи, где незадолго до прихода Маи умер кормилец, смотрела на него добрыми глазами и неизменно заливалась аппетитным румянцем. Мая не растерялся и взял заботу о девушке и ее младшем брате на себя. Так, негласно, у него и новая семья появилась – Ланька сразу же полюбила его и души не чаяла в своем молодом муже, а Ямис, тот еще сорванец, долго к новому мужчине присматривался, но потом все же признал в нем если не отца, то уж старшего брата точно. Вскоре и вождь племени их благословил.

Зажили они счастливо, в достатке и любви, и давно уже Маю не тревожили призраки прошлого. Пока в один прекрасный день не позвал его к себе шаман, тот самый, что в первый день заступился за него - самый древний старик, какого молодой воин видывал. Все страхи Маи, позабытые с пролетевшими зимами, ожили вновь, когда шаман степного племени, ставшего новым домом, проронил в напряженной тишине несколько слов.

- Много лет назад здесь проходил скиталец, что покинул дом и искал Мудрости Предков по всей земле, - проскрипел он, опираясь на костлявые свои колени. – Он предсказал, что в племени появится чужак, и велел передать тебе, когда придет время... «Дома тебя еще ждут».

Мая вышел от шамана в растерянных чувствах. Он не сразу понял, к чему именно относились эти слова, а когда понял, что именно имел в виду неизвестный скиталец, не знал, куда деть себя, в какую сторону пойти. В голове его было пусто, не появилось в ней ни одного вопроса – Мая и без того слишком много услышал, слишком много знал, того, что ему было совсем не нужно. Домой идти было нельзя – там чуткая Ланька, увидев неладное, накинется с расспросами, а ответов у Маи не было даже для самого себя. Он двинулся в сторону от деревни, пошел по полю, пока не вышел к ручью. Обычно здесь женщины полоскали шкуры, но сейчас было пусто – небесное светило уже клонилось к закату.

«Что значит – ждут?» - не верил свои ушам Мая. Он убедил себя, что дома его забыли так же, как он позабыл свой дом. И откуда шаману было знать, что «время пришло» именно в этот момент, не луной раньше или позже?

«Потому что только сейчас я залечил свои раны», - понял Мая, глядя на крупинки песка, липнущие к ступням, и схватился за голову. Только сейчас он зажил в полном согласии с собой, молодая жена понесла от него, все у них было замечательно. «Зачем, зачем он мне рассказал?»

Мая знал, что теперь не сможет перестать думать о доме, об отце, о том, что случилось. На него словно опрокинули ушат ледяной воды, сон покинул его. Мая уверил себя в том, что забыл все и стал жить другой жизнью, так зачем шаман вернул в его душу сомнения?

Несколько дней и ночей молодой воин провел в смятении, борясь с тревогой в груди. Ланька пыталась спрашивать его, в чем дело, но Мая не отвечал ей, и девушке пришлось смириться и наблюдать, ожидая конца его мучениям. Однажды ночью Мая проснулся и понял, что своими словами шаман дал ему выбор – остаться в новом племени или вернуться домой.

«Но как я смогу вернуться туда?» - с ужасом спрашивал он самого себя, обнимая свою молодую жену и вглядываясь в темноту хижины. «После всего, что было...»

«Что было, того не воротить, - вспомнились ему слова Ланьки, когда он только начинал за ней ухаживать. Тогда Ланька еще пыталась задавать вопросы, хотела узнать получше, что он за человек, но, будучи очень чуткой, столкнувшись с незримой глухой стеной внутри Маи, отступила. – Никто не рождается сильным, мы все учимся, совершаем ошибки, случаются и несчастья... важно только то, кем ты являешься прямо сейчас. И каким станешь в будущем».

Мая не поверил, что слова эти принадлежали девчужке, которой едва стукнуло пятнадцать зим. Но вспомнил, как тяжело ей пришлось, когда мать и сестры умерли от тяжелой болезни, а вслед за ними и отец, кормилец семьи, и как не пошла она в другой дом второй или третьей женой, а заботилась о себе и брате сама. Воистину, никто не рождается сильным... так может, и он достаточно силен, чтобы грудью встретить свои страхи, а не бежать от них, как тогда, в лесу? И как бежал от них уже столько зим, перейдя через горы, равнины и реки, каких не видывали его предки.

Прошло много дней и ночей, прежде чем Мая понял простую истину, которую долго и, как оказалось, весьма успешно игнорировал. Покончить с прошлым молодой воин мог только встретившись с ним лицом к лицу. Он думал, что забыл все и зажил совсем другой жизнью, но то, как легко вернулись к нему сомнения и как легко затеплилась в груди необъяснимая надежда, говорило о том, что вся эта новая жизнь и гармония с самим собой необычайно хрупки и лишь померещились ему.

«И я не один», - думал Мая, укладываясь на лежанку и крепко обнимая спящую жену. Высокое ночное небо пестрело россыпью белых песчинок, какие-то были побольше, какие-то – поменьше и, казалось, дрожали. «За моей спиной Ямис и Ланька. Они пошли за мной, поверили мне, а значит, я не смею ударить в грязь лицом».

Да, было многое, чего Мая осознанно или подсознательно боялся.

Он боялся, что, вопреки словам шамана, дома его не примут. Или что от того дома, каким Мая запомнил его, спустя зимы ничего не осталось. Он боялся, что Коин выжил после схватки с рыжим медведем, и, вернувшись, Мая будет вынужден снова противостоять ему, и на этот раз у него не будет права проиграть. Бежать, когда за спиной беременная жена и ребенок, некуда.

Еще Мая понимал, что, вернувшись в родное племя, выберет для себя единственно возможную дорогу. Ему придется быть настолько сильным и настолько «другим», чтобы

никто в племени даже в мыслях не посмел сравнить его с прежним Маей. В племя Растущих Семян придет молодой мужчина, сильный и мудрый воин, чтобы занять в скором времени место вождя. Мая надеялся, что он действительно стал таким, а не просто убедил себя в этом.

Когда на горизонте появились смутные очертания до боли знакомых гор, Мая долго стоял, глядя на них, и набирался решимости. Ни Ланька, ни Ямис не беспокоили его, понимая, что сейчас не лучшее время вмешиваться. Наконец, Мая крепче перехватил дорожный посох и дальше ступал твердо, очевидно намерившись больше не сомневаться и не отступить.

Они потратили еще полдня, чтобы обойти горную гряду, и вошли в Долину с другого конца.

- Те земли принадлежат другому племени, - коротко пояснил свой маневр Мая. – И я не знаю, в каких отношениях с ними моя родня.

Ланька согласно закивала головой, подтверждая, что да – лучше не рисковать. Мая не сказал ей, что опасается, что за время его отсутствия племени Глубоких Озер перешла вся земля Долины, все холмы, леса и поля.

Мая шел первым по хорошо знакомой тропинке, петляющей между стволов деревьев, кустарниками, камнями, перепрыгивал через журчащие ручьи, и сердце его щемило от невыносимой тоски. Здесь они бегали еще детьми, вон там, подальше, собирались на поваленном дереве и обсуждали всякое разное, а если пойти по той тропинке – то выйдешь в поле, где Мая впервые сам оседлал коня. Все вокруг было полно теплых и радужных воспоминаний. Хорошо, что Ланька и Ямис шли позади и не видели его дурацкой счастливой и немного глупой улыбки.

Когда они приблизились к землям племени Растущих Семян, Мая первым увидел стража и позвал в голос, предупреждая о своем приближении:

- Трес!

Мужчина впереди вскинул голову, взглядом выискивая того, кто позвал его по имени. Мая не спеша вышел на полянку, позволяя разглядеть себя, вслед за ним – Ланька и жмущийся к ней Ямис.

- Мая?! – неверяще воскликнул мужчина, делая неуверенный шаг навстречу. – Ты ли это?..

- Глаза тебя не обманывают, это действительно я... – Мая улыбнулся той искренней радости, прозвучавшей в голосе соплеменника. - После стольких лет и не чаял меня увидеть?

- Твоя сестра родила мне третьего малыша, пока тебя не было! Но она часто вспоминает своего непутевого брата... никто не знал, что с тобой случилось.

Мая подошел ближе и остановился в шаге от мужа своей старшей сестры.

- Я рад тебя видеть, - тихо признался он. Трес оскалился в широкой улыбке.

- А уж я-то как рад! Иди, дай обнять себя! Да ты возмужал... – Трес стиснул плечи Майи в медвежьих объятиях, молодой воин в ответ похлопал его по спине. Он не ожидал, что родственник воспримет его возвращение так радужно, и это было хорошим знаком. Если бы в деревне все относились к нему, как к предателю или трусу, если бы его родные отвернулись от него, Трес, даже будучи дружен с Маей, не улыбался бы ему теперь так тепло и обещающе.

- А это кто с тобой? – спросил мужчина, расцепив, наконец, руки. Мая обернулся, подозвал свою маленькую семью рукой, и те неуверенно приблизились.

- Это моя жена, Ланька, и Ямис, ее брат, - представил Мая.

- Ну а что, давно пора... – одобрительно ухмыльнулся Трес, потирая колючий подбородок, затем заметил выступающий круглый животик у девушки. – Да я вижу, ты и сам вот-вот в папашки заделаешься? Вот Имме радость, да что мы стоим-то? Идем скорее в деревню, будем пировать!

Трес по-дружески обхватил Маю за плечи, развернул и они двинулись по тропинке в сторону поселения. За мужчинами последовала и Ланька с братом. Тот что-то сказал ей шепотом, а девушка рассмеялась.

- Как дела в племени? – осторожно спросил Мая друга. – Много изменилось с тех пор, как я покинул долину?

- Изменилось не многое, - так же осторожно ответил мужчина, понижая голос, чтобы их не услышали. – По правде сказать, почти ничего. Кроме того, что твоя сестра разродилась в третий раз, изменилось только то, что мы больше не ведем дела с племенем Глубоких Озер... Имма и Лабарт говорили лишь раз с той ночи, как ты исчез, и с тех пор все торговые дела сошли на нет, перестали приходить их люди с рыбой и мясом, а Имма не посылал никого с овощами и зерном.

- Но племена не враждуют?

- Нет, - покачал головой Трес. – Племена делают вид, что они одни в этой долине, вслед за вождями так думают и люди. Я все понимаю, Мая. Твой отец тяжело переживал твое исчезновение, мы все или знали, или догадывались, что происходило между тобой и Коином, и когда Имма прекратил все отношения с племенем Глубоких Озер, его поддержали. Но, сказать по чести, это сильно отразилось на нашем быту, и не в лучшую сторону... зимой люди голодают, мы не можем добыть достаточно мяса.

- Вот как, - тихо отозвался Мая. Он и не думал, что его побег может иметь такие последствия для всего племени. Вернее, он был готов к большим бедам – к слетевшему с катушек от ярости Коину, если тот выжил, или к мести его отца, но это были скорее воспаленные его страхом фантазии, а голод – был реален. В том, что люди банально

голодали, была только его вина, и только он мог это исправить.

- Теперь я вернулся, Трес, и обязательно что-нибудь придумаю.

Несколько шагов они прошли в неловком и напряженном молчании, затем Трес снова заговорил о младшей дочери и о семье.

Впереди показалась деревня. Грудь Маи наполнилась и счастьем, и тоской при виде родных крыш, улочек, засеянных полей и детворы, бегающей с деревянными игрушками и соломенными куклами. Сколько счастливых лет он провел здесь, любящий и любимый всеми вокруг? Все это перечеркнул Коин своей большой страстью, насилием и безумием павшего за грань человека. Однако Мая нашел в себе силы залечить раны и простить, но он никогда не забудет. Он вернулся домой другим Маей и будет строить здесь другую, новую, не менее счастливую жизнь.

Трес засвистел затейливой трелью, означающей добрые вести, и из домов тут же показались любопытные лица, люди спускались с лобного места, чтобы поглядеть, что за новости принес кто-то из племени.

Маю узнали не сразу. Он действительно изменился, не только внутренне, но и внешне – раздался в плечах, фигура его приобрела более жесткие черты благодаря проступившим под загорелой кожей каменным мышцам, он носил другую одежду, другие украшения, другие рисунки на щиколотках, руках и груди, лицо его заострилось, волосы забраны в непривычную в этих краях прическу – высокий хвост, который разбавляли несколько тонких косичек с цветными лентами и бусинами, а правая сторона черепа до виска была выбрита и покрыта ритуальным рисунком. Такой носили все воины в племени Ланьки, Мая был горд, когда узнал, что заслужил его.

Постепенно люди узнавали в нем того веселого улыбочивого юнца, каким помнили сына вождя, и в толпе стали раздаваться вскрики «Мая! Это же Мая! Вернулся! Живой!».

Мая скользил взглядом по знакомым лицам, высматривая всего два – отца и матери. Вскоре появились и они – чуть постаревшие, чуть более уставшие, чуть более седые... Мать заплакала, увидев сына живым и здоровым, и бросилась к нему на шею. Мая крепко обнял бедную женщину и поднял взгляд на отца. Тот плотно сжимал губы, сдерживая непрошенные слезы, глаза его покраснели. Имма неспешно подошел к нему, как подобает вождю, и тоже заключил в объятия. Они стояли так, втроем, под взглядами всего племени, и Мая чувствовал, что сам вот-вот прослезится...

- Я вернулся, - сказал он громко, чтобы отвлечься от раздирающих его чувств. Все вокруг внимательно слушали его. – Вернулся другим человеком и привел свою семью. Это Ланька, моя жена, она носит под сердцем моего ребенка, - Мая повернулся и подозвал смущенную девушку, бережно взял ее за руку, демонстрируя всем, что эта женщина принадлежит ему. – Это ее младший брат, Ямис, и мне он как родной. Ланька и Ямис пошли за мной из далекого племени, что живет в степях, их обычаи отличаются от наших, поэтому будьте терпеливы и дружелюбны с новыми соплеменниками.

- Ты говоришь, как настоящий вождь, - шепотом заметил Имма, когда Мая закончил свою

речь. Вождь тепло улыбался уголками губ и в его голосе слышались гордость за сына и одобрение.

- За этим я и вернулся, отец, - кивнул Мая. – Это мое племя, во мне – кровь вождя, а кровь – не вода.

Имма понимающе кивнул.

- Кровь не вода, это точно... Я знаю, ты устал с дороги. Мать разместит твоё семейство, а мы пойдём в дом, и ты расскажешь мне, как сложилась твоя судьба.

Примечание к части

После оочень большого перерыва...) Но, предвещая комментарии вроде "следующую часть ещё полгода ждать", отвечу, что историю дописала и выложу остальные главы до конца недели. :)

Буду рада любым комментариям, так как для меня оказалось сложно заканчивать такую психологически тяжёлую историю, интересно, как оценят кульминацию читатели.

И спасибо всем, кто всё ещё со мной!

Глава 30.

Мая решил отстроить себе новую хижину, в знак начала новой жизни в старом племени. Трес и другие мужчины поддержали его, совместными усилиями хижину возвели за два дня, и молодая семья быстро обустроилась в просторном доме.

Поначалу Мая волновался о том, как Ланька и Ямис приживутся в чужом племени, но в первые же дни после возвращения у него хватало и других забот. Мая выслушал вполне ожидаемую весть о том, что во время его отсутствия отец начал присматриваться к мужчинами племени и искать достойного занять место вождя, когда он станет слишком стар и решит отойти от дел.

Отец действительно вытребовал у сына все подробности скитаний: в первую ночь они долго разговаривали, Мая рассказывал о землях, которые видел во время своего путешествия, о думах, одолевавших его в долгом одиночестве, о перенятых от степняков умениях, о чужих обычаях, о сытных корнеплодах, легких в выращивании. Имма говорил о семье, о переживаниях Матери, о маленькой внучке, Мая – о чудесной и чуткой Ланьке, о Ямисе, в котором, несмотря на различия в характерах, видел молодого себя, об ожидаемом ребенке. Ланька хотела девочку, а он – сына.

Они говорили долго, восполняя годы разлуки, но никто из них ни разу не упомянул Коина. Мае было страшно спрашивать о его судьбе, выжил ли воин или умер от ран, нанесенных медведем? Ему было проще думать, что Коина больше нет, что ничего больше не потревожит его сердце и душу. Но он так же понимал, что избегать неприятной темы нельзя бесконечно. Неприятным осадком на душе было осознание, что он опять малодушничает и оттягивает беседу о том, что причинило ему столько боли. Молодой воин опасался, что боль еще ушла не вся, и стоит только подойти ближе, копнуть глубже воспоминания, их освежить...

Мая первым заговорил о делах племени, сообщил отцу, что намеревается восстановить торговлю с племенем Глубоких Озер и ввести некоторые изменения в систему посевов и выращиваний, в том числе, научить людей собирать и высевать злаки, которые были основным продуктом питания степняков, вне Долины, где было много свободной и плодородной земли. Имма оценил возможность производить больше пищи, но тут же помрачнел и поджал губы. С видимым трудом Имма признал, что вражда между семьями вождей зашла слишком далеко, и люди не должны от этого страдать, мучаясь голодом. За прошедшие зимы еще никто не умер, но люди недоедали и часто болели.

- Будет сложно вернуть все, как было, - признался Имма, глядя в огонь.

- Думаешь, Лабарт настроен враждебно? – высказал предположение Мая. Отец глянул на него осторожным, тяжелым взглядом.

- Лабарт? Нет, не думаю, что Лабарт будет против. Но его слово теперь не много значит, у власти уже три зимы стоит Коин.

Мая не смог ничего ответить, несколько пораженный известием, хотя, ему казалось, он был к нему готов. До сих пор его утешала неопределенность: были равноценные шансы

на то, что Коин жив, как и на то, что он погиб. Теперь же Мая знал точно, что его бывший мучитель жив, и понимал, что рано или поздно им придется встретиться. Учитывая планы Маи прекратить голод в деревне, случится это скорее раньше, чем позже.

- Что ты будешь делать? – голос отца вернул молодого воина к реальности. Имма был лучше всех остальных осведомлен о том, что случилось между его сыном и Коином, вставать во главе племени и налаживать отношения с соседями означало регулярно видаться и общаться. Сможет ли это выдержать Мая?

Тот, прошлый, светлый и наивный мальчишка не мог. Новый, повзрослевший и многое переживший Мая, собравший себя по кускам и ставший сильнее, больше не видел перед собой невозможного и не боялся встретиться со своими страхами лицом к лицу. Не боялся, но и не спешил...

Мая собирался исполнить свой долг, как будущего предводителя племени, чего бы это ему не стоило.

Имма настоял на том, чтобы официально провозгласить сына наследником вождя и провести ритуал, в котором Духи Предков признают его право вести за собой племя. Мая не сопротивлялся – ритуал был необходим, чтобы окончательно убедить тех, кто еще сомневался, что означает его возвращение. Все прошло без неожиданностей, и Мае было приятно увидеть, что люди веселятся и танцуют у костра, воспрявшие духом. Он старался не думать о том, что вскоре придется взяться за дела и встретиться с Коином.

В ночь ритуала никто не препятствовал Имме или Шаману, но на следующее утро Мая обнаружил, что в селении есть несколько мужчин, которые считали себя более достойными звания Вождя. Молодому воину пришлось отстоять свое назначение в нескольких честных поединках, каждый из которых остался за ним. Не всегда с легкостью, ведь некоторые мужчины были крупнее, сильнее и опытнее в рукопашных боях, но за Маей оставалось его главное преимущество – ловкость и скорость, да и некоторые приемы, изученные в дружеских боях со степняками, сыграли в его пользу.

Когда Мае бросали вызов, он увидел на лице Иммы волнение – отец, игнорируя внешние изменения, все еще считал его неспособным выстоять бой с серьезным противником, но Мая доказал на деле, что телом он стал гораздо сильнее, что он был мужчиной. Те, кто сомневался в силе его тела, после поединка проникались к нему уважением. А в силе духа Мая должен был сначала убедиться сам.

Ланька легко нашла общий язык с местными женщинами. Она учила их заплетать волосы так, как было принято в ее родном племени, показывала, как делать украшения и замешивать новые краски, учила правильно высаживать принесенные из степей корнеплоды. Для Ямиса все было гораздо сложнее – мальчишкам его возраста всегда сложно принять чужака, но Ямис произвел на местных впечатление, продемонстрировав свои умения в стрельбе из лука. Необычного лука – такие не делали в Долине, и несколько дней вся шпана увивалась вокруг него, выделявая новые луки и перенимая тонкости стрельбы из диковинного оружия.

Мая несколько раз видел названного брата в компании других мальчишек и радовался, что его новая семья нашла себе место в его племени, поэтому, как-то раз увидев Ямиса одного на отшибе, стреляющего по соломенным тюкам, Мая решил подойти. Меткая стрельба с большого расстояния требовала долгих тренировок, именно этот навык упорно отработывал мальчик.

- Где все твои друзья? – спросил Мая, подавая голос издали, чтобы не напугать лучника своим внезапным появлением. Ямис не шевельнулся, напряженными пальцами выпустил стрелу – та попала в самый край соломенной фигуры, - и обернулся.

- Не знаю, я не звал их с собой, - ответил он, убедившись, что за спиной стоит друг.

Мая понимающе кивнул, припоминая, что Ямис и в родном племени редко появлялся в окружении друзей, все больше бегал сам по себе. Из него вообще приходилось каждое слово вытягивать чуть ли не силой, не потому, что Мая ему не нравился, Ямис всегда и со всеми был такой, даже с сестрой – упрямый, нелюдимый и неразговорчивый.

- Да, иногда от них очень много шума, - Мая сложил руки на груди, внезапно осознав, что со всей этой беготней вокруг него в последние дни тоже устал от общества других людей и хочет немного побыть в тишине, наедине с собой. - У тебя неплохо получается.

- Я знаю, - буркнул мальчик, - но можно и лучше...

- Не целься так долго, тогда рука не будет уставать и слабеть, не будет вздрагивать перед тем, как отпустить тетиву.

- Целиться сложно, - нахмурился Ямис. – Ты хорошо стреляешь.

- Я много тренировался, - Мая ободряюще улыбнулся. – И ты будешь отлично стрелять, может, даже лучше меня, у тебя есть к этому способности.

- Спасибо, - Ямис смущенно опустил взгляд.

- Твоя сестра сегодня готовит ваше любимое блюдо, давненько мы его не ели, а?

- Да. Но местная еда мне тоже нравится, - сказал Ямис и отвернулся, ловко подхватывая из колчана стрелу и накладывая ее на тетиву. Он старался не целиться слишком долго, но из-за этого промазал, хотя полет стрелы был ровный.

- Ты не жалеешь, что пошел за нами? – поинтересовался Мая впервые с тех пор, как они покинули степное племя. Ямис пожал плечами.

- Не думал об этом. Если бы я не хотел, то не пошел бы, ты знаешь.

Мая кивнул.

- Тебя не обижают?

- А если и обижают, то что? – Ямис повернулся и сердито посмотрел на старшего мужчину. – Вступишься за меня?

Мая покачал головой:

- Нет, конечно, просто... мальчишки иногда бывают несправедливо жестоки и поступают нечестно.

- Я любого из них могу с легкостью побить! – заявил Ямис гордо, вскидывая голову. Мая, не сдержавшись, рассмеялся:

- Да уж, я знаю...

Мальчик вдруг нахмурился и посмотрел в сторону, нервно сжимая в руках лук. Мая по его виду понял, что на поляну вышел кто-то ему незнакомый, и повернулся тоже.

Он сразу узнал Коина, с первого взгляда, еще даже не осознав – сердцем почувствовал и узнал его. Мужчина вышел из зарослей высокой травы и стоял у самой кромки, на почтительном расстоянии, пристально глядя на него, и Мая так же пристально смотрел на фигуру своего бывшего врага, мучителя, внимательно прислушиваясь к себе.

- Ямис, сходи поиграй с мальчишками, - спокойно велел Мая. Младший взглянул на него с подозрением, уловив напряжение между старшими мужчинами, но подчинился, взял колчан и побрел в сторону деревни.

Коин сделал несколько шагов вперед, потом еще... Мае было интересно, насколько близко осмелится подойти воин, но тот остановился в пяти шагах. Безопасное расстояние, принятое между чужаками – когда хорошо видно и слышно друг друга, но напасть неожиданно нельзя.

Мая прислушивался к себе, глядя на человека, с которым его связывало так много – и все было окрашено в темные цвета ярости, ненависти, страха и боли, - и больше не находил в себе этих чувств. Он давно излечил свое сердце и не боялся Коина, потому что знал, что стал сильнее и тот больше не причинит ему вреда; он не ненавидел Коина, потому что сумел понять его безумие, а на сумасшедших не держат зла, как и на детей, стариков и больных; и он не испытывал больше боли, разве что блеклые отголоски ее, из прошлого.

Коин не сильно изменился внешне, он был все так же загорел, огромен и могуч, и страшные рваные шрамы, оставленные медведем на его теле, придавали облику воина свирепости, как и шрамы на голове от острых клыков зверя. Однако, на лице Коина больше не было того высокомерного, самоуверенного и заносчивого выражения, в глазах не плескалась насмешка с искорками безумия. То было лицо цельного, сильного, но сложного человека со сложной судьбой и грузом вины и ответственности.

Они стояли, молча глядя друг на друга, уже какое-то время, и никто не находил ни сил, ни слов, чтобы заговорить первым. Мае, наверное, было легче перенести встречу, потому что он спросил то, что должен был спросить любой мужчина племени, увидевший на

своей земле чужака:

- Как ты прошел сюда?

Коин молчал так долго, глядя на будущего вождя так, будто увидел призрака, будто сомневаясь, что глаза его не обманывают, что Мая начал сомневаться, услышал ли вообще его мужчина. Да и вменяем ли? Опасен? Коин выглядел «нормальным» человеком, но, кто знает, не вырвется ли утихшая со временем и покоем болезнь из недр его души?

- Ты вернулся, - сказал, наконец, Коин, но прозвучало это так, будто он говорил с самим собой.

- Я вернулся, - подтвердил Мая и ровным голосом повторил вопрос: - Как ты прошел сюда? Насколько я знаю, наши племена сейчас не в самых лучших отношениях и вряд ли тебя просто пропустили в деревню.

Коин снова молчал, чуть хмурясь, кажется, пытался донести до себя его слова и получалось у него с трудом. Мая не мог винить его, скорее всего, Коин и не думал никогда увидеть его вновь. Мая долго готовился к возвращению домой, а для Коина вернувшееся прошлое было неожиданным ударом. И кто знает, что за мысли занимают сейчас его голову? Мая смог излечиться, а смог ли излечиться Коин?..

- Я молил Треса на коленях, чтобы он разрешил мне увидеть тебя, - признался мужчина. Мая не удержался и вскинул удивленно брови. Коин? Молил кого-то? На коленях?

- И он пропустил тебя, вождя чужого племени, в деревню? – с сомнением уточнил Мая. От пристального взгляда воина ему становилось не по себе. Они здесь одни, но это к лучшему... Мая не хотел иметь свидетелей их первой встречи, потому что не знал, чего от нее ждать.

- Он пропустил меня к тебе. Трес хороший человек, я убедил его дать мне пройти.

- И как же?

- Я был честен... я пришел, чтобы поговорить, и никому не причиню вреда.

- Так говори, - приказал Мая. Трес еще получит выговор за своевольничество, Коину было не место в деревне. И никогда не будет!

- Ты изменился, - тихо заметил Коин.

- Иначе бы я не смог вернуться. Говори, зачем пришел, Коин. У меня нет желания видеть тебя без надобности.

Могучий воин вздохнул и на несколько мгновений опустил взгляд под ноги.

- Я не знаю, как просить у тебя прощения, Мая... – он замолчал, подбирая слова. Мая не

собирался ему помогать. – Я сделал много ошибок, совершил много зла и был непростительно жесток с тобой. Я не мечтаю о милосердии и о том, чтобы ты меня не ненавидел, я лишь хочу, чтобы ты знал, как мне жаль, что ничего не вернуть назад и не исправить. Я был за гранью Живых и Мертвых, ступил за нее одной ногой и увидел... понял... очень многое и это будто переродило меня, я вернулся с чистым разумом и несмываемыми грехами... Я хотел бы знать, могу ли хоть как-то искупить свою вину перед тобой? Я сделаю все, возможное и невозможное, чтобы ты почувствовал себя отмытым. Я прошу, дай мне только шанс попытаться все загладить...

- Коин, - холодно прервал Мая. Удивительно, но он совсем ничего не чувствовал. Совсем. Ничего. Ни злости, ни обиды, ни жалости, ни раздражения. – Я не ненавижу тебя.

Мужчина вскинул на него непонимающий взгляд. Мая продолжил, сложив руки на груди:

- Я тебя не ненавижу, потому что нашел в себе силы понять твое безумие. Мне тоже жаль, что все так сложилось. И я больше не боюсь тебя. Но я не могу забыть того, что было, несмотря на то, что простил. Мне ничего не надо от тебя, и в деревне тебе не рады, поэтому больше не приходи сюда, если это не необходимость. Мы будем общаться как вожди наших племен, и на этом все. Если хочешь искупить вину – искупай ее перед собой и перед Духами предков, а теперь уходи.

Коин не двинулся с места, глядя на повзрослевшего Маю растерянными глазами. Не такой реакции он ожидал на свое появление и свои слова раскаяния! Он был готов к ненависти, к агрессии, к страху на лице растоптанного когда-то юноши, был готов встать на колени и молить, лишь бы его услышали... но Мая правда изменился. Чего Коин совершенно не ожидал увидеть с его стороны, так это равнодушия. Коин не был готов к тому, что после всего того зла, что он причинил возлюбленному, Мая так легко вычеркнет его из своей жизни.

В груди воина племени Глубоких Озер кольнуло обидой и разочарованием. Надо же, он надеялся, что хоть что-то значит для Маи! Что юноша считал его хотя бы врагом, чтобы между ними была хоть какая-то связь, хотя бы эмоциональная, хотя бы полная ненависти, но в Мае не было и этого. Он понял, простил и отпустил своего мучителя. А Коин?...

Коин остался наедине со своими любовью, болью и виной. Не с кем было разделить их и не перед кем было искупить. Мае не было до его чувств никакого дела.

«А на что ты рассчитывал?» - спрашивал тихий гаденький голосок в голове Коина. «Что он будет вечно принадлежать тебе, испытывая такие сильные чувства, как страх и ненависть? Ты ведь надеялся на это, ты хотел, чтобы он продолжал страдать и думать о тебе... все по-прежнему, ты ничуть не изменился, ты все то же животное, стремящееся причинить боль, лишь бы на тебя обратили внимание».

- Нет, нет, это не так... – еле слышно пробормотал Коин себе под нос. – Я другой, я больше его не трону...

- Уходи, - Мая повторил твердо. Коин снова вскинул на него глаза, на этот раз полные надежды.

- Не прогоняй меня, Мая, я знаю, ты злишься... дай мне шанс, чтобы искупить вину!

- Я уже сказал, тебе не надо искупать вину передо мной. Я простил тебя. Ты хочешь облегчить свою совесть, потому что сам себя не простил, и я не помощник тебе в этом. Уходи, Коин, пока кто-нибудь еще тебя не увидел. Я не вождь, моего приказа будет недостаточно, чтобы остановить драку.

В голосе и лице Маи было столько холодной решимости, что Коин невольно попятился. Нет, Мая ничем ему больше не поможет, Мая выкинул его из своей жизни и своего сердца, Мая не хочет его больше видеть... но им придется видаться, он сам сказал. Значит, наверное, еще не все потеряно, и у них будет возможность еще поговорить... Он уйдет сейчас, но не сдастся.

Мая молча смотрел, как Коин нехотя и тяжело разворачивается, понуро бредет прочь от деревни, и сам не верил, что все закончится так просто. Ждал ли он, что позже, переварив разговор, Коин взбесится? Вполне...

Но, к удивлению молодого воина, в последующие дни вождь племени Глубоких Озер никаким образом не напомнил о себе. Мая все равно усилил охрану в деревне и был настороже, в любой момент ожидая какой-нибудь подлянки. В то же время, вспоминая лицо Коина и искреннее раскаяние в его глазах, Мая сомневался, что бывший враг сделает хоть одно угрожающее движение в его сторону, скорее, наоборот, постарается во всем идти навстречу и всячески «заглаживать свою вину».

Возможность вить веревки из Коина Маю нисколько не воодушевила, это было низко, мелко и подло, да и не хотел Мая от мужчины ничего. Когда через несколько дней он послал в соседнюю деревню человека с вестью для вождя, Коин сразу же ответил согласием на встречу и бесстрашно явился в племя Растущих Семян в сопровождении лишь двух своих верных воинов. Захоти Мая отомстить и расправиться с обидчиком – они не будут помехой, и таким образом Коин предоставлял в руки Маи собственную жизнь, будто говоря «вот он я, в твоей власти, тебе решать, что сделать со своим обидчиком».

Мая сей храбрый и жертвенный поступок не оценил.

В хижине они говорили только о делах. Помимо Маи и Коина с его свитой, на встрече присутствовали Имма и Трес, так как Мая еще не вступил в право вождя и не мог один принимать решения. Кроме того, Мая догадывался, что отец не желал оставлять его наедине с Коином, хотя бояться, по его мнению, было нечего. Не похоже, что Коин задумывал что-то гадкое и лишь притворялся настроенным миролюбиво, того же мнения был и Трес.

Коин шел навстречу в любых предложениях Маи, легко соглашался на все выставленные условия, лишь для виду задавая не самые важные вопросы, делал выгодные встречные предложения. Мая от этого только раздражался - ему казалось, что Коин задабривает его своими подачками, подлизывается, пытается выторговать у него

«прощение» материальными благами. Но совесть не задобришь подобными пожертвованиями.

Несколько раз Мая ловил взгляд Коина на себе. Взгляд не вождя – бывшего любовника, если их можно было так называть. От этого взгляда Мае становилось не по себе и он морщился, отводя в сторону глаза. Может, Коин и избавился от своего сумасшествия, но не от чувств к Мае. Осознание этого было не самым приятным для будущего вождя, он не хотел иметь никаких связей с Коином, кроме деловых, даже если эти связи односторонние.

Все шло гладко. Первая встреча, затем вторая, возобновилась торговля между племенами, хоть люди все еще смотрели друг на друга настороженно и были не слишком любезны с чужаками.

Время шло, а Коин находил все новые и новые поводы возвращаться. Он то просил помощи, то предлагал ее – в засевах полей, в охоте, предлагал устраивать совместные тренировки, чтобы воины двух племен перенимали друг у друга разные навыки и умения, даже устраивал свадьбы. В Долине было несколько молодых пар, которым все это время приходилось видаться тайно из-за напряженных отношений между племенами.

На свадьбах, соответственно, присутствовали гости с обеих сторон, молодых приходилось благословлять и Мае. На первой свадьбе он впервые увидел сына Коина – мальчишку пяти или шести зим, точную копию своего отца в детстве, но с более мягкими чертами лица и добрыми любопытствующими глазами. Мальчика называли Вельдо, что означало Теплый Ветер с Солнечных Гор. Мая был не слишком рад увидеть, что Ямис и Вельдо каким-то образом легко нашли общий язык и с тех пор первый сын вождя племени Глубоких Озер частенько появлялся в соседнем селении.

А Коин то и дело приходил с предложением устроить большой пир, в честь дружбы племен, но Мая находил отговорки и сворачивал эту беседу.

- Ты можешь не любить меня, Мая, но наши племена должны сблизиться, - говорил вождь, не глядя на юношу. Тот тоже не глядел на мужчину, не видел в этом никакой нужды, да еще боялся встретиться тот взгляд, странно нежный и тоскующий. – Мы должны устроить совместный праздник, разделить пищу и питье и показать всем, что мы больше не враждуем.

- Ты слишком много просишь.

- У тебя, Мая? Или у будущего вождя?

Мая скрипел зубами в ответ на подколку, стискивал кулаки, и, в итоге, согласился. Коин был прав: их разборки не должны касаться других людей.

На празднике они сидели рядом, но на почтительном расстоянии, церемонно пили из одной чаши и изредка обменивались ничего не значащими фразами, демонстрируя всем вокруг, что общение не вызывает у них никаких сложностей. Знали бы люди, скольких усилий стоило им обоим оставаться на местах, не говорить глупостей и их не делать! Мая

чувствовал внимание Коина, чувствовал его пристальный взгляд, даже когда мужчина смотрел в другую сторону – но мысли его были всецело обращены к сидящему на расстоянии вытянутой руки молодому воину.

- У тебя прекрасная жена, Мая, - вполголоса заметил Коин. Услышал его только Мая и верная свита за спиной, Имма в это время шептался о чем-то с шаманом, остальные же танцующие и пирующие видели только, что двое ведут какую-то легкую дружескую беседу.

Мая нашел глазами беременную жену – та неспешно танцевала с Ямисом, несколько неповоротливая и уставшая, но лицо ее было озарено улыбкой. Мать говорила, что Ланька вот-вот разродится, и Мая обеспокоился, что не надо бы ей толкаться на последнем сроке среди опьянелых людей.

- Да, - сухо ответил молодой воин. – Если тронешь ее, или моего ребенка, или кого-то из моего племени, моего прощенья больше не дождешься.

- Перестань, Мая, - Коин тяжело вздохнул. – Я клянусь, я никому не причиню вреда, и тебе желаю только счастья.

- Мне хочется в это верить.

- Так верь.

Коин не давал поводов усомниться в своей лояльности к соседнему племени и к Мае и его семье в частности. На рождение сына, которого Ланька нарекла степным именем Рейни, Коин закатил такой щедрый и громкий пир, что Мая, переполненный счастьем, на один день и на одну ночь перестал хмурить брови и думать о том, что со стороны Коина ему или кому-то из близких может грозить опасность.

- Это великое счастье – держать на руках новорожденного сына, - подвыпивши, громыхал вождь племени Глубоких Озер, а Мая, прижимая к груди завернутый в шкуры слабо пищущий комочек, только улыбался ему и не сторонился, видя по глазам мужчины, что он уже испытывал и разделяет его чувства. – Я так рад, Мая, и благодарен Духам Предков, что ты живешь дальше и что ты можешь быть счастлив, несмотря ни на что!..

В тот момент Мая чувствовал, что Коин говорит искренне, и поверил, наконец, что от него больше не стоит ожидать зла. Возможно, этому способствовали блестящие в прежде ненавистных глазах могучего воина слезы, возможно, Мая размяк и ослаб от своего счастья, но он всем сердцем поверил Коину и не оттолкнул мужчину, когда тот неловко попытался его обнять.

Эпилог.

С обхода Мая вернулся в деревню только к полудню. Трес, пообещав зайти к Имме позднее, поспешил в свою хижину, к вновь беременной жене, а проголодавшийся и уставший Мая направился к себе, чтобы немного отдохнуть и побыть с семьей перед сборами к Большой Охоте.

Ланька, предупрежденная еще на рассвете, уже готовила для него похлебку в маленьком котелке у дома. Мая поцеловал ее в щеку, сбросил к стене сумку, колчан, лук, ножны и копье, нырнул ненадолго в тень хижины за прохладной водой.

- А где Рейни? – обеспокоенно спросил вождь через несколько мгновений, не обнаружив в доме сына. Когда Мая шел по деревне, то видел небольшие группы мальчишек, воодушевленных предстоящей охотой (это была его идея устраивать настоящую охоту и для детей, разумеется, под присмотром взрослых опытных охотников), но среди них не обнаружил своего сына. Что показалось ему странным, ведь Рейни один создавал шуму больше, чем все подростки вместе взятые, и без него не проходила ни одна «сходка». И дома его не было тоже...

Мая выглянул из-за двери и вопросительно уставился на жену, Ланька же, за десяток с лишним лет привыкшая к подобным разговорам, невозмутимо пожала плечами:

- Ямис и Вельдо взяли его с собой на стрельбище.

Несколько долгих мгновений Мая молчал, затем показался хмурый и встал рядом с женой.

- Не начинай снова, - попросила Ланька, поднимая на любимого примирительный взгляд.

- Я уже говорил тебе, мне не нравится, что Вельдо отирается рядом с детьми...

- Да какие же они дети...

- Он старше, пусть играет со своими сверстниками.

- Они с Ямисом хорошие друзья, а Рейни полезно пообщаться со старшими. Ты же знаешь, Ямис в нем души не чает и не даст в обиду. И Вельдо нравится с ним возиться...

- И это подозрительно! – громче, чем следовало, вырвалось у вождя. Впрочем, он тут же прикусил язык, не хотел, чтобы его услышали.

- Это вполне нормально, Мая, - заверила Ланька, помешивая похлебку. – У вас с Коином были трудности, но Вельдо ничего плохого пока не сделал. Он хороший мальчик.

- Яблочко от яблоньки...

- Брюзжишь, как старый дед, - Ланька засмеялась. - Вельдо не давал тебе повода в нем сомневаться.

«Зато его отец их дал достаточно, чтобы я сомневался даже в его сыне...» - подумал про себя Мая, но вслух ничего не сказал. Головой он понимал, что сам себя накручивает практически на пустом месте, что претензий никаких к Вельдо не может быть – да, он был чуть старше Ямиса и на порядок старше Рейни, но у него полно друзей сверстников. Ямис всем был интересен, так как пришел из другого племени, из далеких земель, и дружба Вельдо и Ямиса не казалась такой уж и странной. И, может быть, не было ничего странного в том, что мальчишка вроде Вельдо приходит иногда повозиться с подрастающим Рейни, делает для него игрушки и украшения из зубов и костей своей первой добычи, помогает натянуть тетиву лука или сбалансировать стрелы.

Но они были так похожи! Вельдо – точная копия Коина в детстве, но без того высокомерия и заносчивости. Мая готов был признать, что он неплохой парень, добрый, воспитанный и ответственный, но Вельдо уже вступил в пору созревания и черт знает, какие в его голове крутились мысли. Рейни – точная копия Маи, светловолосый и светлокожий, улыбающийся малыш. Они были так похожи и Мая так боялся, что их с Коином история повторится... Имма разделял его страхи и тоже присматривал за Вельдо, когда тот появлялся в деревне.

Но Вельдо действительно не давал никому повода в себе сомневаться. У него было столько друзей в племени Растущих Семян, и все отзывались о нем как о хорошем и добром парне, младшие вообще брали с него пример. Иногда Мая искренне не понимал, как у такого неуравновешенного человека, каким был Коин в прошлом, мог родиться такой рассудительный и добросовестный сын. Мая несколько раз беседовал с Вельдо, непринужденно, испытывая некоторое чувство вины за то, что устраивает замаскированный допрос, однако мальчик чувствовал себя спокойно и отвечал с энтузиазмом, не боялся чужого вождя и отца своего приятеля.

Обычно Вельдо игрался с Рейни у дома, на глазах Ланьки или родни, но в последнее время Рейни подрос и стал таскаться за старшими приятелями везде, что, в принципе, не было так уж плохо – он многому у них учился. Но Мая все равно испытывал чувство тревоги, когда Рейни и Вельдо оставались без присмотра старших.

«С ними Ямис, он не допустит ничего лишнего... он умный мальчик и сразу бы заметил, будь что не так», - успокаивал себя Мая, глядя, как Ланька мерно помешивает аппетитное варево в котелке. Он стоял так, в смятении, долгое время и наконец проговорил:

- Пойду прогуляюсь.

Он прекрасно знал, куда именно направится, и Ланька прекрасно знала, но ответила только:

- Не слишком долго, еда почти готова. Мальчишки поели недавно, остался только ты.

Мая кивнул и побрел по дорожке вдоль хижин, приветственно кивая женщинам и улыбаясь детям. В последние годы племя ни в чем не знало недостатка, запасы продовольствия накопились внушительные, опасностей вокруг никаких не было. Люди

жили сыто и счастливо, и Мая, как новый вождь, видел в этом собственную заслугу.

Он вышел за последнюю хижину деревни и побрел по тропинке к стрельбищу, но остановился вдалеке, глядя на три мальчишеские фигуры. Ямис уже начал расти в плечах, Вельдо еще в прошлую зиму стал покрываться темной порослью на ногах и груди, комплекцией явно пошел в отца и становился все больше и мужественнее с каждым месяцем. Рейни, которому недавно исполнилось четырнадцать, забавно выглядел на их фоне – громкий, звонкий, шустрый, тонкий. А Ямис и Вельдо – молчуны. Непонятно, как они вообще терпят непрерывное щебетание Рейни.

Вот и сейчас Ямис с Вельдо упражнялись в стрельбе, а Рейни прыгал рядом, по виду явно кланчил что-то и их отвлекал. Лучше б тоже потренировался!

Мая не собирался подавать голос и привлекать к себе внимание. Ему незачем было вмешиваться, раз на стрельбище был Ямис, будь Вельдо и Рейни одни, он бы придумал предлог, чтобы позвать сына домой.

Мая стоял в тени молодой осинки, смотрел на детей («да какие же они дети!» - всплеснула бы руками Ланька), и ждал, чувствуя, что за картиной наблюдает не один.

- Долго еще там стоять будешь? – тихо спросил Мая, когда ждать и делать вид, что не чувствует рядом чужого присутствия, надоело. Коин стоял позади него и хмыкнул, отпуская прядь волос из хвоста.

Сколько лет он подходил вот так сзади, неслышно, таясь, и брал пальцами светлый локон, держал его и иногда прикивал губами, надеясь, что Мая не заметит. Даже это долгое время ему было не дозволено. А теперь он мог спокойно сделать шаг вперед, встать рядом, положить руку на хрупкое, по сравнению с его собственным, но сильное плечо. И Мая не дернется в сторону, отстраняясь от прикосновения, не поморщится брезгливо. Время действительно лечит, но как же медленно!

- Он опять тут, - заметил Коин, наблюдая за стрелками.

- Ага, - Мая кивнул. – Как медом намазано.

- Не смотри так, - Коин чуть сдавил пальцами кожу, легко массируя напряженные плечи. – Он совсем не такой, как я или Лабарт. Если б не внешнее сходство, я бы засомневался, что ребенок действительно от меня...

Коин тихо засмеялся и Мая тоже улыбнулся его шутке. Да, на Вельдо только раз взглянуть и надо, чтобы понять, чей он сын.

- Готовитесь к Охоте?

- Сейчас пойду проверю, как все идет.

- Тогда встретимся на рассвете.

- На рассвете, - Мая кивнул.

Коинн еще стоял несколько вздохов, думая о чем-то своем. О том, что следующей ночью, после долгого дня на охоте, они разобьют лагерь где-то вдалеке от дома и он напьется со всеми у Общего Костра, и скажет, наконец, Мае ту глупость, которая все вертится, но никак не слетит с языка. Потому что на трезвую голову Коинн разумнее оценивал свои шансы и догадывался, что в ответ на предложение скажет Мая, а вот на пьяную... на пьяную голову легче уповать на удачу.

И, возможно, Мая согласится. Подумает, посомневается, конечно... может быть, он тоже этого захочет. Кто знает? Порой Духи милостивы, а Коинн очень долго и очень старательно замаливал свои грехи, даже Мая простил его и позволил быть своим другом. И ведь было что-то в его взглядах, в его глазах... Коинн никогда не был особенно хорош в чтении и понимании чужих чувств, но ему казалось, что иногда Мая смотрит на него с грустью. Как будто думает «мне жаль, что между нами ничего не может быть». А может, он понимал неправильно или ему это просто мерещилось.

Коинн представлял, как прошепчет ему, смеющемуся, на ухо эти два слова, похабные и искренние, в которых Мая увидит все, что испытывает к нему Коинн. Мая перестанет смеяться и внимательно посмотрит на него, и, может быть, скажет «нет», а может быть, скажет «да». И, может быть, они уйдут с шумного места, прочь от чужих глаз, в тишину и темноту леса, и там...

Там все будет немного по другому, чем хотелось бы Коинну, но он будет несказанно рад и этому. Главное, что он снова сможет прикоснуться к желанному телу и целовать желанные губы, и плевать, что доминировать в процессе будет не он. У него смелости хватит, а хватит ли ее Мае? Для него это будет шанс почувствовать себя сильнее, взять на себя контроль, почувствовать, что они могут быть на равных, что они могут быть вместе, не унижая и не причиняя друг другу боли. Коинн был готов и страстно желал воссоединения, главное, чтобы и Мая этого захотел.

Но об этом Коинн узнает только завтра, когда прошепчет любимому на ухо заветные слова.

У Вельдо вполне сносно получалось сосредоточиться и не обращать внимания на жалобное пищание скачущего вокруг Рейни. У Ямиса это вызывало некоторые трудности, но парень отличался редким терпением по отношению ко всему вокруг и тоже продолжал заниматься делом, не отвлекаясь на ерунду.

- Пойдем со мной на реку? Ну пойдем! – канючил Рейни, отираясь вокруг Вельдо и намеренно задевая его то плечом, то ногой, мешая прицелиться. – Пойдем на реку! Пойдем! Пойдем!

- Не могу, Рейни, отец меня дома ждет, надо готовиться к Большой Охоте, - спокойно ответил Вельдо и наложил новую стрелу. Рейни встал прямо под его рукой, заглядывая невозможными наглыми глазами в серьезное лицо молодого воина.

- Мы искупаемся и будешь готовиться... это же не долго!

Вельдо медленно выдохнул, и вместе с воздухом отпустил тетиву. Стрела попала ровнехонько в нарисованный на соломенной кукле глаз.

- Вода уже холодная, Рейни...

- Для меня нормальная! Ну пойдём, Вельдо, ну чего тебе стоит? Ямиса палкой к реке не загонишь, он боится большой воды.

«Ничего я не боюсь», - неразборчиво донеслось со стороны Ямиса, но его никто не слушал.

- Что у тебя, других друзей нет, на реку сходить?

Вельдо только нашарил пальцами новую стрелу в колчане, но Рейни схватил его за руку, уперся в землю ногами и потянул в сторону.

- С другими не интересно, я с тобой хочу! Ну, пошли, Вельдо, пошли!

- Ямис... – Вельдо просительно взглянул на друга. – Если за мной придут...

- Урааа! – торжествующе вскричал Рейни. – Повезешь меня? – и, не дожидаясь ответа, вскочил на спину старшего приятеля. – Но-но, моя лошадка!

- Вертит тобой, как хочет, - Ямис укоризненно покачал головой, а Вельдо только вздохнул в ответ, мол, «что поделаешь», и подхватил свою ношу поудобнее за ноги. – Ладно, понятно все с тобой. Идите, я, если что, прикрою.

И Вельдо, благодарно кивнув, зашагал по тропинке в лес, в сторону выхода из Долины, где за золотыми полями текла широкая река. Рейни смешно дрыгал ногами и вещал что-то звонким голосом, время от времени его перебивал грубоватый голос молодого воина:

- Не кричи. Тихо. Не дергайся!

Ямис улыбнулся, глядя вслед придурочной парочке. Для него уже давно не было секретом, что за симпатия связывает этих двоих, но догадывались ли они об этом сами? Вельдо мог, наверное, а у Рейни еще ветер гуляет в голове.

Ямис подобрал с земли колчаны, лук приятеля и пошел к мишеням, чтобы собрать все выпущенные стрелы. Когда он обернулся и двинулся в сторону дома, то увидел вдалеке Маю, явно наблюдавшего за ними уже какое-то время. Пришлось лихорадочно придумывать, что бы соврать про Рейни и Вельдо, потому что строгому Мае про опасную далекую реку говорить точно было нельзя.

Примечание к части

Вот, пожалуй, и все...)

Моя первая законченная большая работа. Я знаю, что будут читатели, которые не согласны с такой концовкой, что кто-то разочаруется, но я так же верю, что будут те, кого такое завершение истории порадует. И я хочу сказать всем без исключения СПАСИБО за то, что ждали, что несмотря ни на что дочитали до конца.

Свободно делитесь своими мыслями, мне очень интересно знать, кто как воспринял историю)

Эпилог посвящаю всем тем ПЧелкам, что были со мной с самого начала и до конца!